

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

4
2019

ИЮЛЬ •
АВГУСТ •

Содержание

СТАТЬИ

- Флоря Б.Н.* (Москва). Проект регулирования межконфессиональных отношений в Речи Посполитой 1587 года..... 3
- Турилов А.А.* (Москва). «Шибла слава... к Торнову»: об одном орфографическом аргументе в пользу ранней датировки пространной редакции «Задонщины»..... 10
- Иванюк С.А.* (Волгоград). К истории событий на Украине весной 1709 года..... 15
- Ковалев М.В.* (Москва), *Шереш А.* (Будапешт). Венгерский археолог Нандор Феттих и его связи с русскими учеными-эмигрантами..... 24
- Герчикова И.А.* (Москва). Чехи и «чешскость»: в поисках национальной идентичности (1918–2018)..... 37
- Адельгейм И.Е.* (Москва). Постмодернизация литературы, полонизация постмодернизма..... 45
- Старикова Н.Н.* (Москва). Постмодернистский дискурс и словенская литературная практика..... 51
- Шешкен А.Г.* (Москва). Македонские писатели в лабиринте постмодернизма..... 60
- Ефимова В.С.* (Москва). Старославянская суффиксация как компенсация греческого артикля..... 70
- Соломоновская А.Л.* (Новосибирск). Переводческие дублиеты в corpus Arceopagiticum Slavicum: структура и функционирование..... 80

ПУБЛИКАЦИИ

- Поп И.И.* (Хеб). Воспоминания Е.Л. Недзельского – русского эмигранта в Чехословакии..... 90

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

- Марней Л.П., Носов Б.В.* (Москва). К 100-летию Ивана Ивановича Костюшко..... 116

РЕЦЕНЗИИ

- Косик В.И.* Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944)..... 126
- Косик В.И.* П.Н. Базанов. «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова 128

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Дронов М.Ю., Серапионова Е.П. Седьмое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Словакия и Россия в переломных моментах истории: люди, идеи, события»..... 131

ЮБИЛЕИ

К юбилею Михаила Андреевича Робинсона 133
К юбилею Светланы Ивановны Данченко..... 135

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИПШИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

ПРОЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ 1587 ГОДА

© 2019 г. Б.Н. Флоря

*Чл.-корр. РАН, заведующий отделом Института славяноведения РАН**E-mail: zhurslav@mail.ru*

В статье анализируется проект установления межконфессионального мира в Речи Посполитой, выдвинутый протестантской шляхтой. Его анализ позволяет показать отношение его составителей к разным конфессиональным общностям в этом государстве.

The article considers the project of imposing confessional peace in Rzeczpospolita, proposed by the Protestant nobility (szlachta). It allows demonstrating the attitude of its architects to different confessional communities in this state.

Ключевые слова: протестанты, православные, католики, армяне, ариане, межконфессиональный мир.

Keywords: Protestants, Greek Orthodox, Catholics, Armenians, Arians, interconfessional peace.

DOI: 10.31857/S0869544X0005441-8

Межконфессиональные отношения в Речи Посполитой 70–80-х годов XVI в. определял, как известно, текст Варшавской конфедерации 1573 г. Текст, принятый 28 января 1573 г. по соглашению между дворянством разных христианских вероисповеданий, несмотря на оппозицию католического епископата, стал государственным законом после его включения в состав коронационных присяг королей Генриха Валуа, а затем – Стефана Батория.

Документом фиксировалось общее желание дворянства разных вероисповеданий не допустить религиозных войн в своей стране. В этой связи стороны брали на себя обязательство установить мир между собой и не проливать кровь из-за разногласий в понимании христианской веры. Более того, различия в вере не должны были стать причиной конфискации имущества, заключения в тюрьму, лишения чести и изгнания. И участники конфедерации, а затем и монарх брали на себя обязательство не содействовать подобным действиям власти, а противостоять им, даже если они основываются на некоем судебном решении¹. Хотя на практике речь шла об установлении прежде

¹ См. текст Варшавской конфедерации в составе ст. 3 III раздела III Литовского статута [1. С. 112–113].

всего своеобразного мирного соглашения между католиками и протестантами, установления конфедерации как общая норма относились ко всем христианским конфессиям на территории Польско-Литовского государства. Тем самым у католической церкви окончательно пропадала возможность добиваться наказания еретиков, обращаясь к органам государственной власти. Было очевидно, что действие договоренности распространялось на дворян разных вероисповеданий. В тексте, однако, не разъяснялось, распространялись ли и в какой мере эти договоренности на другие слои общества. В тексте конфедерации утверждалась власть господ над подданными — жителями частновладельческих городов и деревень «in spiritualibus, quam in saecularibus». Что касается мещан королевских городов, то вопрос оставался открытым [2. S. 23–27]. Возможно, каждая из сторон соглашения рассчитывала использовать открывающиеся возможности для обращения иноверцев, оказавшихся под властью землевладельца или старосты. Наконец, существенно, что общее установление не сопровождалось статьями, которые описывали бы процедуру возбуждения дел против нарушителей межконфессионального мира, санкции за его нарушения, состав и характер органов, которые такие санкции устанавливали. Вероятно потому, что составители документа старались устранить угрозу со стороны органов власти, не видя других опасностей.

В ходе событий последующих лет слабые места достигнутой договоренности четко обозначились, тем более, что против самого этого документа стали активно выступать враждебные силы. На петроковском синоде польской католической церкви (май 1577 г.) было принято решение отлучать от церкви каждого, кто будет одобрять подобный документ. Это решение синода в 1579 г. было опубликовано. Надворный проповедник Стефана Батория С. Соколовский призывал «карать» еретиков, а не предоставлять им какие-то права [3. S. 80–83].

В условиях начавшихся натисков контрреформации, перехода дворянства в католицизм и перемен в политике власти установления конфедерации и имеющиеся в ней пробелы давали новые возможности именно приверженцам контрреформации, которые, опираясь на постановления конфедерации, могли принуждать подданных к перемене веры. Имели место и опасные заявления покровительствовавшего иезуитам монарха-католика Стефана Батория, что в своих городах он пользуется такой же властью, как каждый пан в своих владениях [2. S. 27]. С наступлением контрреформации стала возрастать и напряженность в отношениях между приверженцами разных конфессий. Представители главной боевой силы контрреформации — иезуиты призывали католиков разорвать всякие контакты с еретиками. И разрывом контактов дело не ограничилось. Последовали призывы к католикам—городским жителям пресечь деятельность в этих городах очагов распространения зла — протестантских «зборов». К этому призывали иезуитские проповедники, а подстрекали воспитанники иезуитских школ.

Уже в 70–80-х годах XVI в. в целом ряде городов (Краков, Вильно и др.) произошли погромы, противодействие процессиям, осквернение кладбищ. Вместе с тем выяснилось, что органы власти, отнюдь не поощрявшие подобные действия, вместе с тем не принимали самых энергичных мер для их пресечения и наказания нарушителей. Создавались ситуации, которых составители Варшавской конфедерации не предвидели. В ней говорилось о возможных нетолерантных действиях органов власти (но не частных лиц) и ничего не говорилось о том, как покончить с их пассивностью перед лицом

межконфессиональных конфликтов (см. об этом подробнее [4. S. 164–167]). Понятно появление в этих условиях заинтересованности в протестантской среде в подготовке нового соглашения, где был бы предусмотрен целый комплекс мер, осуществление которых положило бы конец негативным тенденциям и утвердило бы в стране межконфессиональный мир.

Как представлялось протестантам, благоприятная ситуация для этого сложилась с наступлением в 1587 г. «бескорольевья» после смерти Стефана Батория. В решении собравшегося в марте 1587 г. конвокационного сейма, несмотря на противодействие католического духовенства, был внесен пункт о том, что на элекционном сейме будет рассмотрен вопрос, касающийся «umocnienia» конфедерации и «excessów porpawy» [5. S. 116–118]. В результате был подготовлен ряд проектов, предлагавшихся на обсуждение участникам сначала элекционного 1587 г., а затем коронационного сейма 1587–1588 г. [5. S. 120–127]. Уже после появления исследования, посвященного анализу таких предложений, был найден и опубликован проект, содержащий наиболее развернутую и многостороннюю характеристику предмета [6]. Хотя документ был обнаружен его публикатором среди бумаг из архива Радзивиллов в Публичной библиотеке, исследователь убедительно показал, что этот проект составлен в среде протестантов Польского королевства [6. S. 157–158]. Хотя этот проект, как и другие, не был принят и не стал действующим правом, он представляет очевидный интерес как содержательная характеристика той модели межконфессиональных отношений в Речи Посполитой, которую считала для себя желательной политически активная часть протестантского общества Польского королевства.

Подготовленный в среде кальвинистов проект делился на три части. В первой отмечалось, кого касается межконфессиональный мир и каковы его основные черты, во второй перечислялись возможные нарушения условий такого мира, в третьей перечислялись меры, к которым следует прибегнуть, чтобы эти нарушения пресечь.

Согласно проекту, межконфессиональный мир распространялся на всех христиан – жителей Речи Посполитой, которые веруют в Троицу, но отличаются друг от друга «w niektórych artykułiach i ceremoniach». Это – католики, протестанты трех конфессий (кальвинисты, лютеране, чешские братья), а также православные и армяне, о которых отмечено, что с ними «z dawna konfederacją mamy [...] w pokoju zachowujemy», и все вместе «prawem pospolitym się cieszymy» [6. S. 161–162]. От них отличаются те, кто ранее верил в Троицу, а теперь держатся «konfesyj spójnej z Żydy a z Turki». Конфедерация с ними невозможна, и участники конфедерации должны вместе бороться против этих заблуждений. Вместе с тем их следует «терпеть», как в Речи Посполитой терпят евреев. Более того, в тексте указывалось, что по отношению к ним «rokój i sprawiedliwość trzymać powinni będziemy» [6. S. 162]. Таким образом, такое левое радикальное направление реформации, как арианство выводилось за рамки проектируемого соглашения. Арианам, правда, обещалось сохранение «мира», но непонятно на каких условиях, так как все последующее изложение проекта имело в виду участников конфедерации. Следует также отметить, что, хотя во введении в числе участников конфедерации фигурируют «армяне», но в последующем тексте они ни разу не упоминаются.

В дальнейшем в тексте отмечается, что действие конфедерации в указанных рамках распространяется и на королевские города, и на владения церкви, где церковные власти не должны преследовать иноверцев – своих

подданных [6. S. 163]. Далее фиксируются две важные особенности межконфессионального мира. Во-первых, фиксируется обязательство монарха раздавать «honores, dignitates, officiae et praemia» равным образом католикам, протестантам и «ruskiej wiary ludziom». Во-вторых, все участники конфедерации на территории городов должны были обладать правом свободного вступления в цехи и правом свободного распоряжения своим имуществом и приобретения нового [6. S. 163].

Вынесение этих двух положений уже во вводную часть проекта говорит о том, что речь шла прежде всего о защите интересов некаатолической шляхты и некаатолического мещанства. Уже здесь можно отметить важное отличие от Варшавской конфедерации, где вопрос о мещанах и их правах вообще не затрагивался.

Вторая часть проекта содержала перечень действий, которые квалифицировались как нарушение межконфессионального мира, и совершившие их должны были подлежать наказанию.

Если принять во внимание ту обстановку, в которой создавался проект, и причины, побудившие к его составлению, не вызовет удивления, что его вторая часть открывалась группой статей, где как нарушения межконфессионального мира оценивались нападения на храмы, препятствия совершению богослужения и процессиям, осквернение кладбищ, нападения на священнослужителей и их имущество. Отдельно отмечалось подстрекательство людей к таким нападениям [6. S. 163–164].

Как объект нападений в ст. 1 второй части проекта фигурировали церкви, костелы, «зборы», в последующих статьях как пострадавшие выступали «ксендз», «министр», «поп». Таким образом, проект содержал целый ряд конкретных указаний, что действие конфедерации должно распространяться на католиков, протестантов и православных.

Целый ряд статей во второй части проекта был направлен на пресечение неравноправного положения иноверцев в городской среде. Как нарушения межконфессионального мира рассматривались отказ принять иноверца в цех или братство, препятствие его торговой деятельности, принуждение горожанина к участию в исполнении обрядов и расходов «nabożeństwa swojego» и принуждение отмечать праздники по католическому календарю. Как нарушение конфессионального мира оценивались и действия городских властей, если они не карали виновников и не защищали обиженных [6. S. 165].

Включение в проект целого ряда таких статей говорит о том, что в кальвинистской среде Польши протестантское мещанство, очевидно, пользовалось определенным влиянием и сумело позаботиться о защите своих интересов. Впрочем, в этом были заинтересованы и православные, которых определенно касалась такая практика в юго-восточных землях Польского королевства.

Важная особенность проекта – рассмотрение в нем положения иноверных подданных в имениях знатных панов. Вопрос, как известно, затрагивался при подготовке текста Варшавской конфедерации, но в окончательном тексте документа отмечалось прежде всего, что подданные не должны отказываться от своих обязанностей по отношению к пану «sub pretextu religionis». В этом случае пану предоставлялось право таких людей «карать» «in spiritualibus quam in secularibus podług rozumienia swego». Несмотря на некоторые неясности текста фактически он мог толковаться как право пана воздействовать на верования своих подданных (см. подробнее [2. S. 23–27]).

Понятно, что в таких условиях составители проекта, касаясь такой темы, должны были действовать очень осторожно. В ст. 9 части II проекта, правда, не говорилось об обязанностях подданных по отношению к пану, но, как представляется, потому что к 1587 г. это уже было общепринятой нормой. Более того, признавалось право землевладельца отводить подданных от «грешных забав» и заставлять их присутствовать на богослужении в воскресные и праздничные дни с помощью наказаний. Составители статьи явно стремились сохранить власть пана над подданными, в том числе и в деле их религиозного воспитания. Но все же отмечалось как нарушение межконфессионального мира принуждение паном подданных силой к участию в обрядах «его» конфессии [6. S. 164]. По-видимому, составители проекта вынуждены были реагировать на распространение такой практики с началом контрреформации.

Наконец, как нарушение межконфессионального мира расценивались действия властей, городских и государственных, которые не принимали мер к сохранению межконфессионального мира и не наказывали его нарушителей [6. S. 166]. И в этом нельзя не видеть реакции на действия властей во время имевших место погромов.

III часть проекта под заголовком «Proces rewny» содержала предложение по организации определенного механизма борьбы с перечисленными нарушениями.

Соответствующие статьи предусматривали, к кому пострадавшим следовало обратиться для возбуждения дела и кто будет проводить расследование и назначать наказания. Наиболее подробно такая процедура разработана для жалоб подданных на пана. Подданные должны обратиться с жалобами «do biskupa katolickiego albo do patrona ewangelickiego», которые организуют вызов пана в суд с наложением на него крупного денежного штрафа и возмещения убытков пострадавшим. Если бы такие действия сопровождались убийствами, пану предстояло судебное разбирательство на сейме [6. S. 167–168].

Обращает на себя внимание, что, хотя обычным делом было присутствие во владениях католической шляхты православных подданных (на землях Великого княжества Литовского возникавшие при этом ситуации регулировались уже актами конца XV в.), православный епископ не получал права возбуждать дела, хотя даже на землях Короны имелся целый ряд православных епископов (львовский, перемышльский, холмский, владими́ро-волинский, луцкий), имелся также и глава православной церкви в Речи Посполитой — киевский митрополит.

Важной особенностью проекта стали предложения о создании сеймом особого судебного органа, который бы судил и нарушителей межконфессионального мира, и должностных лиц, не выполнивших свои обязанности по сохранению мира. Если на шляхтичей — должностных лиц могли быть наложены высокие денежные штрафы, то городские магистраты могли быть подвергнуты смертной казни [6. S. 168].

Заслуживает внимание проектируемый состав такого судебного органа. В его состав должны были войти шесть сенаторов (три протестанта и три католика) и шесть членов Посольской избы (три протестанта и три католика)².

²В проекте, поданном на коронационный сейм, говорилось о суде 12 сенаторов (шесть католиков и шесть протестантов) (см. [6. S. 126]).

Этот суд должен был судить и шляхтичей, и духовных лиц, организовавших погромы и участвовавших в них. В этом случае не должны были действовать законы, устанавливавшие подсудность духовных лиц церковному суду [6. S. 166–167]. Особые санкции устанавливались для священнослужителей и учителей, которые не представили бы на суд виновных учеников церковных школ [6. S. 169–170]. Этот же суд должен был судить представителей государственной администрации и городских властей, которые не выполнили бы своих обязанностей или покровительствовали погромщикам [3. S. 168–169]. Так составители проекта рассчитывали положить конец погромам.

Хотя в 1587 г. в составе и сената, и Посольской избы присутствовали православные сенаторы и послы, о каком-либо участии православных в работе подобного органа ничего не говорится. Православные в этой третьей, наиболее важной, части проекта вообще не упоминаются, даже в списках возможных нарушителей межконфессионального мира. Правда, можно было бы предполагать, что такие использованные в текстах III части проекта термины, как «clericus» или «sacerdos» употреблены здесь в более общем значении, но очевидно отличие от II части проекта, где православный священник выделяется в целом ряде статей особо, а умолчание о православной церковной иерархии очевидно.

Исследователи, изучавшие текст Варшавской конфедерации 1573 г., справедливо отмечали, что, несмотря на общий характер установлений, речь шла об установлении межконфессионального мира прежде всего между католиками и протестантами [8. S. 358; 2. S. 22]. Православные участвовали в принятии этого акта, но не оказали существенного влияния на его содержание [8. S. 356–357].

К 1587 г. положение дел изменилось. В проекте прямо указано, что межконфессиональный мир распространяется на православных, и они могут, как и ранее, свободно совершать богослужение в своих храмах. В проект внесен, как уже отмечалось, ряд статей об охране православного священника и его имущества, но сделано это весьма непоследовательно. Так, в 3 ст. II части проекта говорится о препятствиях при богослужении, при совершении похорон, при процессиях, но при этом упоминаются только «каплан» и «министр» [6. S. 164], хотя хорошо известны жалобы православных жителей Львова на трудности, с которыми они сталкивались в этом отношении. В 13 ст. II части как нарушение мира рассматривались препятствия изданию и продаже книг «tak katolickich, jako ewangelickich» [6. S. 165]. Хотя к этому времени уже существовало православное книгопечатание и в 1580 г. увидела свет Острожская библия, православные книги здесь не упомянуты. Как нарушение межконфессионального мира рассматривается случай, когда «katolik ewangelikowi» и, наоборот, «na sławie albo dobrach a sprawiedliwości szkodzil» (ст. 14), православный как сторона подобного спора, здесь не фигурирует [6. S. 165].

Очевидно, что важной целью создателей проекта было поставить препятствия со стороны протестантских магнатов и шляхты насильственному обращению в католицизм их единоверцев, чем ознаменовался начавшийся натиск контрреформации. С начавшимся переходом дворянства в лагерь сторонников восстановления традиционных позиций католической церкви власть над подданными и мещанами могла быть использована совсем не так, как предполагали люди, подготовившие текст Варшавской конфедерации. Так возник вопрос о предоставлении определенных прав мещанам-единоверцам королевских городов и даже подданным.

Путь к достижению своей цели составители проекта видели в соглашении между протестантским и католическим дворянством (с исключением протестантов радикальных направлений) на условиях полного равноправия сторон, о чем говорит смешанный состав суда, который должен был рассматривать дела о нарушениях межконфессионального мира. Ни православное дворянство, ни тем более православная церковь не рассматривались при этом в качестве серьезного политического партнера, интересы которого следовало принимать во внимание. В борьбе с нарушениями межконфессионального мира им не должна была принадлежать никакая самостоятельная роль.

В сознании наиболее активной и образованной части протестантской элиты существовала, очевидно, определенная иерархия отношений. На верхней ступени некоей воображаемой лестницы стояли протестанты трех объединенных конфессий и католики, ниже находились православные, наделенные некоторыми правами, но не участвовавшие в принятии решений. Еще ниже находились армяне, которые только упоминались с положительной оценкой. Еще ниже находились ариане, евреи и турки, со взглядами которых следовало вести борьбу, хотя само их существование следовало «терпеть».

Последние десятилетия XVI в. принесли изменения лишь в одном звене этой иерархии. В 1599 г. начались переговоры о заключении союза между протестантами и православными для совместного противостояния воинствующим сторонникам контрреформации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты, Даведнік. Каментарыі. Мінск, 1989.
2. *Salmonowicz S.* Geneza i treść uchwał konfederacji warszawskiej // *Odrodzenie i reformacja w Polsce.* Warszawa, 1974. Т. XIX.
3. *Korolko W.* Spory i polemiki wokół konfederacji warszawskiej. 1576–1609 // *Odrodzenie i reformacja w Polsce.* Warszawa, 1974. Т. XIX.
4. *Tazbir J.* Szlachta i teologowie. *Studia z dziejów polskiej Kontrreformacji.* Warszawa, 1987.
5. *Lepszy K.* Walka sejmowa o konfederację warszawską w roku 1587 // *Odrodzenie i reformacja w Polsce.* Warszawa, 1959. Т. IV.
6. *Seredyka J.* Nie znany projekt egzekucji konfederacji warszawskiej // *Odrodzenie i reformacja w Polsce.* Warszawa, 1976. Т. XX.
7. *Chodynicki K.* Kościół prawosławny a Rzeczpospolita polska. *Zarys historyczny 1370–1632.* Warszawa, 1934.

«ШИБЛА СЛАВА... К ТОРНОВУ»: ОБ ОДНОМ ОРФОГРАФИЧЕСКОМ АРГУМЕНТЕ В ПОЛЬЗУ РАННЕЙ ДАТИРОВКИ ПРОСТРАННОЙ РЕДАКЦИИ «ЗАДОНЩИНЫ»

© 2019 г. А.А. Турилов

*Канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН
aaturilov@gmail.ru*

В статье рассматривается возможность датировки пространной (первоначальной) редакции «Задонщины» на основании формы написания названия болгарской столицы, которая неоднократно менялась в русской письменности на протяжении конца XIV–XV в. в процессе распространения «второго южнославянского влияния». Форма «Торнов», присутствующая в «Задонщине», соответствует концу XIV, самое позднее – началу XV в.

The article considers the possibility of dating the initial, more extensive edition of «Zadonshchina» based on the form of writing of the name of the Bulgarian capital, which had gone through numerous changes in the Russian written language of the late fourteenth and fifteenth centuries during the process of spread of the so called «second southern-Slavic influence». The form «Tornov», which is used in «Zadonshchina», corresponds to the late fourteenth, or the early fifteenth century.

Ключевые слова: «Задонщина», датировка, Тырново, русская орфография, «второе южнославянское влияние».

Keywords: «Zadonshchina», dating, Tyrnovo, Russian orthography, «second southern-Slavic influence».

DOI: 10.31857/S0869544X0005440-7

Как известно, упоминание в пространной редакции «Задонщины» столицы Второго Болгарского царства («Торнов») среди городов и местностей, к которым «шибла слава» Куликовской победы¹, по-разному трактуется сторонниками раннего и позднего происхождения памятника. Для первых это (наряду с упоминанием «Орнача» – Ургенча, разрушенного в 1388 г. Тимуром [2. С. 224–225; 3. С. 118, 258–259]), практически *terminus ante quem*, поскольку в 1393 г. город был взят войсками османского султана Баязида I «Молнии» (Ильдрима) и Тырновское царство прекратило свое существование [4. С. 258–259]². Для вторых это свидетельство того, что, когда «в конце

¹ Новейший подробный разбор этого списка см. в [1].

² Подробнее об исторических аргументах в пользу ранней датировки памятника см. в статье Л.В. Соколовой [1].

XV в. Русь вышла на мировую арену и этому пододал более широкий резонанс Куликовской победы, [...] черемиса, Устюг и неопределенное “до чяхов, до ляхов” заменены Царьградом, Тырновом и Кафой» [5. С. 69]³, с уточнением, что «появление Тырнова в поздней редакции “Задонщины”, возможно, находится еще в связи с тем, что в Никоновской летописи (которой автор редакции несомненно пользовался) наблюдается стремление прославить митрополита Киприана, болгарина по происхождению, и это прославление, как показал А.А. Шахматов, ведет нас к XVI в.» [5. С. 69]. Почитание Киприана на Руси в XVI в. несомненно наблюдается — его память встречается в месяцесловах, около середины столетия было написано его проложное житие, идеализированное описание его внешности было включено в Толковый Иконописный подлинник [8. С. 641, 643]. Беда лишь в том, что и в это время, и позднее в Москве митрополита считали не болгаринном, а сербом по происхождению — на это недвусмысленно указывает и начало его жития, и известный отзыв о Киприане Максима Грека, донесенный до нас старцем Нилом Курлятевых [9. С. 96–97], и Степенная книга [10. С. 108], и, наконец, сама Никоновская летопись [11. Т. 9. С. 194]. Версия эта благополучно дожила в отечественной литературе до XX в., и еще во второй половине 1940-х годов ее вынужден был с горячностью болгарского патриота энергично оспаривать академик Й. Иванов [12. С. 58–66]. Что до «более широкого резонанса», то нелишне напомнить, что в «плаче» о христианских странах, завоеванных турками, помещенном в Хронографе редакции 1512 г. после рассказа о стоянии на Угре, упомянут вовсе не город Тырнов, а страна / народ «Болгаре» [13. С. 502]. В совокупности все это по меньшей мере подрывает силу и значимость перечисленных рассуждений.

Обратимся, однако, непосредственно к форме передачи топонима в «Задонщине». Написание «ТОРнов» представляет вполне естественное приведение среднеболгарского «ТРЪнов» в соответствие с восточнославянскими правописными нормами и явно содержит в себе датирующий момент⁴. Дело в том, что подобная «русификация» орфографии характерна только для самого раннего этапа «второго южнославянского влияния» последней четверти XIV — первой половины XV вв., примерно до рубежа 1400–1410-х годов. Позднее в древнерусских рукописях обычными становятся южнославянские (чаще среднеболгарские, реже сербские) правописные нормы⁵. В большинстве случаев смена орфографии сопровождается сменой типа почерка — русский устав (либо «старший» полуустав) сменяется «младшим» полууставом, южнославянским по происхождению. Показателен пример двух идентичных по составу (явно восходящих к общему оригиналу) и современных друг другу (1410-е годы) монашеских сборников, основу которых составляет Патерик Азбучный и Иерусалимский (Ярославль, Музей-заповедник, инв. № 5479, и РНБ, собр. М.П. Погодина, № 876)⁶. Первый (вероятно, ярославского происхождения) написан старшим полууставом (почти уставом) с выдержанной древнерусской

³ Ср. мнения других сторонников первичности краткой (Ефросиновской) редакции Задонщины [6–7].

⁴ Поразительным образом исследователи, придерживающиеся мнения о первичности пространной редакции Задонщины, до сих пор не придавали этому значения. Возможно, это объясняется тем, что среди них практически не было лингвистов. Впрочем, автор статьи тоже не лингвист, но достаточно много занимался проблемами «второго южнославянского влияния».

⁵ Примеры этого наглядно представлены в работах М.Г. Гальченко [14. С. 15–27, 73–299, 325–382], в особенности в сводных таблицах графико-орфографических данных [14. С. 383–437].

⁶ Отождествление состава рукописей и датировка обоих кодексов (написанных на бумаге) принадлежат автору. Ранее рукописи датировались соответственно второй половиной и концом XIV в. [15. С. 187, № 746; 16. С. 229, № 727; 17. С. 451–452] и рубежом XIV–XV вв. [18. С. 15–17].

орфографией, второй (почти несомненно московский) младшим полууставом и практически без отклонений от среднеболгарского правописания [17. С. 451]. Обе рукописи (соответственно, л. 301–304 и 314об.– 321) содержат широко известное послание патриарха Евфимия Тырновского к Киприану мниху (в первом случае – «ТОРновьскаго», во втором – «ТРЪновьскаго» [17. С. 452].

Однако указанной парой вариантов орфографическая ситуация с топонимом и производными от него не ограничивается. Не позднее 1420-х годов в восточнославянских рукописях получают известность и распространение ре-савские правописные нормы, характерные для сербской и (отчасти) болгарской традиции⁷. Применительно к Тырнову это дает написание «ТРЪнову» и русифицированную форму «ТЕРнову». Обе формы быстро занимают господствующее положение. Так, в древнейшем полном русском комплекте Стишного Пролога 1429 г. (РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры (ф. 304.1), № 715, 717, 720 – stsl.ru) топоним встречается пять раз, четыре – в форме «ТЕРнов» (№ 717, л. 379об., 395, 399об.; № 720, л. 230об. – соответственно, южнославянские жития Иоанна Рыльского, Параскевы-Петки Тырновской, повесть о перенесении мощей Илариона, епископа Мегленского, и житие Саввы Сербского) и один раз (в соответствии с более ранней практикой) как «ТРЪнов» (№ 720, л. 70об. – житие Михаила Воина)⁸. Некоторое время (вероятно, до середины – второй трети XV в.) варианты написания топонима с Ъ и с Ь (и русифицированная форма последнего) в русских рукописях сосуществуют (см., к примеру, «ТРЪновьскаго» в заголовках похвального слова патриарха Евфимия св. царям Константину и Елене и жития преподобной Филофеи «Темнишской» (т.е. «Темничной») в Сборнике житий и похвальных слов первой трети – второй четверти этого столетия – РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 754, л. 171, 291об. – stsl.ru), но древнейшая русифицированная форма явно выходит из употребления. В позднейшей рукописной традиции, включая и XVI в. формы «ТРЪнов» и (реже) «ТЕРнов» абсолютно преобладают (как в списках Стишного Пролога, так и в заголовках сочинений патриарха Евфимия). Поэтому, если бы пространная редакция Задонщины создавалась в последней четверти XV – начале XVI в. (дата Музейского списка), в рассматриваемом пассаже читалось бы, несомненно, «к ТРЪнову» либо «к ТЕРнову». К слову, у Ефросина в пересказе проложного жития Илариона Мегленского в составе сборника

⁷ К сожалению, в сводных таблицах М.Г. Гальченко употребление Ъ и Ь в этих написаниях не разграничивается [14. С. 385].

⁸ К сожалению, от более раннего (рубежа XIV–XV или, вероятнее, начала XV в.) русского комплекта Стишного Пролога до нас дошел только пергаменный том на март-август (ГИМ собр. Чудова монастыря, № 17), т.е. на полугодие, в котором жития южнославянских (и прежде всего болгарских) святых отсутствуют. Ситуация, однако, может быть реконструирована, по крайней мере отчасти. Дело в том, что известна рукопись Стишного Пролога на осенне-зимнее полугодие, хотя и существенно более поздняя, но несомненно восходящая либо к Чудовскому комплекту, либо к общему с ним списку. Речь идет о списке первой трети XVI в. – НБ МГУ, Верещагинское собр., № 818. С Чуд. 17 его сближают две особенности. Прежде всего это полугодовые тома. Такое деление характерно для южнославянской традиции, но в восточнославянской, за исключением указанной пары, оно неизвестно: Троицкий полный комплект состоит из трех неравных томов, а все позднейшие организованы поквартально [19. С. 642–644]. Вторая заключается в том, что в Чуд. 17 и Верещаг. 818 содержится относительно небольшое число заимствований из нестишного Пролога по сравнению с позднейшими комплектами [19. С. 641]. Рукописи не были привлечены Г. Петковым в его исследовании [20], но верещагинский том имеет постатейную роспись, выполненную свыше 35 лет назад [21. С. 45–55]. Верещаг. 818 содержит тот же набор южнославянских житий и повестей, что и троицкий комплект, написание во всех случаях ТРЪнов (л. 127 – житие Параскевы-Петки, 143об. – житие Иоанна Рыльского, 148–148об. – повесть о перенесении мощей Илариона Мегленского, 253об. – житие Михаила Воина, 420об. – житие Саввы Сербского). Это вполне соответствует датировке Чудовского полутома.

РНБ, Кир-Бел. № 22/1099, л. 116об. топоним дан именно в последнем написании [22. С. 80]. Уместно напомнить, что та же форма читается в Хронографе редакции 1512 г. [13. С. 386, 392, 394], преобладает она и в Никоновской летописи [11. Т. 10. С. 45–47, 226; Т. 11. С. 145; С. 154 – здесь «ТРЪнов»]. Вообще, форма «ТЕРнов» очень прочно вошла в русский книжный язык и господствовала там по крайней мере до начала XX в.: достаточно вспомнить генеалогическую легенду рода Воейковых конца XVII в. [23. С. 121–122], хотя ее автор явно смешивал столицу Болгарии с Торнау / Торунью, старообрядческую мистификацию 1726 (?) г. «Вопросы Менандра Гумбертова» [13. С. 474; 24], и наименование болгарского патриарха Евфимия «Терновским» в отечественной научной литературе XIX – начала XX столетий [25; 26. С. 172 и др.]. Появление более близкой к современной формы «ТУРнов» (но не «ТОРнов») в документальных источниках (делах о приезде в Москву болгарского и греческого духовенства) XVII–XVIII вв. [27. С. 74, 98, 109, 157] явно связано с восприятием топонима на слух. Но и здесь с нею соседствует представленное даже большим числом примеров традиционное «ТЕРнов» [27. С. 33, 40, 41, 254, 267].

Таким образом, представляется, что в случае с «Торновом» мы имеем не большое, но вполне надежное свидетельство древности (не позднее начала XV в.) пространной, а не краткой редакции «Задонщины», т.е. приведенный орфографический аргумент вполне согласуется с исторической датировкой создания памятника – до взятия Тырнова османами (1393) и во время пребывания митрополита Киприана на общерусской митрополичьей кафедре (1381–1382, 1390–1406), причем более вероятным представляется – в силу большей актуальности сюжета – первый из периодов.

Предложенным построениям можно привести существенный на первый взгляд контраргумент. В «Списке русских городов, дальних и ближних», который традиционно было принято датировать не позднее 1393 г. [28. С. 85–88], название болгарской столицы выступает в поздней русифицированной форме «ТЕРнов» [28. С. 94], какой оно не могло иметь в рассматриваемый период. Однако исследования последних лет показали присутствие в памятнике позднейших известий (вплоть до 1440-х годов)⁹ [29. С. 70–72], т.е. мы имеем здесь дело с позднейшей редакцией текста, времени которой указанная форма названия вполне соответствует¹⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Соколова Л.В.* Куда «шибла слава» о Куликовской битве? (К вопросу о «списке городов» в пространной и краткой редакциях «Задонщины») // Книжные центры Древней Руси: Книжники и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 2012.
2. *Моисеева Г.Н.* К вопросу о датировке Задонщины (Наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34.
3. *Кучкин В.А.* К датировке Задонщины // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.
4. *Тихомиров М.Н.* Средневековая Москва в XIV–XVI вв. М., 1957.
5. *Зимин А.А.* Слово о полку Игореве. СПб., 2006.

⁹ Уместно напомнить, что старший список памятника дошел в составе дополнений к Комиссионной (или Археографической) рукописи Новгородской I летописи младшего извода и датируется около 1450 г. [28. С. 90].

¹⁰ Следует заметить, что В.А. Кучкин не рассматривает возможности позднейшего редактирования «Списка», относя его создание к 1440-м годам [29], с чем невозможно согласиться, исходя уже из упоминания «Тернова».

6. *Никитин А.Л.* Место Кирилло-Белозерского списка в рукописной истории Задонщины // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10.
7. *Шибяев М.А.* «Задонщина», «Слово о полку Игореве» и Кирилло-Белозерский монастырь // Очерки феодальной России. М., 2003. Вып. 7.
8. *Флоря Б.Н., Турилов А.А., Преображенский А.С.* Киприан митрополит Киевский // Православная энциклопедия. М., 2013. Т. 33.
9. *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. Л., 1975.
10. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. Тексты и комментарий. М., 2008. Т. 2.
11. ПСРЛ. М., 1965. Т. 9–13 (Патриаршая или Никоновская летопись).
12. *Иванов Й.* Избрани произведения. София, 1982. Т. 1.
13. ПСРЛ. М., 2005. Т. 22 (Русский Хронограф). Ч. 1 (Хронограф редакции 1512 г.).
14. *Гальченко М.Г.* Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М., 2001 (Труды ЦМИАР. Т. 1).
15. *Лукьянов В.В.* Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1958 (= Краеведческие записки. Вып. 3).
16. Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР (для «Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР» до конца XIV в. включительно) / Сост. Н.Б. Шеламанова // Археографический ежегодник за 1965. М., 1966.
17. *Иванова К.* Български, сръбски и молдо-влахийски ръкописи в сбирката на М.П. Погодин. София, 1983.
18. Рукописные книги собрания М.П. Погодина: Каталог. СПб., 2014. Вып. 5.
19. *Турилов А.А.* Межславянские связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М., 2012.
20. *Петков Г.* Стишният пролог в старата българска, сръбска и руска литература. Пловдив, 2000.
21. Славяно-русские рукописи XV–XVI вв. НБ МГУ / Сост. Н.А. Кобяк, И.В. Поздеева. М., 1981.
22. *Каган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская М.В.* Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // ТОДРЛ. Л. 1980. Т. 35.
23. *Польвянный Д.И.* К истории болгаро-русских связей конца XIV в. // Руско-български връзки през вековете. София, 1986.
24. *Турилов А.А., Шашков А.Т.* Гумбертов Менандр // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 13.
25. *Сырку П.А.* К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. СПб., 1890. Т. 1. Вып. 2 (Литургические труды патриарха Евфимия Терновского); 1898. Вып. 1 (Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского).
26. *Розанов С.П.* Источники, время составления и личность составителя Феодосиевской редакции жития Саввы Сербского // ИОРЯС. СПб., 1911. Т. 16. Кн. 2.
27. *Бантыш-Каменский Н.Н.* Реестры греческим делам Московского архива Коллегии иностранных дел: Российский государственный архив древних актов. Фонд 52. Опись 1. М., 2001.
28. *Тихомиров М.Н.* «Список русских городов дальних и ближних» // Бантыш-Каменский Н.Н. Русское летописание. М., 1979.
29. *Кучкин В.А.* К оценке Списка «А се имена градом всем рускым далним и ближним» // ДРВМ. 2013. № 3.

К ИСТОРИИ СОБЫТИЙ НА УКРАИНЕ ВЕСНОЙ 1709 ГОДА

© 2019 г. С.А. Иванюк

Канд. ист. наук, заместитель директора Государственного историко-мемориального музея заповедника «Сталинградская битва»

E-mail: mim-volgograd@mail.ru

В статье на основе документов из фондов Центрального государственного исторического архива Украины (г. Киев) уточняется ряд событий, связанных с пребыванием российской и шведской армий на территории Левобережной Украины в период Северной войны (осень 1708 – лето 1709 г.), в том числе положение казаков, поддержавших гетмана Мазепу, и население территорий, охваченных военным конфликтом.

The article based on documents from the funds of the Central State Historical Archive of Ukraine (Kiev) clarifies a number of events related to the stay of the Russian and Swedish armies on the territory of Ukraine during the Northern War in the autumn of 1708 – summer of 1709. Analysis of the sources identified by the author makes it possible to trace the processes of interaction of Peter the Great's troops with the local population in the territories covered by the military conflict.

Ключевые слова: Северная война, Украина, Иван Мазепа, Полтава, Петр I.

Keywords: The Great Northern War, Ukrainian, Ivan Mazepa, Poltava, Peter the Great.

DOI: 10.31857/S0869544X0005433-9

События Полтавского периода Северной войны, происходившие на территории Гетманщины осенью 1708 – летом 1709 г. связаны не только с противостоянием российской армии Петра I и шведских войск Карла XII. Переход гетмана И.С. Мазепы в октябре 1708 г. в лагерь шведского короля запустил масштабные внутривнутриполитические процессы в Малороссии. Раскол между различными группировками украинской старшины, противоречия среди населения, которое разделилось на два лагеря, частью оставшись верным царскому правительству, а другой выступив на стороне шведской армии, – все это привело в 1709 г. к тяжелым последствиям, называемым в украинских документах начала XVIII в. «Шведской руиной».

Царская администрация и командование русской армии оказались в достаточно сложной ситуации. Для удержания своих позиций и сохранения влияния в Гетманщине приходилось принимать решительные меры. Крайне необходимо было в кратчайшие сроки стабилизировать военную и политическую обстановку в Малороссии и предотвратить поддержку противника со стороны местного населения.

Именно поэтому в ноябре 1708 г. на землях Гетманщины началась так называемая война манифестов, когда противники активно распространяли среди жителей городов и сел необходимую им информацию. В частности, в манифестах и грамотах царского правительства, которое в итоге вышло победителем этой «информационной войны», населению подробно разъяснялась военная обстановка, лояльность и поддержка верных царю граждан и карательные меры в отношении изменников [1. С. 426–431; 2. С. 187–193].

В настоящее время, несмотря на достаточную изученность темы, вопросы, связанные с внутривойсковой обстановкой в Гетманщине и военными операциями противоборствующих армий весной 1709 г. на Украине, в условиях, когда к шведской армии присоединилась часть запорожского казачества, остаются в исторической науке по некоторым событиям спорными и недостаточно изученными. В частности, данная тема неоднократно рассматривалась в советской историографии [3. С. 371–388; 4. С. 676–682; 5. С. 759–760]. Особое внимание этой теме уделялось представителями украинской (в основном эмигрантской и постсоветской) исторической науки. При этом, рассказывая о событиях Полтавского периода Северной войны, они всегда уделяли особое внимание карательным мерам, примененным Петром I, его администрацией и командованием русской армии в отношении малороссийского населения, поддержавшего гетмана И.С. Мазепу и принимавшего участие в боевых действиях в составе войск шведского короля [6. С. 379–381; 7. С. 320–324; 8. С. 79–106; 9. С. 76–77; 10. С. 249–250]. Кроме традиционного для украинской историографии описания безжалостного уничтожения гетманской резиденции И.С. Мазепы в Батурине отрядом царских войск во главе с князем А.Д. Меншиковым историками рассказывалось и о терроре, который был осуществлен весной 1709 г. в Приднепровье силами корпусов генерала К.Э. Ренне и полковника П.Я. Яковлева. Жертвами его, по словам историков, стали представители запорожского казачества, которые в марте того же года присягнули на верность Карлу XII; также сообщалось о карательных мерах, примененных русскими войсками в отношении поддержавших запорожцев жителей городков южной административной части Полтавского казачьего полка¹ — Келеберды и Переволочны в Среднем Поднепровье, а также Маячки и Нехворощи в низовьях междуречья Орели и Ворсклы. При упоминании о вступлении в эти населенные пункты петровских отрядов, особый акцент делался на то, что в ходе вооруженных столкновений население было полностью уничтожено [12. С. 219; 13. С. 340].

Хотелось бы при этом отметить определенную проблему с подтверждением данных утверждений источниками. Ведь даже историк Н.И. Костомаров в исследовании о событиях весны 1709 г. и судьбе «мазепинцев» сообщал, что во время рейда по приорельским городкам русский полковник К. Кампель захватил местечки Маячку и Нехворощу, истребив в них всех жителей. Эта информация основывалась на письме А.Д. Меншикова из Государственного архива, но историк не указал номера фонда, дела или листов [14. С. 677]. К сожалению, в отечественной историографии, в том числе и современной, часто повторяются похожие утверждения [15. С. 251; 16. С. 170].

¹ Полтавский казачий полк (1648–1775) — одна из военно-административных единиц, состоящая из сотен, которая функционировала в XVII–XVIII вв. на территории Левобережной и Правобережной Украины. Полтавский полк являлся одним из старейших и наиболее важных в системе охраны южных рубежей от нападений Крымского ханства, так как через него проходили «шляхи» (пути) вторжения кочевников вглубь региона [11. С. 83].

К вышеизложенным сведениям хотелось бы добавить, что в настоящее время источники, связанные с данной темой, по-прежнему остаются недостаточно изученными. В частности, в киевском Центральном государственном историческом архиве Украины в фонде 51 «Генеральная войсковая канцелярия» хранится большой массив документов, связанных с тяжбами между администрацией Гетманщины (гетманской, полковой и сотенной) с жителями региона. Среди многочисленных «скарг» (жалоб) и «суплик» (прошений) бытового характера, в документах, составленных в послеполтавский период, часто встречаются сведения, которые дают возможность узнать некоторые подробности из событий 1709 года.

В данном контексте вызывает особый интерес одно из дел, которое в фондах киевского архива озаглавлено как «Дело об отказе бывшему жителю г. Опошня Гадячского полка купцу Якову Стефанову во взыскании с бывшего полтавского полковника Ивана Левенца стоимости товаров, которые пропали в г. Нехворощи, в связи с запретом Левенцом выпускать население из города во время русско-турецкой войны² на Украине». Изучение и анализ содержания документов из данного дела открывает ряд интересных фактов, связанных с боевыми действиями на Полтавщине в период Северной войны. В частности, в них содержатся важные подробности событий весны 1709 г. в Приорелье и военного сопротивления российским войскам со стороны отряда запорожцев и населения местечка Нехвороща [17. Л. 21–34].

Перед тем как обратиться к данному источнику, стоит напомнить обстановку, которая сложилась к весне 1709 г., когда русская и шведская армии сосредоточили силы на территории Полтавского казачьего полка. На данном этапе от русского командования не меньшего внимания, чем зона соприкосновения с войсками Карла XII, требовало и южное направление со склонной к «шатостям» Запорожской Сечью. Ведь в сложившейся политической обстановке Запорожье в любой момент могло поддержать «мазепинцев» и шведов. В конце февраля 1709 г. киевский губернатор Д.М. Голицын сообщал Г.И. Головкину разведывательные сведения, полученные им из Запорожской Сечи. В частности, ему удалось узнать через шпионов, что большой корпус запорожцев (до 5000 чел.), расположившийся еще в январе 1709 г. в крепости Новый Кодак на Днестре, покинул город и собирается выдвинуться для занятия городков Переволочны, Нехворощи и Кишенки [18. Вып. 2. С. 642–643].

Самые худшие предположения подтвердились, когда были получены очередные сведения, на этот раз из Переволочны. В частности, стало известно, что, присоединив к своему корпусу значительные силы, 1 марта 1709 г. запорожцы во главе с кошевым К. Гордиенко покинув это местечко, выдвинулись к шведскому лагерю под Полтавой для присяги на верность Карлу XII. При их содействии у шведского командования открывались дороги на юг и юго-восток с возможностью коммуникации с Крымским ханством, Турцией и восстановлением связи со своим союзником в Польше С. Лещинским, оборванной русскими войсками на западе. В сложившейся обстановке Петр I, находившийся в это время в Воронеже, требовал от Б.П. Шереметева и В.В. Долгорукого, командующих группировками русских войск на юге, «воровство запорожцев пресечь» [19. С. 625].

Для того чтобы преградить путь «изменникам» сечевикам к шведам и предотвратить присоединение к ним дополнительных сил, российское командование

² Изучение содержания документов данного дела указывает на неправильность его аннотирования. Составители описи ошибочно или умышленно заменили российско-шведскую войну на российско-турецкий военный конфликт.

решило занять мобильными отрядами местечко Голтву на правом берегу р. Псёл, Кобеляки на правом берегу Ворсклы, Нехворощу, Царичанку и Маячку на Орели. С этой целью из состава главной армии были выделены драгунские авангардные отряды из корпуса полковника К. Кампеля (3000 чел.). Центром своей деятельности полковник выбрал местечко Царичанку, а отряды для разведки за действиями запорожцев распределил по дорогам, ведущим от Днепра к Полтаве [18. Вып. 2. С. 745–756].

Обстановка на территории южной части Полтавского полка начинала накаляться. Перейдя к активным антиправительственным действиям, крупному формированию запорожцев (6000 чел.) удалось провести 17 и 18 марта 1709 г. налеты на русские сторожевые посты на правом берегу Орели. В результате они захватили 20 солдат из Вятского полка находящихся в Маячке «вместо почты» и выбили отряд К. Кампеля из Царичанки [20. С. 129; 21. С. 45]. Захваченные в ходе этих атак пленные офицеры и солдаты (154 чел.), в виде подарков были отправлены Крымскому хану и в лагерь шведского короля [22. № 3001. Л. 1]. В целом повстанцам удалось выбить царские гарнизоны и захватить населенные пункты, разместив там своих людей.

Для возвращения контроля над территорией необходимо было принимать решительные меры. Как сообщал в это время князь Д.М. Голицын в письме канцлеру Г.И. Головкину, «запорожцы пристали к противной стороне и стоят по крайним городам от Днепра [...] и прельщают народ, [...] внушают, чтоб [...] к ним шли, что уже и являецца» [23. С. 453]. От русского командования требовалось максимально быстро нейтрализовать Запорожскую Сечь и поддерживавшие ее населенные пункты, а также прервать контролируемый запорожцами канал сообщения между правым и левым берегом Днепра, через который шведы могли в случае необходимости перейти на Правобережье. Исходя из сложившейся обстановки, в конце марта 1709 г. Петр I по пунктам определил план действий русских войск в весенне-летнюю кампанию 1709 г., где среди прочего требовал: «наипаче тщитца каналию запорожскую и сообщникоф их искоренять» [18. Вып. 1. С. 135]. Именно поэтому 19 марта 1709 г. командование направляет на Орель отряд генерал-лейтенанта К.Э. Ренне (два драгунских, два конно-гренадерских и четыре пехотных полка) [18. Вып. 2. С. 783].

В это же время среди жителей сотенных местечек и сел Полтавского полка стала распространяться письма запорожского кошевого К. Гордиенко с призывами выступить против русских войск и поддерживающего их малороссийского казачества («Кошевой рассылает во все города полтавского полку, листы чтобы казаки готовились все до войска» [22. Л. 1]). Текст одного из таких посланий от 22 марта 1709 г. требовал от жителей населенных пунктов края, чтобы они «не пускали москалей в город, [...] маючи способу дати отпор оным» [22. № 3003. Л. 1]. Поэтому, кроме воздействия на объекты шведских войск, отрядам корпуса К.Э. Ренне пришлось проводить налеты на места, где концентрировалось «изменнически» настроенное население.

Одним из таких городков, находившихся под влиянием запорожской вольницы, стала Нехвороща — небольшое укрепленное сотенное местечко Полтавского казачьего полка, расположенное в междуречье Ворсклы и Орели³. Оно имело важное стратегическое значение в планах противоборствующих сторон. Дело

³ Нехворощанская крепость, располагавшаяся на пути набегов крымских татар, возвышалась на правом берегу Орели и состояла из крепостного вала, рва, палисадной деревянной ограды и пяти башен. Весной 1709 г. крепость была дополнительно усилена земляными укреплениями [24. С. 73; 25. С. 586].

в том, что у Нехворощи находилась удобная переправа через Орель, контроль над которой давал ряд преимуществ ее обладателю, так как за ней открывалась прямая дорога на юг к Перекопу и сообщению с Крымом. Особую важность Нехворощанская крепость приобрела к концу марта 1709 г., когда примкнувшие к армии Карла XII запорожцы расположились лагерем всего в каких-то 40 км от нее, в местечке Новые Санжары. В случае изменения планов Карла XII и попытке шведской армии переправиться через Ворсклу в районе Полтавы она не смогла бы этого сделать из-за болотистых и лесистых берегов. В таких обстоятельствах осуществить переправу можно было только ниже, в ближайшем удобном пункте — у Новых Санжар. Далее, сделав бросок к Нехвороще и форсировав Орель, шведы смогли бы двигаться дальше на юг [26. С. 117].

Неслучайно в двадцатых числах марта 1709 г. запорожское войско во главе с кошевым планировало поход на Нехворощу. Для этого был построен специальный мост «на козлах» через Ворсклу и основные силы сечевиков даже начали переход на противоположный берег. Но впоследствии по неизвестным причинам К. Гордиенко отказался от своего плана и на Нехворощу был отправлен лишь небольшой отряд [27. С. 432–433]. Возможно, какая-то часть запорожцев, попавших в местечко, стала распространять среди населения тревожные и изменнические настроения. Впоследствии именно эти действия повлияли на трагическую судьбу Нехворощи. Если вернуться к упоминаемому выше документу, составленному в 1715 г., становится понятен ряд событий у этого небольшого городка в 1709 г., в ходе которых он был уничтожен.

В первую очередь в документе отмечено, что в этот период в крепости кроме населения Нехворощанской сотни находились жители из других регионов Левобережной Украины. Они покидали свои слабо защищенные населенные пункты и скрывались за более укрепленными стенами городов, которые находились на относительно удалении от линии соприкосновения с противником. В частности, документ рассказывает о перемещении в Нехворощу населения из Опошнянской сотни Гадячского казачьего полка («под час приходу короля шведского с войском в Малую Россию, когда учинилася великое по городам замешание [...], ухилиючись от наступства неприятельского с иными опошнянскими жителями, которые все сполне согласившиеся двинулися обозом с сотником своим тамошним [...] Романом Корицким и со всем своим имением с города Опошного» [17. Л. 22]). Здесь же отмечается, что данная миграция жителей происходила по указу Петра I («был указ премошный великого государя нашего [...], абы мы от надходящего неприятеля шведа с некрепких городов в крепчайшие уступали») [17. Л. 23об.]. Более безопасным местом для себя жители Опошнянской сотни посчитали Нехворощу.

Тем не менее пребывание жителей Опошни в Нехвороще было недолгим. Когда в городок стали поступать сведения о том, что шведские войска вплотную приблизились к Ворскле и заняли ряд ключевых объектов, стало понятно, что появилась прямая угроза их перехода в Приорелье и нападения на Нехворощу. В данных обстоятельствах, выполняя указ царя, опошнянский сотник Р. Корицкий, спасая жителей и их имущество, «с обозом своим пойшол до Волного, а иншие жители Опошнянские с Волного пойшли дальше в Слободские городы» [17. Л. 22]. Эти сведения подтверждаются так же «сказкой» Будищанского сотника Полтавского полка Д. Калачинского, который сообщал, что в 1709 г. с тещей и детьми, «боясь сообщников Мазепиных», по совету и с разрешения находящегося в Полтаве полковника Ингерманландского драгунского полка А.Г. Волконского покинул город и уехал в Нехворощу. Оттуда в связи с приближением войск противника семья

Д. Калачинского переехала в городок Вольный, а затем переместилась в Харьков, уходя еще дальше от условной «линии фронта» [28. С. 4–5].

Можно сказать, что уход из Нехворощи представителей Опошнянской сотни дал в какой-то степени толчок к массовому исходу населения Приорелья и вызвал определенный раскол среди обитателей местечка. Дело в том, что следом за ними Нехворощу планировали покинуть не только мигрировавшие сюда в период боевых действий малороссыяне, но и большая часть коренных жителей местечка. Встревоженная происходящим сотенная администрация проинформировала об этом полковое руководство в Полтаве, которое, оценив обстановку, наложило категорический запрет на выход жителей из города: «Когда те (жители Опошни.— С.И.) все хотели рушиться, и нехворощанские жители готовились за ними отходить, тогда Илько Кот (нехворощанский сотник.— С.И.) описовался до пана Левенця, полковника полтавского; на який (который.— С.И.) лист П (пан.— С.И.): Левенец учинил такий ответ; жебы некого отнюдь непускати с города» [17. Л. 31]. Такое резкое заявление полтавского полковника было связано с тем, что Приорельские городки имели важное военное значение как линия обороны на пути возможного продвижения противника, а уменьшение численности жителей городка понижала их боеспособность. Ведь, например, уход Опошнянской сотни не только уменьшил состав гарнизона Нехворощи, но и лишил ее определенных ресурсов — артиллерии, боеприпасов и провианта, которые также были вывезены («П (пан.— С.И.): Роман Корицкий, сотник полку Гадяцкого опошнянский, зо всеми людьми своими и з арматою (артиллерией.— И.С.) [...] поїшол» [17. Л. 23об.]).

К тому же с приходом в Приорелье корпуса полковника К. Кампеля, на население региона была возложена еще одна обязанность по поставке провианта и фуража для его отрядов. В том же документе сообщалось, что «Подчас приходу войск неприятельских с королем шведским под Гадяч, прислан был [...] бригадир Канпель с полками в полк Полтавский в города Орельские». Прибыв в регион К. Кампель написал И.П. Левенцу и полтавскому коменданту полковнику А.С. Келену «абы были с города Полтавы отпущены два сотника Орельские, именно Нехворощанский и Маяцкий, для скорейшого и породнейшого собрания с тих сотен провианту» [17. Л. 23–23об.], т.е. эти сотники, отправляемые в подконтрольные им местечки, были обязаны в максимально короткие сроки организовать и упорядочить систему поставок жизненно важных ресурсов для отрядов К. Кампеля. Сбор провианта и фуража для русского войска требовал привлечения всех людских ресурсов на территории Полтавского полка. Исходя из этого, вполне понятна реакция полковой администрации и русского командования в лице коменданта А.С. Келена на новости об исходе жителей из Нехворощи и их запрет на перемещения из местечка. Тот же полковник И.П. Левенец сообщал в своей отписке в 1715 г., что запрет на выход с территории Нехворощанской сотни был наложен «не для якої людской пропажы, але для охранения целости» [17. Л. 24об.].

Все эти события, уход части людей из Нехворощи и запрет остальному населению покидать этот район вызвали в народе определенные волнения. С одной стороны, они боялись нападения войск Карла XII, с другой — опасались суровых наказаний за нарушение указов своего полковника и царской власти. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию и успокоить жителей, И.П. Левенец сообщал, что на усиление гарнизона и защиту от шведской армии к Нехвороще в ближайшее время прибудет отряд генерал-лейтенанта К.Э. Ренне («людей в Нехворощи будучих удержовал, упевняючи их скорим великороссийского войска от дивизии [...] Генерала Рена прибытием» [17. Л. 23 об]). Тем не менее жители

Нехворощи находились в страхе и сомнении, кто же прибудет к городу быстрее: русские отряды или шведы с мятежными запорожцами, поэтому «учинилося великое меж народом замешане». С большой долей вероятности именно эта неопределенность в итоге и привела к трагическим последствиям, когда в двадцатых числах марта к Нехвороще с требованием впустить их в город подошла петровская конница. Это были отряды из корпуса К.Э. Ренне, который зачищал территории между реками Ворсклой и Орелью от враждебно настроенных гарнизонов расположенных здесь укрепленных городков. По всей видимости обстановка внутри крепости к этому времени уже была накалена до предела, и реакция местных жителей на это требование оказалась весьма агрессивной.

Несколько автобиографических справок («сказок») российских военнoслужаших сохранили подробности этих событий. Так, автор истории 2-го драгунского Санкт-Петербургского полка Е.С. Каменский, составлявший ее на основании полковых «сказок», писал, что «подойдя к Нехворощи, Рене нашел ее укрепленною; тогда он приказал нашего полка подполковнику Гес с спешенным лейб-регентом атаковать укрепления с фронта, а конные драгунские полки должны были обойти деревню и ворваться в нее с тыла». Увидев, что русские войска идут на приступ, слабо организованные жители города «дали залп и бросились бежать, преследуемые конными драгунами» [24. С. 74]. Быстро ликвидировав сопротивление, русские отряды заняли местечко. Не имея возможности и не видя целесообразности сохранения этого объекта как опорного пункта на линии соприкосновения с противником, К.Э. Ренне принял решение о ликвидации нехворощанской крепости. Поэтому сразу же после зачистки территории Нехвороща была сожжена.

Несмотря на незначительное сопротивление крепости, русские войска понесли в этом бою ощутимые потери среди офицерского состава атакующих подразделений. В частности, Е.С. Каменский сообщал о гибели этих военнoслужаших следующее: «Залп запорожцев не пропал даром и жестоко отразился на лейб-регimente. Шедший во главе подполковник Гес был убит, поручик Фирштберг и три драгуна также были убиты» [24. С. 74]. Некоторые подробности атаки на Нехворощу и сведения о потерях были так же изложены 25 марта 1709 г. К.Э. Ренне в докладе А.Д. Меншикову. Генерал-лейтенант сообщал князю: «Оные бунтовщики не малыя нам шкоды учинили; как наши пришли до местечка Нехворощи, и оные злодеи засели; а в то время на приступе ранил полковника Кеника, который от ран умер. А полковник Кропотов поехал их уговаривать, а они на сговор не дались, а почели стрелять и онаго полковника Кропотова⁴ наперед еще приступу ранили, и из за раны умер» [20. С. 129].

Подводя итоги можно сказать, что русские войска, встретившись с агрессивным сопротивлением со стороны, как им казалось, союзных сил и дружественного населения, находившегося в Нехвороще, решили вопрос радикально. Городок был уничтожен, а оставшиеся в живых жители были рассеяны по окрестностям. При этом говорить однозначно о тотальном уничтожении всего мирного населения, считаем не корректным. Многим жителям, бежавшим из атакованной нехворощанской крепости, удалось спастись от преследований, о чем, в частности, и свидетельствует упомянутая жалоба купца Якова Стефанова. Были среди спасшихся как пассивные свидетели случившегося, так и активные участники сопротивления

⁴ Факт гибели полковника А.И. Кропотова подтверждался и в «сказках» офицеров, присутствовавших при штурме. Так, А.Н. Муромцев в 1720 г. писал: «Под местечком Нехворощим был я на приступе в команде [...] господина полковника Кропотова и при полку его конном гренадерском, и на оном штурме оный господин полковник Кропотов убит» [29. С. 1025].

петровским войскам. Так, 29 марта 1709 г. недалеко от Нехворощи русской рекогносцировочной группой квартирмейстеров был задержан «мужик» Антоний Семенов, который позднее при допросе сообщил обстоятельства своего пленения: «пошел было до Полтавы, и на дороге государевы люди ево взяли, а взяв сказались шведами, и спросили ево, как у москалей в Нехворощи с казаками и тамошними жителями был бой, в то число был ли, и он сказал, что был, и москалей убил трех человек; и еще говорил [...], что с вами шведами пойду до Нехворощи, и там, которые есть москали, всех забьем, и пойдем до Москвы» [30. С. 208].

При этом нельзя говорить о каких-то массовых репрессиях в отношении населения Нехворощи — участниках событий марта 1709 года. Отмечается даже такой исторический факт, что вплоть до 1714 г. должность («уряд») нехворощанского сотника занимал некто Стецько, который в полтавский период поддерживал И.С. Мазепу, но после событий 1709 г. каким-то образом сохранил свое статусное положение в Полтавском полку [28. С. 2; 31. С. 181]. В целом можно сказать, что позиция царского правительства и военачальников по отношению к жителям, поддержавшим выступление против царской власти запорожцев, не была категорически негативной. Не случайно уже после событий Полтавского периода в июле 1709 г. в универсале, составленном малороссийским гетманом И.И. Скоропадским, разъяснялось, что «во время измены Мазепиной многие полку полтавского войсковые и посполитые люди, будучи прельщенными хитростью Мазепы, [...] стали противиться войсковым порядкам» [32. С. 100].

К этому стоит добавить, что уже в ближайшее после полтавского периода время жизнедеятельность в Нехвороще и окрестностях была достаточно активной. Например, в феврале 1716 г. в полтавскую полковую канцелярию поступили сведения о том, что в нехворощанской сотне по реестру было «старых и нововписанных [...] 136 казаков». С этими казаками нехворощанский сотник должен был по указу полковника «всякую службу войсковую [...] по должности своей, отбывать» [33. С. 102], т.е. в это время не только сохранялось казачество в нехворощанской сотне, но и к нему проявлялась определенная степень доверия, дающая возможность участия в боевых действиях в составе русских войск.

В заключении хотелось бы отметить, что источники, связанные с данной темой, в настоящее время по-прежнему остаются недостаточно изученными. В частности, требуют дополнительного внимания историков документы, связанные с управленческой деятельностью гетманской, полковой и сотенной администраций, хранящиеся в центральных и региональных архивах Украины. Именно в них, кроме освещаемых вопросов бытового характера, исследователи могут обнаружить новые, ранее не опубликованные и должным образом не обработанные материалы, в том числе и связанные с событиями Северной войны, происходившими в 1708—1709 гг. на территории Украины. Глубокий анализ этих источников даст возможность восполнить пробелы в понимании процессов взаимодействия царского правительства и малороссийского населения Гетманщины в тех районах, которые были охвачены военным конфликтом и понесли определенные материальные потери в период пребывания на этих землях российской и шведской армий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. IV. (1700—1712).
2. Источники Малороссийской истории, собранные Д.Н. Бантыш-Каменским и изданные О. Бодянским. 1691—1722. Ч. II // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1859. Кн. 1.

3. *Шутой В.Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII, 1700—1709. М., 1958.
4. *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию // Тарле Е.В. Соч. в 12 т. М., 1959.
5. Історія міст і сіл Української РСР. Полтавська область. Т. 17. Київ, 1967.
6. *Грушевский М.С.* Иллюстрированная история Украины. СПб., 1913.
7. *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба // Записки Наукового товариства імени Шевченка. Нью Йорк; Париж; Торонто, 1960. Т. 170.
8. *Млиновецький Р.* Гетьман Мазепа в світлі фактів і в дзеркалі «історій». Toronto, 1976.
9. *Борщак І., Мартель Р.* Іван Мазепа: Життя й пориви великого гетьмана. Київ, 1991.
10. *Чухліб Т.В.* Шлях до Полтави: Україна і Росія за доби гетьмана Мазепа. Київ, 2008.
11. *Заруба В.М.* Адміністративно-територіальний устрій та адміністрація Війська Запорозького 1648—1782 рр. Дніпропетровськ, 2007.
12. *Шендрик Л.* Участь козацтва Полтавщини у Північній війні та Полтавській битві // Іван Мазепа і його доба історія, культура, національна пам'ять: Матеріали міжнародної наукової конференції. Київ, 2008.
13. *Шендрик Л.* Події 1708—1709 років на Полтавщині в контексті Північної війни // Полтавська битва 1709 року в історичній долі України, Росії, Швеції та інших держав: збірник матеріалів Міжнародної науково-практичної конференції. Харків, 2009.
14. *Костомаров Н.И.* Мазепа и Мазепинцы // Костомаров Н.И. Собрание соч. Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 6. Т. XVI.
15. *Широкорад А.Б.* Северные войны России. М., 2001.
16. *Куликова В.Ф.* Политическая ситуация на Украине в начале XVIII века и Украинский поход Карла XII (1708—1709 гг.). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. СПб., 2009.
17. Центральний державний історичний архів України. Ф. 51. Оп. 3. Д. 1456.
18. Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1950. Т. IX. Вып. 1; М., 1952. Вып. 2.
19. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого — мудрого преобразователя. М., 1841. Т. XIV.
20. Труды императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1909. Т. III.
21. *Крупницький Б.* Роля запорожців у шведських операціях 1709 р. // Ковалевська О. Збірник «Мазепа»: реконструкція видавничого проекту 1939—1949 років. Київ, 2011.
22. Русская секция Научно-исследовательского архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. Ф. 83. Оп. 1.
23. Северная война 1700—1721 гг. К 300-летию Полтавской победы. Сборник документов. (1700—1709 гг.). М., 2009. Т. I.
24. *Каменский Е.С.* История 2-го драгунского С.-Петербургского генерала фельдмаршала Князя Меншикова полка. 1707—1898 гг. М., 1899. Т. I.
25. Полтавщина. Енциклопедичний довідник / Під ред. А.В. Кудрицького. Київ, 1992.
26. *Стилль А.* Карл XII как стратег и тактик в 1707—1709 гг. СПб., 1912.
27. *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков. 1686—1734. СПб., 1897. Т. 3.
28. *Востоков А.* Полтавский полковник Иван Черняк // Киевская старина. Ежемесячный исторический журнал. Киев, 1889. Т. XXVII.
29. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2 т. / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. Т. 1.
30. Письма к государю императору Петру Великому от генерал-фельдмаршала, тайного советника, мальтийского, с. Апостола Андрея, Белого орла и прусского Ордена кавалера, графа Бориса Петровича Шереметева. М., 1778. Ч. 2.
31. *Мокляк В.О.* Полтавські мазепинці. (До питання про політичний вибір Полтавського полку під час подій 1708—1709 рр.). // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. Запоріжжя, 2009. Вип. XXVI.
32. *Мокляк В.* Полтавський полк. Науково-популярний нарис історії полку з часу його виникнення до кінця XVIII ст. Полтава, 2008.
33. Размежевание компетенции между сотниками нехворощанскими и старостою полковника полтавского Ивана Черняка. 1716 г. // Український Археографічний Збірник. Київ, 1926. Т. 1.

ВЕНГЕРСКИЙ АРХЕОЛОГ НАНДОР ФЕТТИХ И ЕГО СВЯЗИ С РУССКИМИ УЧЕНЫМИ-ЭМИГРАНТАМИ

© 2019 г. М.В. Ковалев^{1*}, А. Шереш^{2**}

¹*Канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник
Архива РАН и Института всеобщей истории РАН*

²*Ph.D., старший научный сотрудник Института истории Венгерской академии наук*

**E-mail: kovalevmv@yandex.ru; **E-mail: seres.attila@btk.mta.hu*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Фонда
«За русский язык и культуру» в Венгрии в рамках научного проекта № 18-59-23005.*

В статье анализируются личные и деловые контакты венгерского археолога Нандора Феттиха (Fettich Nándor; 1900–1971) с русскими учеными эмигрантами, покинувшими Россию после революции и Гражданской войны. Главный акцент делается на его связях с «русской Прагой» и существовавшим там Семинарием (затем – Археологическим институтом) имени Н.П. Кондакова. В статье обрисовывается роль Н. Феттиха как культурного посредника между русской и венгерской наукой, демонстрируются примеры конкретного научного взаимодействия. В статье делается вывод, что Н. Феттих был первым иностранным ученым, вступившим на путь сотрудничества с пражским Семинарием. Он не только выступал с научными докладами перед его участниками и публиковал статьи в кондаковских изданиях, но также наладил процесс книгообмена, помогал русским коллегам в знакомстве с венгерскими музейными коллекциями, давал научные консультации. В статье также показано, что контакты Н. Феттиха не ограничивались «русской Прагой» и интерес к нему и его творчеству проявляли многие видные фигуры в эмигрантской среде (М.И. Ростовцев, Ю.Н. Рерих).

The article disposes personal and professional contacts of Hungarian archaeologist Nándor Fettich; 1900–1971) with Russian émigré scholars. The main emphasis is put on his relations with the «Russian Prague» and the Seminar (later – the Archaeological Institute) named after N.P. Kondakov. The article outlines the role of Fettich as a cultural mediator between the Russian and the Hungarian scholarly circles, gives examples of specific research cooperation. Authors conclude that Fettich was the first foreign scholar, who took the path of collaboration with the Seminar. He not only made scholarly reports and published articles in Kondakov's editions, but also launched the process of book-exchange, was helping Russian colleagues to get acquainted with Hungarian museums' collections, gave scholarly advice. The article also shows that Fettich's contacts were not limited to the «Russian Prague», and many prominent figures of the Russian émigré circles (Mikhail Rostovtzeff, Yuri Roerich) were demonstrating interest in his works.

Ключевые слова: Н. Феттих, российско-венгерские научные связи, русская эмиграция, Археологический институт имени Н.П. Кондакова, история археологии.

Keywords: Nándor Fettich, Russian-Hungarian scholarly cooperation, Russian emigration, Archeological Institute named after N.P. Kondakov, history of archeology.

DOI: 10.31857/S0869544X0005434-0

Имя венгерского археолога Нандора Феттиха (Fettich Nándor; 1900–1971) сегодня не слишком хорошо известно в России. И хотя к трудам ученого продолжают обращаться специалисты по истории и культуре евразийских кочевников, почти невозможно найти исчерпывающей биографической информации об их авторе. Да и на родине Н. Феттиха, в Венгрии, до недавнего времени его жизненный путь оставался в тени забвения, хотя его исследования неизменно цитировали. Лишь в 1990–2000-е годы имя Н. Феттиха начало возвращаться в историю венгерской археологии [1; 2. 217–231. old.]. Затянувшееся полужабвение и в России, и на родине выглядит особенно странным и даже несправедливым, ведь в межвоенный период Н. Феттих был одной из ключевых фигур двухстороннего научного диалога, развивавшегося поверх границ, невзирая на противоборство режимов и идеологий.

Будущий археолог родился 7 января 1900 г. в деревне Ачад (Acsád) на западе Венгрии в семье почтмейстера. После окончания средней школы в Сомбатхее, куда семья переехала в 1909 г., осенью 1917 г. он поступил в Католический университет Петера Пазманя (Pázmány Péter Katolikus Egyetem) в Будапеште. Среди его учителей были крупнейшие венгерские ученые: лингвист Золтан Гомбоч (Gombocz Zoltán, 1877–1935), востоковед Дюла Немет (Németh Gyula; 1890–1976), археологи Балинт Кужинский (Kuzsinszky Bálint; 1864–1938) и Хенрик Марцали (Marczali Henrik; 1856–1940). 21 января 1921 г. Н. Феттих получил степень доктора философии и защитил диссертацию о votивных табличках римской Паннонии [3. 456. old.]. Он был одаренной личностью с широким кругом увлечений; оттого наряду с занятиями археологией учился в консерватории, был хорошо знаком с великим композитором Белой Бартоком (Bartók Béla; 1881–1945). В свете многогранности профессиональных интересов нет ничего удивительного и в многогранности интересов научных. Уже в середине 1920-х годов внимание Н. Феттиха от классической археологии сместилось в сторону археологии евразийских кочевников эпохи Великого переселения народов, неразрывно связанных с венгерским прошлым. Эти занятия требовали знакомства с достижениями российской науки, столь много сделавшей в ту пору для изучаемого им направления, и тем самым предопределили вовлеченность в русскую культурную среду. Молодой ученый старательно изучал русский язык, беря уроки у православного священника в Будапеште. 7 сентября 1923 г. Н. Феттих поступил на работу в Национальный музей, с которым была неразрывно связана его последующая ученая карьера.

Сложность изучения взаимоотношений Н. Феттиха с отечественной наукой состоит в том, что личный архив ученого, находящийся ныне в Национальном музее в Будапеште, сохранился крайне фрагментарно. Так, не известно ни одного письма к нему от русских эмигрантов и советских коллег, за исключением небольшого послания от археолога Алексея Алексеевича Захарова (1884–1937), датированного началом 1937 г. [4]. Потому приходится опираться почти исключительно на материалы Н. Феттиха в архивах других лиц, да еще распыленных по разным городам и странам. Большим подспорьем служат обширные архивные материалы Археологического института имени Н.П. Кондакова в собрании рукописей Института истории искусств Чешской академии наук. Упоминание этой документальной коллекции не случайно. Ее детальная проработка позволяет реконструировать связи Н. Феттиха с обширной русской научной диаспорой, возникшей в результате исхода значительного числа интеллектуалов после революционных событий 1917 г. и Гражданской войны. Мы доподлинно не знаем, когда именно Н. Феттих впервые вступил в прямой контакт с коллегами из России. Но есть все основания полагать, что

произошло это именно посредством его соприкосновения с эмигрантскими кругами. В середине 1920-х годов он познакомился с кондаковцами — учениками и последователями знаменитого академика Н.П. Кондакова, которые весной 1925 г. образовали в Праге Семинарий в память о своем учителе и идейном наставнике.

Е. Ю. Басаргина называет имя Н. Феттиха в числе первых иностранных ученых, сделавших научный доклад в пражском Семинарии в 1925 г. [5. С. 779]. Правда, она ошиблась с датой, ибо выступление археолога на тему «Древности Венгрии в эпоху переселения народов по новым находкам» состоялось 15 января 1926 г. [6. С. 297–298]. Однако смысл события подмечен верно — Н. Феттих был первым иностранным специалистом, включившимся в сотрудничество с кондаковским Семинарием. Именно в Праге он получил возможность личного знакомства с русскими коллегами, оказавшимися в эмиграции (Н.М. Беляев, Г.В. Вернадский, А.П. Калитинский, Д.А. Расовский, Н.П. Толль).

Факт близости к кондаковцам засвидетельствован и в том, что Н. Феттих оказался в числе тех зарубежных авторов, кто был приглашен к участию в сборнике в память Н.П. Кондакова. Достаточно сказать, что он, молодой венгерский археолог, оказался в среде таких признанных международных авторитетов, как Н. Банеску, О.М. Дальтон, В.Н. Златарский, Н. Йорга, Г. Милле, А. Муньоз, А. Протич, М.И. Ростовцев и др. Для мемориального сборника Н. Феттих подготовил статью о зверином стиле в искусстве евразийских кочевников [7. С. 81–92].

Причина взаимного интеллектуального притяжения Н. Феттиха и кондаковцев объяснима. Она связана с общностью научных исканий, лежавших в русле евразийской археологии, искусства и культуры кочевых народов. Для венгерской археологии эти проблемы были в числе ключевых, поскольку оказались неразрывно связаны с вопросами этногенеза древних венгров, их контактов с соседями. Они также влияли на поиски национальной и политической идентичности, особо обострившиеся после Первой мировой войны, крушения Австро-Венгерской монархии и драматических потрясений Трианонского договора, лишивших Венгрию 2/3 территорий.

Деловые контакты быстро переросли в личные. Не без поддержки Н. Феттиха проходила научная командировка в Будапешт в декабре 1926 — январе 1927 г. членов кондаковского Семинария Николая Петровича Толля (1894–1985) и Николая Михайловича Беляева (1899–1930) [8. С. 341] с целью знакомства с богатыми археологическими коллекциями Национального музея, в том числе с материалами, привезенными из России в конце XIX в. в ходе экспедиций графа Енё Зичи (Zichy Jenő; 1837–1906). Несмотря на немногочисленность артефактов, большая часть которых происходила из Сибири, коллекция представляла явный научный интерес. Потому еще в начале XX в. она попала в поле зрения археолога Белы Пошты (Pósta Béla; 1862–1919) [9]. Однако ее комплексного исследования так и не было проведено. Для русских эмигрантов, оторванных от родных мест, знакомство с «русскими древностями» теперь стало возможно в Будапеште. Примечательно, что в январе 1929 г. Н.П. Толль снова посетил венгерскую столицу для занятий в Национальном музее, где он снова встречался с Н. Феттихом [10. С. 330]. Для Н.П. Толля знакомство с венгерскими музейными коллекциями сыграло важную роль в подготовке статьи о минусинских бронзовых кинжалах из собрания графа Зичи, тип которых ранее изучался немецким археологом Геро фон Мергарт (Gero Kurt Karl Maria Merhart von Bernegg; 1886–1959) [11. Р. 183–188]. В августе 1931 г. Н.П. Толль

повторно посетил Будапешт, где при поддержке Н. Феттиха вновь работал с коллекциями Национального музея [12].

Когда в Праге готовилось посмертное издание лекций Н.П. Кондакова о средневековом искусстве и культуре, читанных в Карловом университете, к Н. Феттиху обратились за помощью в поиске иллюстраций для первого раздела книги, посвященного скифо-сарматским древностям на юге России. Речь шла о фотографиях бронзовых оленей из Сибири из собрания Национального музея, которые венгерский ученый любезно переслал в Прагу [13. С. II, 47]. Однако есть основания полагать, что высококачественные фотографии эрмитажных экспонатов, помещенных в этом же разделе, появились также не без участия Н. Феттиха, посещавшего летом 1926 г. Ленинград. На этот факт косвенно указывают материалы Архива Эрмитажа. 23 декабря 1928 г. в Будапешт на имя Н. Феттиха было отправлено письмо Леонида Антоновича Мацулевича (1886–1959) с приложением фотографий двух экспонатов. Вскоре, 8 января 1929 г., Мацулевич распорядился переслать коллеге еще пять снимков [14. Л. 32, 43–44]. Правда, известные документы молчат о том, какие именно экспонаты были запечатлены на фото. Но факт остается фактом, да и время отправки снимков допускает их использование при подготовке к изданию лекций Н.П. Кондакова. Данное обстоятельство характеризует важную сторону деятельности Н. Феттиха и его связи с русскими эмигрантами: он оказывал консультативную помощь в поиске нужной информации. Археолог также знакомил коллег с достижениями венгерской науки, с местными музейными коллекциями, а вместе с тем был участником транснационального интеллектуального обмена, в который были включены ученые из разных стран.

Известно письмо Н. Феттиха от 17 февраля 1927 г. [15], адресованное в Прагу главе кондаковского Семинария Александру Петровичу Калитинскому (1879–1946). К письму прилагалась фотография фибулы с изображением императора Константина I, приобретенной Национальным музеем в 1912 г. из коллекции Антала Хорвата (Horváth Antal; 1848–1912) в Пече. Калитинский и его коллеги в это время как раз занимались изучением фибул, происходивших из Византии или из ее восточно-христианских провинций. Важность этого направления работы русский ученый отчетливо обрисовал в одной из статей: «Особое место среди археологических мелочей занимает фибула – родоначальница современной брошки и так называемой у нас английской булавки. Возникши еще в бронзовую эпоху, приблизительно около второй половины II тысячелетия до Р.Х., она просуществовала почти три тысячи лет. За этот долгий период фибула совершила весьма сложную и разнообразную эволюцию, запечатлев на себе вкусы разнообразных эпох и народов, особенно их одежды и состояние техники. [...] Будучи характерной для эпохи и народности, фибула является для археолога тем же, чем для палеонтолога служит “руководящее ископаемое”. Понятно поэтому и то внимание, которое ей было уделено в науке о древностях» [16. С. 39]. Пражские музейные собрания не располагали нужным археологическим материалом, но зато он имелся в Будапеште. На территории Венгрии еще в XIX в. было найдено немало артефактов, которые сразу попали в поле зрения исследователей, таких как Йозеф Хампель (Hampel József; 1849–1913). В 1929 г. Н.М. Беляев в первой части «Очерков по византийской археологии» поблагодарил Н. Феттиха за «многочисленные услуги по доставке фотографий, справок о памятниках Венгерск[ого] Нац[ионального] Муз[ея]», в частности, за знакомство с важной для него археологической находкой – донышком фибулы из Дунасекесё (Dunaszekeső) в комитате Баранья (Baranya) [17. С. 81–82, 98].

Контакты Н. Феттиха не ограничивались «русской Прагой». Так он вел переписку с Михаилом Ивановичем Ростовцевым (1870–1952), жившим в эмиграции в США. В июне 1928 г. этот выдающийся историк сообщил своему финскому коллеге А. М. Тальгрёну: «Феттих прислал мне рисунок с поясной пряжки из коллекции Заусайлова, которая меня очень заинтересовала, так как из его рисунка я впервые ясно себе представил его форму. Крючок в форме головы грифона, плоский конец в виде головы и крыла грифона» [18. С. 513]. Здесь имеется в виду предмет из собрания казанского купца В. И. Заусайлова, которое еще до революции было приобретено для музея в Хельсинки [19. S. 13–17]. Н. Феттих в июне 1928 г. как раз посещал финскую столицу и имел возможность сделать там нужные зарисовки и фотографии. М. И. Ростовцев с глубоким уважением относился к венгерскому археологу и также старался информировать его о своей текущей деятельности. Потому в декабре 1933 г. он просил американское издательство переслать в Национальный музей в Будапеште опубликованные отчеты о своих недавних раскопках в сирийском городе Дура-Европос: «Феттих всегда добр ко мне, и мне хочется, чтобы у него были эти тома» [18. С. 554].

Ученые-эмигранты внимательно следили за научными исследованиями Н. Феттиха. Екатерина Николаевна Клетнова (1869–1938), одна из первых русских женщин-археологов, отметила статью венгерского коллеги в известном финском журнале «*Eurasia Septentrionalis Antiqua*» [20. С. 298–300], которую тот посвятил сравнению поясных наконечников и пряжек из могильника Кёрёшладани (Körösladány) в Восточной Венгрии с находками в Перниё (Perniö) в Южной Финляндии, вновь демонстрируя взаимодействие и взаимовлияние культур в древности [21. P. 52–65].

Таким образом, Н. Феттих стал культурным посредником в деле знакомства русских ученых с достижениями венгерской науки, равно как и наоборот. Наряду с другим венгерским ученым – Дюлой Моравчиком (Moravcsik Gyula; 1892–1972), он регулярно посылал свои работы в Прагу для ознакомления с ними русских коллег. Вместе с тем Н. Феттих присылал текущую венгерскую научную литературу, в том числе главные археологические журналы – «*Archaeologiai Értesítő*» и «*Archaeologia Hungarica*» [8. С. 341; 10. С. 330; 22. С. 379; 23]. В ответ кондаковцы пересылали ему пражские издания и знакомили со своими исследованиями, как хотя бы Дмитрий Александрович Расовский (1902–1941), пославший ему в Будапешт 16 июля 1933 г. [23] свою статью о половцах, торках и берендеях на Руси [24. С. 1–66]. В этом исследовании историк выдвинул гипотезу о тождестве упоминавшихся в русских летописях берендеев с племенами *Verencs* и *Verend* из венгерских средневековых источников. Он апеллировал лишь лингвистическими категориями и, признавая уязвимость своей версии, хотел подкрепить ее вещественными доказательствами, сравнив разнообразные находки. Потому он обратился к Н. Феттиху: «Мне очень хотелось бы заинтересовать кого-нибудь из мадьярских археологов произвести такую совместную работу. Ведь вероятно должен же существовать мадьярский археологический материал от такого большого племени, как печенежско-берендейского, на протяжении трех с лишним столетий жившего на территории Венгрии? Если исходить из мысли о долженствующем быть тождестве или большой близости между русским и мадьярским археологическим материалом данных тюркских народов, то в таком случае наличие русского археологического материала значительно облегчило бы определение мадьярского» [24]. Увы, мы не знаем, что ответил ему Н. Феттих. Зато доподлинно известно, что точка зрения Д. А. Расовского не выдержала критики со стороны венгерского

ученого Ласло Рашони Надя (Rásonyi Nagy László; 1899–1984) [25. С. 219–226], и русский коллега был вынужден признать свою неправоту [26. С. 163].

Сотрудничество Н. Феттиха с учеными русской Праги, помимо обмена информацией, проявилось и в публикации ряда научных работ. Кондаковский Семинарий позиционировал себя как международная научная организация и потому приглашал к участию в своих изданиях коллег из разных стран. Особое место занимал начавший выходить в 1927 г. периодический сборник «Seminarium Kondakovianum». Уже во втором его выпуске Н. Феттих напечатал статью о серебряной готской пряжке из собрания Национального музея, которая в 1927 г. была приобретена у антикварного торговца и увязана с местечком Сабадбатянь (Szabadbattyán) [27. С. 105–111]. Автор соотнес эту пряжку с иными находками (серебряные фибулы и пряжки), сделанными в разное время в этом районе, приняв во внимание внешние формы, технику и стилистические особенности, и сделал вывод, что описываемый им предмет демонстрирует влияние позднеримских традиций на варварское искусство и что таким образом нужно говорить о культурных взаимодействиях на широких просторах Евразии [27. С. 110–111]. Эта идея как нельзя лучше вписывалась в научную программу кондаковского Семинария.

С 1929 г. Семинарий начал издавать книжную серию «Скифика» (ΣΚΥΘΙΚΑ), во главе которой встал Н.П. Толль. В первом выпуске была напечатана работа М.И. Ростовцева «Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль», а во втором – исследование Н. Феттиха о бронзовом литье в кочевом искусстве [28]. Появление его книги в этой серии, да еще вслед за работой всемирно известного ученого, свидетельствует о глубоком признании заслуг и авторитета русской эмигрантской наукой. Не случайно, что А.П. Калитинский, перечисляя в письме к Ю.Н. Рериху в сентябре 1931 г. лиц, особо близких Семинарию, наиболее тесно связанных с ним и всегда энергично реагировавших на его нужды, называл имена М.И. Ростовцева, С.А. Жебелева, Э. Миннза, Г. Милле, Л. Нидерле, А.М. Тальгрена и Н. Феттиха [29. С. 116]. Присутствие венгерского археолога в одном ряду с признанными классиками исторической науки и археологии говорит о многом.

Названная книга Н. Феттиха содержала подробное описание бронзовых предметов из древневенгерских могильников, причем в их неразрывной связи с древностями юга России, Сибири, Средней Азии и Монголии. Большинство описанных им предметов являли собой пряжки или украшения для ремней, содержащие сцены битвы животных и растительный орнамент. Н. Феттих указывал, что тип курганных захоронений был принесен на Венгерскую равнину издалека и что найденные в них литые бронзовые предметы не имеют орнаментальных аналогов с европейскими. Словно в противовес, он показывал глубокие культурные заимствования из Азии, проводил параллели с бронзовыми находками из Минусинска. Так раскопки группы курганов в Мошонсентьяноше (Mosonszentjános) убедили его в том, что они принадлежат кочевому племени монголоидной расы и что художественные особенности сделанных там находок роднят их с культурами других азиатских кочевников.

На эту работу ответил рецензией Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) [30. Р. 94–96], который высоко оценил ее. Особенно ему импонировала идея культурной связи описанных материалов с кочевыми культурами Центральной Азии, а также аналогии с находками в России. При этом Ю.Н. Рерих вполне оправданно заметил, что было бы небезынтересно провести параллели между ними и новейшими находками П.Д. Рау в Нижнем Поволжье близ Покровска.

Рецензию Ю. Н. Рерих завершил пожеланием Н. Феттиху как можно скорее представить полный перечень венгерских находок, которые, несомненно, по-новому осветят проблемы археологии кочевых племен [30. Р. 96].

В 1931 г. в той же кондаковской серии «Скифика» увидела свет новая работа Н. Феттиха, написанная им в соавторстве с археологом Дюлой Ре (Rhé Gyula; 1871–1936) [31]. В ней читателям были представлены результаты раскопок у сел Юташ (Jutas) и Эшкю (Öskü), предпринятых в 1920-х годах по инициативе Музея Веспрема. Авторы полагали, что имеют дело с самым древним захоронением на территории Венгрии, сохранившим черты взаимодействия монголоидов и западногерманских племен. Новаторство работы заключалось в том, что это было первое венгерское исследование, сравнительно изучавшее антропологические и археологические материалы. Авторы акцентировали внимание на том, что сделанные находки с исторической и этнологической точек зрения важны как для изучения древней венгерской истории, так и для понимания миграций народов в евроазиатском измерении. Потому, например, они позволяют пролить свет на характер Кёстхейской культуры, отразившей смешение романских, славянских и аварских начал. Феттих ценил эту свою работу и заранее анонсировал коллегам ее издание, как, например, в письме к финскому коллеге Арне Михаэлю Тальгрёну 24 июня 1930 г. [12] или британскому археологу Эллису Миннзу (Sir Ellis Novell Minns; 1874–1953) 4 октября того же года [32].

Но если для Феттиха начало 1930-х годов характеризовалось творческим подъемом, то у кондаковцев, напротив, возникли многочисленные трудности. Прогремевшее в 1928 г. «дело Жебелева» больно ударило по контактам Семинария с оставшимися в СССР коллегами, сведя их почти на нет. Еще в 1927 г. в США переехал Г. В. Вернадский, бывший одним из лидеров объединения. Внезапно развившаяся психическая болезнь в сентябре 1930 г. вывела из строя главу Семинария А. П. Калитинского. В декабре 1930 г. был насмерть сбит случайным грузовиком неподалеку от Вацлавской площади хорошо знакомый Феттиху молодой и талантливый Н. М. Беляев. Об этом трагическом событии венгерский археолог 7 января 1931 г. написал своему финскому коллеге А. М. Тальгрёну, охарактеризовав его как «очень большую потерю для Семинара» [12].

Работа Семинария становилась все более дезорганизованной. К тому же интересы его членов стали слишком разниться, что нарушало изначальное единство [33. Р. 341]. Выход из кризиса виделся в придании объединению официального юридического статуса и четкой организационной структуры. Так было принято решение преобразовать Семинарий в Археологический институт имени Н. П. Кондакова, устав которого был подписан 1 июля 1931 г.

17 марта 1932 г. Н. Феттиху в Будапешт было отправлено письмо, сообщавшее о произошедших преобразованиях. Вместе с этой новостью содержалось следующее предложение: «Учитывая Ваше дружеское отношение к Семинарию и Ваш большой вклад в изучение археологии, Правление Института просит Вашего разрешения войти в число членов Кондаковского института. Принимая это предложение, Вы, дорогой доктор, удостоили бы нас большой чести» [23].

Н. Феттих на полученное приглашение 9 апреля 1932 г. ответил воодушевленным согласием: «С глубочайшей благодарностью и удовольствием я принимаю любезное послание Института о моем избрании в качестве научного члена Кондаковского института. На масштабные научные усилия Кондаковского института, или, соответственно, Кондаковского семинария, я всегда смотрел

с восхищением. Для меня большая честь участвовать в работе новообразованного Института» [23]. Материальные затруднения побудили русских пражан ввести сложную систему членства, утвердив звания почетных членов-благодетелей, почетных членов, членов-основателей, действительных членов, ученых членов и членов-корреспондентов. Это делалось для привлечения дополнительных средств в виде взносов. За свое участие в работе Института Н. Феттих должен был платить. Причем он был в числе немногих, кто исправно вносил причитавшиеся суммы.

Проблемы института росли как снежный ком. Э. Миннз, посетивший Прагу по пути в Будапешт в августе 1935 г., рассказывал в письме к М.И. Ростовцеву о печальном положении Кондаковского института, который «еле-еле держится» и которому вскоре, вероятно, «конец» [18]. Но даже в эти крайне трудные для института годы венгерский археолог не порывал связей с ним.

Н. Феттих сотрудничал с разными венгерскими научными и общественными организациями, в том числе с католической церковью. В 1936 г. архиепископ Дьёрдь Юстиниан Шереди (Serédi Jusztinián György; 1884–1945) поддержал его работы по изучению венгерских средневековых памятников. Ученый запланировал исследование меча св. Стефана, по преданию принадлежавшего основателю Венгерского королевства и хранившегося в сокровищнице собора св. Вита в Праге. Тогда 20 июня 1936 г. он обратился за практической помощью в Археологический институт имени Н.П. Кондакова, написав письмо княгине Наталье Григорьевне Яшвиле (1861–1939) [23], ведавшей всеми административными делами в отсутствие Н.П. Толля, который находился на раскопках в Сирии вместе с М.И. Ростовцевым. Н. Феттих просил ее передать послание на имя архиепископа Праги и примаса Чехии Карела Кашпара (Karel Kašpar; 1870–1941) с просьбой разрешить посещение сокровищницы собора св. Вита для изучения мелких деталей меча [23]. Он сетовал, что поездка близится, а неопределенность остается. Княгиня со свойственной ей любезностью и радушием немедленно ответила Феттиху и пригласила поселиться у нее во время пражского турне, однако оказать конкретной помощи в переговорах с представителями церкви не смогла. По ее поручению Д.А. Расовский ходил в канцелярию архиепископа. Там ответили, что его высокопреосвященство помочь в решении вопроса не может и что следует обратиться к епископу Яну Ремигеру (Jan Remiger; 1879–1959) — но позже, поскольку тот отсутствует в Праге. Из описания этой истории, зафиксированной в письме Н.Г. Яшвиле к Н. Феттиху от 23 июня 1936 г. [23], складывается ощущение, что представители высшего духовенства не слишком хотели допускать исследователя к мечу св. Стефана. Отсюда и ее признание в явной нелюбезности сотрудников церковной канцелярии. Княгине лишь оставалось посоветовать Феттиху написать письмо по-немецки на имя епископа Ремигера. Кажется, обращение русских коллег все же возымело действие. Из письма венгерского археолога, датированного 7 июля 1936 г. и адресованного, вероятно, Д.А. Расовскому, узнаем, что ему удалось посетить чехословацкую столицу и добиться желаемого. Для него обещали изготовить необходимые фотографии меча св. Стефана. Н. Феттих благодарил русских коллег, подчеркнув, что в дни пребывания в Праге чувствовал себя как дома, и сожалел, что редко приходится собираться вместе [23].

Говоря о «русских контактах» Н. Феттиха, несомненно следует упомянуть тот факт, что он соприкасался не только с учеными-эмигрантами, но также с коллегами из СССР. Он дважды посещал Советской Союз — в 1926 и 1935 гг. — и был едва ли не единственным венгерским археологом, кто

получил возможность провести научные исследования в стране [34. 51. old.]. В июле 1926 г. газета «Вечерняя Москва» напечатала его слова: «Национальный музей в Будапеште, а также провинциальные музеи Венгрии обладают в большей мере, чем какие-либо другие хранилища Европы, необычайно ценными материалами эпохи раннего Средневековья, унаследованными от пришедших с Востока кочевников (скифов, сарматов, гуннов, мадьяр и др. народов). Изучение этих исторических материалов совершенно невозможно без параллельного знакомства с коллекциями советских музеев» [35. С. 2]. Феттиху довелось побывать не только в столице, но также в Ленинграде, Казани и Перми. Он познакомился с Г.И. Боровкой, А.А. Захаровым, А.В. Шмидтом. Не без его участия, вероятно, состоялась публикация статьи П.С. Рыкова на венгерском языке [36. 225.—228. old.] и публикация в Будапеште фундаментального исследования А.А. Захарова [37]. Потому есть все основания полагать, что Н. Феттих был своего рода связующим мостом между учеными из Советской России и Зарубежной России, значение которого возрастало по мере опускания «железного занавеса». Разумеется, все советские контакты венгерского ученого находились под контролем, о чем свидетельствуют сохранившиеся архивные документы. Так, 5 июля 1929 г. Наркомат иностранных дел сообщал Всесоюзному обществу культурных связей с заграницей следующее мнение о дальнейших визитах венгерского ученого: «1) По наведенным в ВОКС-е справкам Феттих не представляет собою сколько-нибудь общественно значимой фигуры. С этой точки зрения вряд ли целесообразно вести с ним переговоры об организации в Венгрии Общества друзей СССР. Возможно, что Феттих много понаобещал бы (учитывая его заинтересованность в продолжении своей научной работы в СССР), но вряд ли эти обещания дали бы какие-либо конкретные результаты. Тем более, что влияние Феттиха в общественных кругах Венгрии, по-видимому, ничтожно. 2) Считаясь с уровнем взаимоотношений между СССР и Венгрией, НКВД относится вообще отрицательно как к поездкам граждан СССР в Венгрию, так и поездкам граждан Венгрии в СССР, если эти поездки не вызываются особой необходимостью. Поездка Феттиха в этом отношении не представляет собою исключения. 3) В связи с особыми обстоятельствами последнего периода (отношение венгерских властей к группе советских граждан, прибывших в Будапешт по приглашению тамошних торгово-промышленных кругов), поездки венгерских научных работников в данное время представляются особо нежелательными. Все это заставляет нас высказываться против разрешения поездки в СССР д-ра Феттиха в ближайшие месяцы» [38. Л. 46—46об.]. Ему все же повезло. В 1935 г. он снова получил возможность попасть в Советский Союз для проведения музейных исследований, правда лишь после долгой бюрократической волокиты [39. 37.—63. old.].

К сожалению, источники не позволяют пролить свет на то, обсуждал ли Н. Феттих свои поездки с кем-то из эмигрантов, делился ли с ними впечатлениями от поездок, рассказывал ли о встречах с советскими учеными. Неизвестно и то, как он реагировал на перемены, происходившие в Археологическом институте имени Н.П. Кондакова в конце 1930-х годов. В 1937 г. о желании поддержать организацию заявил югославский принц Павел (Павле Карађорђевић; 1893—1976). В середине 1937 г. группа русских историков решила на переезд на Балканы и уже начала паковать вещи. Эти люди руководствовались сложной международной обстановкой. Они боялись, что надвигающаяся неизбежная война приведет к захвату Праги немцами и потере всего, что с таким трудом создавалось на протяжении долгих лет изгнания. К тому же югославские власти обещали щедрое финансирование, в то время как чехословацкое

правительство помощь прекратило. Это предложение раскололо кондаковцев — часть уехала в Белград, а другие остались в Праге. Точку в конфликте поставил трагический случай. В апреле 1941 г. во время немецкой бомбардировки Белграда было разрушено здание, в котором расположился Кондаковский институт. Погиб его сотрудник Д.А. Расовский, а вместе с ним и часть библиотеки. Научная жизнь снова переместилась в Прагу, правда велась она в условия немецкой оккупации и цензуры.

17 апреля 1941 г. Н. Феттих получил письмо из Праги, в котором говорилось, что в настоящее время Археологический институт имени Н.П. Кондакова работает над подготовкой нового сборника трудов, к участию в котором его любезно приглашают [23]. Автором письма был Николай Ефремович Андреев (1908—1982), который сообщил, что в отсутствие доктора Н.П. Толля ему доверено руководство институтом, и что он просит по всем вопросам связываться с ним. Новый сборник так и не был собран. В трагических условиях войны такое предприятие было изначально обречено, и остается лишь удивляться наивности ученых-эмигрантов, веривших в его успех.

Последнее известное письмо на имя Н. Феттиха датировано 30 декабря 1942 г. Оно было кратким по содержанию и формальным по характеру: «От имени нашего института и от себя лично я хотел бы пожелать Вам счастливого Нового года, а также многих успехов в Вашей научной работе. В то же время я благодарю Вас за всегда интересные и ценные публикации, которые Вы отправляете в наш институт» [23]. Иных свидетельств о контактах венгерского археолога с русскими коллегами не обнаружено. Но это не удивительно, ибо Вторая мировая война привела к окончательному крушению эмигрантского мира. Прекратили существование прежние эмигрантские интеллектуальные центры, произошел раскол диаспоры в отношении оценки происходящих событий и личного участия в них. Кто-то встал на роковой путь коллаборационизма, иные ушли в Соппротивление, а некоторые предпочли остаться лишь безмолвными наблюдателями. Археологический институт имени Н.П. Кондакова хоть и продолжал деятельность в период Протектората, но она была вялой и невыразительной.

Вторая мировая война ознаменовалась большими потрясениями для самого Н. Феттиха. Насколько можно судить по известным источникам, он был аполитичным человеком, однако избежать водоворота военных событий ему не удалось. Осенью 1941 г. вместе со своим коллегой Дюлой Ласло он был призван в армию и направлен в Киев, где им было предписано сделать опись археологических коллекций Киево-Печерской Лавры. Этими работами ведал печально известный Оперативный штаб Альфреда Розенберга (Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg), занимавшийся вывозом культурных ценностей для будущего нацистского «супермузея» в Линце. Немцы были осведомлены о высокой квалификации венгерских ученых в сфере восточноевропейской археологии, а потому через венгерского министра по делам религии и культуры Балинта Хомана (Hóman Bálint; 1885—1951) потребовали отрядить для работ на Украине его соотечественников. Есть основания полагать, что решение было принято не без участия сотрудника немецкого археологического ведомства (Reichsamt für Vorgeschichte) Ганса Рейнерта (Hans Reinerth; 1900—1990), который был родом из Трансильвании. Вместе с тем Б. Хоман до прихода на министерский пост возглавлял Национальный музей, а потому хорошо знал о Н. Феттихе и его научной специализации [40. С. 12]. От этого периода остался крайне интересный документ — дневник Н. Феттиха за декабрь

1941 г. — январь 1942 г., повествующий о повседневной жизни украинской столицы под немецкой оккупацией [41].

После демобилизации Феттих вернулся к работе в Национальном музее. В Будапеште он услышал последние аккорды Второй мировой войны. Об этом периоде своей жизни Н. Феттих рассказал в письме к Э. Миннзу от 16 апреля 1946 г.: «Осада Будапешта длилась несколько месяцев. Это был ужасно для Венгерского Национального музея! Здание музея штурмовалось. В это ужасное время я получил в свои руки руководство музеем. Еще ранее старое здание музея подверглось тяжелому испытанию: попала бомба. Во время осады мы получили бесчисленное число прямых попаданий! Сначала сгорела часть крыши, а потом сгорел большой склад. Все это время я жил со своей семьей в подвале музея. Тем не менее, с тех пор наше здание было полностью отремонтировано. Внешние стены по-прежнему выглядят плохо. Исходный материал сохранен, и это главное. У меня была схожая работа в Киеве зимой 1941—1942 годов, где, с помощью венгерского коллеги, я сохранил доисторические и протоисторические коллекции Музея Лавры. За это нам выразили благодарность от имени советской российской науки по радио из Москвы (в конце лета 1944 года)» [32].

Деятельность Н. Феттиха в годы Второй мировой войны является темой для специального изучения, выходящего за рамки данной работы. Но она в определенной мере повлияла на его последующую судьбу. В первые послевоенные годы его научной карьере, казалось, ничто не угрожало. Он сохранял за собой пост директора Национального музея, который занял в апреле 1945 г. Внезапно все пошло под откос. В декабре 1948 г. грабители проникли в музей и похитили несколько предметов из коллекции драгоценностей князей Эстерхази. В отношении Феттиха были приняты дисциплинарные меры. Хотя долгое расследование не обнаружило его вины, равно как и украденных ценностей, 19 марта 1949 г. он был отправлен на пенсию [3. 459. old.]. Ученый на долгое время оказался исключен из официальной научной жизни, хотя и продолжал писать. Ему пришлось освоить профессию ювелира, чтобы зарабатывать на жизнь семьи. В официальную научную жизнь он смог вернуться только в 1959 г., когда был принят на работу в Венгерскую академию наук.

Думается, что в интеллектуальной среде социалистической Венгрии воспоминания Н. Феттиха о его контактах с русскими эмигрантами, «белогвардейцами», не могли поощряться, хотя работы, опубликованные в изданиях Археологического института имени Н.П. Кондакова, продолжали цитировать. Послевоенная участь этой уникальной научной организации тоже оказалась драматичной. Несмотря на усиленные попытки последнего директора профессора Антония Васильевича Флоровского (1884—1968) вернуть ей полноценную жизнь, причем под покровительством АН СССР, возродить работу не удалось. В 1952 г. Археологический институт имени Н.П. Кондакова был официально закрыт.

Судьба венгерского археолога Нандора Феттиха, равно как и судьбы сотрудничавших с ним русских ученых-эмигрантов, отражают драматические перипетии жизни европейского интеллектуала XX в., вовлеченного в вихрь исторических потрясений, ставшего свидетелем и участником переломных и зачастую трагических событий. Как бы то ни было, но контакты Н. Феттиха с русскими коллегами демонстрирует позитивный пример двухстороннего научного диалога, который продолжался, невзирая на суровые испытания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Fettich Nándor emlékezete / Sajtó alá rend. E. Tóth, G. Feiszt. Szombathely, 2009.
2. *Kelbert K.* Fettich Nándor régész Vas megyei gyökerei // Savaria. 2006. T. 29.
3. *Bendefy L.* Fettich Nándor. 1900–1971 // Magyar Történelmi Szemle. 1971. T. II. № 4.
4. Magyar Nemzeti Múzeum irattára. Nandor Fettich. FE7. 452.89.1. Ca 14.
5. *Басаргина Е. Ю.* Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). По материалам архивов Праги // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004.
6. Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) в Праге за первый год его существования (по 17 февраля 1926 г.) // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926.
7. *Fettich N.* Die Tierkampfszene in der Nomadenkunst // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926.
8. Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за второй год его существования (по 17 февраля 1927 г.) // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1927. Т. I.
9. *Pósta B.* Archäologische Studien auf russischem Boden. Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen Eugen Zichy. Budapest, 1905. Bd. III–IV.
10. Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за четвертый год его существования (по 17 февраля 1929 г.) // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1929. Т. III.
11. *Toll N.P.* Bronzedolche der Sammlung Zichy // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1929. Vol. IV.
12. Kansalliskirjasto. Käsikirjoituskokoelmat. Coll. 230. Tallgren, Aarne Michael. Box 3.
13. *Кондаков Н.П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.
14. Архив государственного Эрмитажа. Ф. 1. Оп. 5. Д. 936.
15. Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova. 1925–1952. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova. KI-30 (Fettich N.).
16. *Калитинский А.П.* Из истории фибулы на Кавказе // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Археология. История искусства. Византиноведение. Прага, 1926.
17. *Беляев Н.М.* Очерки по византийской археологии: I. Фибула в Византии // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1929. Т. III.
18. Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М., 1997.
19. *Salminen T.V.I.* Zausailovin kokoelmat levintä ja kysymys arkeologisen kokoelman edustavuudesta // Muinaistutkija. 1997. № 2. S. 13–17.
20. *Клетнова Е.Н.* Eurasia Septentrionalis Antiqua, том V. Helsinki, 1930 // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1931. Т. IV.
21. *Fettich N.* Über die ungarländischen Beziehungen der Funde von Ksp. Perniö, Tuynelä, Südwestfinnland // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1930. Vol. 5.
22. Отчет о работах Семинария имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum) за третий год его существования (по 17 февраля 1928 г.) // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928. Т. II.
23. Oddělení dokumentace Ústavu dějin umění AV ČR. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova. 1925–1952. Fond Archeologický institut N.P. Kondakova. KI-13 (Fettich N.)
24. *Расовский Д.А.* Печенег, торки и берендеи на Руси и в Угрии // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1933. Т. VI.
25. *Rásonyi Nagy L.* Der Volksname берендей // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1933. Т. VI.
26. *Расовский Д.А.* Половцы. II. Расселение половцев // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1936. Т. VIII.
27. *Fettich N.* Eine Gotische Silberschalle im Ungarischen Nationalmuseum // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928. Т. II.
28. *Fettich N.* Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Prag, 1929.
29. *Росов В.А.* Семинариум Кондаковианум. Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб., 1999.
30. *Roerich G.N.* Fettich: Bronzeguss und Nomadenkunst auf Grund der ungarländischen Denkmäler mit einem Anhang von L. Bartucz über die anthropologischen Ergebnisse der Ausgrabungen von Mosonszentjános, Ungarn. Seminarium Kondakovianum, ΣΚΥΘΙΚΑ, 2, Prague, 1929, 4, pp. 96,

XVII tables and 16 illustrations in the text // *Jornal of Urusvati Himalayan Research Institute*. New York, 1931. Vol. I. № 1.

31. *Rhé Gy., Fettich N.* Jutas und Öskü: zwei gräberfelder aus der völkerwanderungszeit in Ungarn mit einem antropologischen Anhand von L. Bartucz. (ΣΚΥΘΙΚΑ, 4). Prag, 1931.
32. Cambridge University Library: Manuscripts. Sir E.H. Minns Correspondence. Add. 7722. Box 1. Folder F (N. Fettich).
33. *Rhineland L.H.* Exiled Russian Scholars in Prague: The Kondakov Seminar and Institute // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. XVI. № 3.
34. *Klima L.* A finnugor kor régészete és a magyar őstörténet // *Az Avicenna Közel-Kelet Kutatások Intézete Évkönyve*. 2013–2014. Piliscaba, 2015.
35. Венгерский археолог в Москве // *Вечерняя Москва*. 1926. 27 июля.
36. *Rykov P.S.* Aknasír a Sinowjewka (Petrowi kerület, Saratow-i kormányzóság) falu melletti dombban // *Archaeologiai Értesítő*. 1928. XLII. Kötet.
37. *Zakharow A., Arendt W.* *Studia Levedica: Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX. JH.* Budapest, 1935.
38. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283. Оп. 1а. Д. 126. Л. 46–46об.
39. *Seres A.* Magyar «régészeti delegátus» Moszkvában a két világháború között. Levéltári források Fettich Nándor 1935. évi szovjet kutatóútjának tanulmányozásához 1935–1937 // *Limes*. 2012. T. XXV.
40. *Фодор І.* Угорські археологи у воєнному Києві // *Феміх Н.* Київський щоденник. 3 XII.1941–19 I.1942. Київ, 2004.
41. *Феміх Н.* Київський щоденник. 3 XII.1941–19 I.1942. Київ, 2004.

ЧЕХИ И «ЧЕШСКОСТЬ»: В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (1918–2018)

© 2019 г. И.А. Герчикова

Канд. филол. наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН

Email: geririna@inbox.ru

В статье освещены вопросы «чешского пути», оснований, объединяющих общество, вновь обретшие актуальность в связи со столетним юбилеем образования республики. «Чешскость» рассматривается в историческом аспекте и в современную эпоху глобализации и размывания национальной идентичности.

The article highlights the issues of the «Czech way», the grounds that unite the society, which have regained relevance in connection with the centenary of the Republic. «Czechness» is considered both in historical retrospective, and in the modern era of globalization and erosion of national identity.

Ключевые слова: независимая Чехословакия, чешский путь, идентичность, национальный характер, Масарик, Кафка, Гашек, Черны, Вацулик.

Keywords: independent Czechoslovakia, Czech way, identity, national character, Masaryk, Kafka, Hasek, Cherny, Vaculik.

DOI: 10.31857/S0869544X0005430-6

2018 год стал особым для Чехии. 1 января исполнилось 25 лет со дня разделения Чехии и Словакии и образования самостоятельного чешского государства, в августе — 50 лет Пражской весны и вторжению войск Варшавского договора в Чехословакию. А главным событием стало 100-летие возникновения независимой Чехословакии. Знаменательные события были отмечены по всей Чехии выставками, концертами, торжественными мероприятиями — всего 172 акции, на которые государство выделило 400 млн крон.

В связи с этим юбилеем возобновились обсуждения, дискуссии о «чешском пути», «чешскости» (čejšství) и вместе с тем поиске «духовных скреп», оснований, объединяющих общество. Чешскость определяется как осознание принадлежности к чешскому народу и чешская национальная идентичность или же как национальные особенности чехов, как они понимаются ими самими.

Как отмечает чешский публицист Иржи Турнер, в чешском языке отсутствуют аналогичные слова в связи с другими народами, нет слов русскость, австрийскость, британство, монгольство (rusství, rakousství, britství, mongolství). «Как будто для нас

это какая-то особая способность или черта. Как будто это нечто большее, чем любовь к родной земле, патриотизм, и связано это с некой нашей уникальной диспозицией» [1].

Газета «Literární noviny» провела опрос среди известных деятелей чешской культуры, политиков, философов. Анкета называлась «Чехи, знаете ли вы, чего хотите?», и целью было выяснить, «как они сами себя видят, какими бы хотели быть». Обсуждение предваряла преамбула: «Когда возникла самостоятельная Чешская республика, разговоры о национальных интересах представлялись бессмысленными, так как их заменил лозунг “возвращения в Европу”, что означало скорейшее вступление в НАТО, а затем в Евросоюз. Сегодня, когда уже прошла четверть века, и мы видим, как войны Североатлантического блока гонят в Европу сотни тысяч беженцев и как под их натиском рушится Союз, мы и решили задать вопрос: настало ли время дискутировать о чешских национальных интересах, о национальной идентичности и если да, то как эти интересы определить» [2].

Поисками чешской идентичности, местом чешского народа в истории занимались многие выдающиеся личности, такие, например, как «отец Родины» Карл IV (1316–1378), с которым связан «золотой век» Чехии. При нем чешское королевство стало не только центром обширной империи, но и одной из самых процветающих стран Европы. На Чешском телевидении в 2005 г. выходила в эфир программа «Величайший из чехов». В ходе конкурса, состоявшего из нескольких туров, телезрители должны были выбрать самого выдающегося, по их мнению, представителя чешского народа всех времен. В финале, где соперничали такие личности, как Томаш Масарик, Вацлав Гавел, Антонин Дворжак, Ян Жижка и другие, победил Яра Цимрман – вымышленный герой, придуманный чешскими авторами Л. Смоляком, З. Свераком и И. Шебанеком в 1966 г., «универсальный гений», изобретатель, философ, педагог и т.п. Гениальность этого «родственника» Козьмы Пруткова была основана на народной мудрости и юморе. Он же был признан главным чудом страны в 2010 г. по результатам всенародной акции выбора «Семи чудес Чехии». Так как Цимрман не был реальным человеком, звание «Величайшего чеха» ему в конце концов присуждено не было, а первое место отдали Карлу IV. Но голосование показало как раз чешский национальный характер во всей его красе, как характер народа с чувством юмора и самоиронии.

«Чешский вопрос» решали и Ян Гус, и Ян Жижка, Петр Хельчицкий и Ян Амос Коменский. Йозеф Юнгман (1773–1847), один из ведущих деятелей Чешского национального возрождения, определил чешскость как соотносимость с языком. До него понятие национальной принадлежности было более, так сказать, современным, т.е. соотносилось с территорией. По мнению чешского журналиста Яна Чулика (род. в 1952 г., с 1996 г. является основателем и редактором независимой чешской интернет-газеты «Britské listy»), Юнгман «внушил чешскому народу, что быть чехом означает говорить по-чешски, и в чешском языке скрыта особая черта “человечности”, что привело к тому, что чешское общество с того момента и на весьма продолжительное время позиционировало себя, в качестве оборонительной меры, как нечто особенное по отношению к недружественной инаковости, по отношению ко всему нечешскому [3]. Если Карл IV обеспечил суверенитет территориальный и политический, Франтишек Палацкий (1798–1876), родоначальник и идеолог австрославизма, работал над национальным самосознанием, сыграв важную роль в развитии чешской культуры и национально-патриотического движения. Он сформулировал свою политическую концепцию, квинтэссенцией которой стали слова: «Были мы до Австрии, будем и после нее»). Заслугой его и других деятелей национального возрождения является то, что чешский язык был сохранен. С одной стороны был

австрославизм, с другой — панславизм с его идеей государственного объединения всех славянских стран с царской Россией во главе (термин «панславизм» впервые был предложен словаком Яном Геркелем в 1826 г.). Не забудем и К. Гавличека-Боровского (1821—1856), который вначале был сторонником, а потом ярким противником панславизма, — символ чешского национального самосознания, названный Вацлавом Гавелом первым чешским диссидентом. Гавличека считали подлинным чешским патриотом, намного превосходившим ура-патриотов — его коллег Й.К. Тыла, Ф.Л. Челаковского, одного из главных провозвестников идеи «славянской взаимности», и др. Гавличек заявлял, что панславизм — это то же, что космополитизм. «Мы — чехи, отличные от поляков и русских, а не славяне. Мы не хотим становиться ни немцами, ни венграми, ни русскими, поэтому давайте относиться к русским прохладно, если не с ненавистью», — говорил он, считая бессмысленными и попытки создать единый славянский язык [4. S. 133]. До поездки в Россию его интересовала чешско-славянская культурная общность, а из России он приезжает уже с чисто чешской политической программой.

Мечты деятелей национального возрождения постепенно в течение второй половины XIX в. преобразовались в идеи государственности и независимости, которые воплотил в жизнь Томаш Гаррик Масарик. Вся жизнь Масарик стремился решить для себя «чешский вопрос», проникнуть в тайну малого народа, его истории и его смысла. Он искал способ, которым чехи могли бы достичь своих национальных целей. В противоположность большинству чешских политиков он не считал единственным спасением реализацию государственного права, а придавал огромное значение естественному праву народа на равенство и собственное правительство. Одновременно он не поддерживал идею национального экстремизма, признавал необходимость равноправия чехов и чешских немцев. Долгое время он добивался, чтобы с помощью реформ системы Австрийская империя признала права народов, ее населяющих, на независимость и государственность и отказалась от централизма в пользу федерации. Постепенно осознавая, что путем мирных реформ этого достичь нельзя, Масарик стал противником имперской политики Австрии и был готов к радикальным изменениям. Первая отчетливая программа формирования независимого совместного государства чехов и словаков появилась только во время Первой мировой войны — ее в проработанном виде и сформулировал Масарик. Идеи независимости высказывались и до этого. Одна из них — доктрина Виктора Дыка (1877—1931), чешского прозаика, драматурга, публициста, которая называлась «Теория катастроф». Это была радикальная теория в чешском общественном движении. Было заявлено о возможности получения чехами независимости только в результате столкновения германского и славянского миров. Еще один проект, Карла Крамаржа, о вхождении Чехии как федеративного государства в состав Российской империи, назывался «Славянская уния» и предполагал вхождение в это объединение ряда славянских государств, не только чешского. Об этом подробно писала З. Ненашева [5], а разные концепции чешскости Масарика и Дыка, соответственно концепции национальной идеологии и политики анализируются в книге чешского историка Йозефа Томеша [6]. Чешскость Масарика была тесно связана с духовными ценностями, с социальными реформами, с интернационализмом, с открытостью Европе. Чешскость Дыка была оборонительной (ожидание угрозы, прежде всего со стороны немцев, да и в собственных рядах, где не было единства и осознания важности миссии) и боевой, более опирающейся на национальные традиции.

Самым решающим моментом на пути к образованию независимого чехословацкого государства стала Первая мировая война. Каждый период независимости Чехии чередовался с увеличением подчинения более сильному соседу, и чешский народ был вынужден бороться за право самостоятельно решать свою судьбу на

протяжении всей своей истории. И вот, когда вековая мечта осуществилась, 22 декабря 1918 года первый президент Чехословакии Масарик обратился к своему народу со словами о том, что главной цели добились. Все граждане без различия партий, религий и национальностей получили возможность построить образцовое демократическое государство. Но теперь нужно постараться удержать завоеванное навсегда. А эта задача посложнее, чем во время войны. Начиная с 1918 г., с обретения независимости, когда, казалось бы, национальный вопрос был решен, проблема национальной идентичности, чешскости не исчезала. На протяжении ста лет о ней говорили и говорят с болью, гордостью, с чувством удовлетворения и ущемленного самолюбия, обсуждая социальную ценность и саму бессмысленность обсуждения. Чешскость оставалась самым уязвимым, болезненным вопросом, являясь зачастую судьбоносным в выборе пути. «Земли Чешской короны были территорией, по которой проносилась история, и вот уже на протяжении 1000 лет чехи, собственно, решают один и тот же вопрос, а именно “не соглашаются с вторжением”, — пишет чешский публицист Клара Самкова. — Сначала один чешский правитель попытался купить “невторжение” за 120 волов и 120 гривен серебра (имеется в виду чешский князь, правитель Вацлав, ок. 907 — ок. 935, дата его гибели 28 сентября отмечается в Чехии как День чешской государственности. Он платил ежегодно оброк саксонцам. — *И.Г.*). Потом крестовые походы против гуситов, шведы во время 30-летней войны, потом были Габсбурги, потом немецко-фашистские войска, потом войска Варшавского договора и наконец американский радар в Брдах (Радар в Чехии вместе с ракетами в Польше должен был стать частью американской системы ПРО. Чешская оппозиция выступала против радара. В конце 2009 г. США сообщили, что временно откажутся от строительства базы. В результате построили базу в румынском Девеселе. — *И.Г.*). Братская помощь, куда ни кинь взгляд» [7].

Важный момент в понимании чешскости — представление о чехах у других народов. В 2015 г. вышла книга французского автора Микаэла Гвилуа (в соавторстве с Денисом Молчановым) под провокационным названием «Чехи, поцелуйте меня...». Это одно из немногих искренних, весьма нелицеприятных наблюдений не чеха о том, что означает сегодня в стране понятия «народ» и «государство», вопросы, которые иностранец задает чехам и не может найти ответа: почему среди них практически не было настоящих героев, откуда это лукавство, с которым они избегают всех неприятностей и которое с гордостью называют национальным юмором, почему воровство по какому-то безмолвному соглашению не считается зазорным, чем чехи с незапамятных времен укрепляют свою чешскость и чем она наполнена сегодня. И все ли дело «в пиве, маринованных сардельках, резиновых сапогах, карпе, халтуре, атеизме?» [8. S. 139].

Считается традиционным хорошее отношение к чехам поляков, хотя проблем и нерешенных вопросов у соседей много. В переводе на русский язык (2009) вышла книга «Готтленд» польского журналиста и одного из лучших современных репортеров Мариуша Щигела — «путеводитель» по чешским судьбам XX в. (Mariusz Szczygieł. Gottland. 2006, на чешском 2007). Следующая его книга «Сотвори себе рай» (Udělej si ráj. 2010, на чешском 2011) — о современной Чехии, о том, чем поляка-чехофила привлекает сегодняшняя чешская культура — «культура радости от печали». «Готтленд» сразу стал бестселлером. «Необычайная популярность книги в Чехии показывает, что чехам крайне важны публикации, которые помогут им самоидентифицироваться и определить свое положение среди европейских народов» [9. S. 212]. Главным вопросом, который мучает Щигела, — как живется чехам без Бога, ведь для поляка их атеизм необъясним и тяжело принимаем. Но при этом Чешскую республику он сравнивает с десертом, взбитыми сливками с шоколадной подливкой, против которого невозможно устоять. Импонирует Щигелу у чехов то,

что многие способны признать собственную слабость, ведь еще Б. Грабал как-то написал, что сам себя постоянно свергает с пьедестала. Собранные в книгах Шигела репортажи, однако, полны не только приятных ощущений — они ломают укоренившееся представление о чехах как о мирной нации любителей пива. Социалистическая Чехословакия, по Шигелу, — отнюдь не мифическая страна добродушных швейков. Это страна многолетнего жестокого режима, пропитанного страхом и ощущением кафкианского абсурда.

Кафка и Гашек. Эти имена чаще всего возникают при разговоре о чешском пути, чешскости и т.п. Уже цитируемый ранее Я. Чулик кстати задается вопросом: когда у нас выбирали Величайшего Чеха, никому не пришло в голову предложить Франца Кафку, Густава Малера, Зигмунда Фрейда или Райнера Марию Рильке, которые все родились в Чехии или Моравии и всю жизнь помнили о своих корнях. А писатель Йозеф Шкворецкий, всю жизнь пишущий по-чешски, считается известным канадским автором, равно как и Милан Кундера, (писавший с 1967 г. по 1990 г. по-чешски) — автором французским. Чулику вторит и политолог Томаш Колоц: «Я понимаю, что московский Арбат сделал из грузино-армянина Окуджавы выразителя русской души. Понимаю и то, что в проекте 2008 г. телеканала “Россия” “Имя России” по выбору значимых персоналий в первую десятку вошел Сталин». Самый короткий путь к познанию народа лежит через литературу. «Мир, который через литературу изучает нашу историю, видит главным образом линию, по которой движется наш народ, и эта линия проходит между двух точек опоры: Гашек и Кафка. И дело не в том, что родились они в один год (1883), а в том, что они показывают смысл чешского пути. Этот путь — в никуда, абсурд» [10. S. 11]. У Кафки в его «Процессе» Йозеф К. арестован, но в погоне за таинственным приговором так никогда и не узнает, был ли он вынесен и в чем К. обвинялся. Рядом с Йозефом К. легко встает тоже Йозеф — гашековский Швейк. Это хитрый продавец собак, который с помощью отрицания ищет выход из каждой неприятной ситуации. Массовое безумие окружающих, свихнувшийся государственный механизм, лицемерие принятых норм поведения и т.д. Два антипода — Кафка и Гашек очень схожи. И притчи Кафки, и байки Гашека по-разному, но с равной убедительностью открывают иной абсурдный мир, параллельный повседневному. Разговор о Гашеке и Кафке, умерших тоже почти одновременно (соответственно в 1923 и 1924 г.) не ослабевает по прошествии почти 100 лет. Они как бы представляют и современную Чехию в глазах иных народов. Но за столетие страна изменилась. Самым дискутируемым автором последнего двадцатилетия, высказавшимся о чешскости, причем весьма критически, был известный литератор, автор знаменитого воззвания «Две тысячи слов, обращенных к рабочим, крестьянам, служащим, ученым, работникам искусства и всем прочим» — главного манифеста Пражской весны 1968 г., призывавшего к радикальной демократизации коммунистического режима, Людвик Вацулик (1926—2015). К 100-летию Гашека в своем эссе «Так сказал Швейк» (Tak pravil Švejk. 1983) Вацулик не перестает удивляться существованию целого направления исследований под названием «Швейкология» и возмущается тем, что за границей фигура Швейка связывается с чешским национальным характером. По Вацулику, Швейк это как дверной звонок, висящий на дверях старой Европы, и сегодня он является музеем, где все забавляются глупостью Швейка. Абсурд или глупость не могут характеризовать национальных устремлений чехов, о которых нельзя говорить столь упрощенно и примитивно. Это всегда сложная многокомпонентная смесь. В эссе «Наш словацкий вопрос», опубликованном в 1990 г., Вацулик, в частности, писал: «Мы как нация переболели в лихорадке всеми болезнями, водившимися в нашей стране. Реформация как антиреформация, национализм как интернационализм (панславянский, социалистический), фашизм как коммунизм. Разрушая мы

начинали созидать заново. У нас каждый католик еще и неосознанно гусит и наоборот, каждый реалист немного романтик и наоборот. Каждый из нас немного немец и немного словак. Все мы, новые демократы и либералы будем и впредь немного социалисты. Наше тесто замешано на всех эйфориях и депрессиях» [11. S. 12]. Чехам, считает Вацулик, есть чем гордиться. Это, как ни парадоксально, 1968 год, когда «на страницах газет и на улицах воскресла атмосфера дискуссий эпохи Масарика. А еще тогда был ошеломительный подъем того, что зовется национальной гордостью и чего чех с его самоиронией часто стесняется: когда на улицах наших городов появились танки, они ровным счетом ничего не добились. Мне представляется человек, загнанный под воду, но сумевший на несколько секунд поднять над ее поверхностью голову и сделать вдох. Пережив следующие минуты, он получает надежду на спасение. Не будь вдоха в 1968 г., кто знает, в каком состоянии застали бы нас европейские перемены» [12. С. 254]. Поражение Пражской весны, считает Вацулик, оказалось более важным, чем ее эвентуальное выживание и медленная деградация или же долгий трудный путь к полной демократии, который лишь продлил бы во времени европейские иллюзии о социализме. Значение 1968 г. в том, что за несколько бурных месяцев в людях проснулось нечто, что они еще помнили из довоенной демократической республики. В период свободы слова старшие поколения успели высказать мысли и истины, сформулировать, словесно оформить опыт, который не довелось пережить поколениям молодым.

Не доживший до перемен Вацлав Черны (1905–1987) наряду с Яном Паточкой и Бедржихом Фучиком, родившиеся при монархии, связанные глубокими корнями с Первой республикой и умершие в годы глубочайшего кризиса и морального упадка, в эпоху «нормализации», представляют три глыбы, «трех мушкетеров», как назвал их писатель К. Пецка, и, вероятно, главных авторитетов в «чеховедении». Взгляд Черного еще более жесткий, нежели у Вацулика. В. Черны ввел в широкий обиход обидное прозвище «чехачек». Оно было придумано не им, но с его легкой руки превратилось в некий общепризнанный ярлык. «Заговор посредственности против всего незаурядного — это общая черта всех малых народов, но у нашего это мощно подпитывалось “народностью” наших интеллигентов. Рядом с Чехом всегда кралясь Чехачек. Я называю этим словом немислимую смесь интеллектуальной узости, необразованности и нравственной слабости, при этом он ощущает себя на мировом уровне, завистлив и тщеславен, и это можно встретить лишь в Чехии [...]. Духовно он питался мифами, общественной байкой о своей избранности, своей истории и своих в ней заслугах. Будущее чешскости я вижу очень черным» [13. С. 342–344].

В таком же духе написаны стихи о национальном характере Яна Неруды еще в середине XIX в.:

...Погибла эта мысль, нет в людях единенья
И нет для дел великих вдохновенья!
И на головы падают проклятья
За то, что позабыты наши братья,
Что каждый думает: «Как мне прожить бы сутки?»
И что в цене не головы — желудки... [14. С. 108].

Те же мысли о родине и предназначении народа звучат в «Чешских стихах» Неруды:

Нет, умирать еще мы не умеем
За наш народ, за родину, свободу,
И по-торгашески мы все печемся
О личной выгоде в ущерб народу.

Нет, умирать еще мы не умеем,
И на мужей еще мы не похожи,
Но если наша родина погибнет,
То разве без нее прожить мы сможем? [14. С. 45].

В чем же чешскость сегодня, что изменилось со времен Неруды? Можно сказать, что противостояние Челаковский — Боровский в середине XIX в., панславизм-австрославизм, Масарик — Дык в начале XX в. это такая вечная дискуссия о выборе чешского пути, которая сегодня вылилась в раскол чешского общества, разделенного на «евроскептиков» и «еврооптимистов». Сегодня место чехов и их идентичность, как никогда ранее, рассматриваются в контексте Евросоюза. Лишь небольшая часть интеллигенции считает, что национальная идентичность постепенно должна трансформироваться в общеевропейскую. Большинство чехов придерживаются противоположной точки зрения. 29% людей испытывают гордость от того, что Чехия является членом Евросоюза. Наоборот, 34% не чувствуют никакой гордости от этого, а 50% не верят в то, что принимаемые ЕС решения — в интересах Чехии [15]. Как показывают социологические исследования Евробарометра, в 2004 г. членство в Евросоюзе воспринимали позитивно 35%, что было самым пессимистичным по сравнению с другими государствами, 38% высказывали нейтральную позицию. Десять лет спустя позитивная оценка выросла лишь немного.

Через 100 лет чехи опять приходят к извечно большому вопросу, и это не «какими быть, кем быть», а «с кем быть». Писатель Эмил Гакл (род. в 1958 г., поэт, драматург, журналист) замечает: «Мы страна, которая в новейшей истории не добилась самостоятельности, не представила собственные ценности — экономические, моральные, политические, небольшое исключение составляют ценности культурные. Мы всегда были и остаемся сегодня зависимы от внешнего диктата, у нас так и не нашлось времени заняться самым важным — сплоченностью, солидарностью. Думаю, что любой дебат о чешской идентичности закончится как неудачная гротесковая пьеса» [2]. Писательница Эва Кантуркова (род. в 1930 г., прозаик, сценарист), вспоминая посыл Ф. Палацкога «Были мы до Австрии, будем и после нее», говорит, что сила национальных корней неистребима. «Но мы переживаем огромное изменение мирового порядка, глобальную взаимосвязь. О национальной идентичности говорить легко, но тяжело ее определить. Из того понятия, на которое она опиралась, ушла жизнь. Кому горюют что-то сегодня строки “Вперед, народ наш дорогой, вечно вперед”¹. А есть ли еще у нас родина? — вопрошает Кантуркова. — Или только государство? При существовании изолированных индивидов являемся ли мы еще национальной общностью? Или мы только скачущие чехи? (“кто не скачет, тот не чех” — кричалка болельщиков. — *И.Г.*). Наш язык, когда-то святая скрепа (tmel), не вытесняется ли английским? Мировое значение чешского вопроса, как его когда-то сформулировал Масарик, — в духовном влиянии и чешской идентичности, с которой мы каким образом должны распорядиться? Поделиться с миром или раствориться в идентичности высшего порядка? Опять вопрос на вопросе [...]

¹ Имеются в виду стихи Неруды «Только вперед»:

О чехи — гвозди, скрепы корабля!
Да сохраним его большим и цельным,
Чтоб засияла чешская земля!
Но если б все насытились желанья
И стал бы светел чешский небосвод —
Как нет людскому морю затиханья,
Так будь и ты готов для испытанья,
Вперед, народ наш дорогой, вперед! [14.С.102].

Чешскость это слабая мотивация сегодня, и по сравнению с прошлым потеряна ее духовная наполняющая» [2].

Да, сегодня распад традиционных связей в обществе, социальное разобщение, размывание национальной идентичности при нарастании процессов глобализации характерны для всех стран, особенно маленьких. Но, как отмечают многие участники анкеты «Literární noviny», — Чешская республика сегодня не республика чехов, а чешской культуры, и кто есть чехи определяется именно принадлежностью к ней.

Преодоление атомизации общества возможно именно через осознание важности культуры, традиций, корней. Европа наших дней «с востока и с запада окружена двумя огромными пространствами, совершенно униформированными и замкнутыми в себе, в то время как богатство Европы кроется именно в ее разнородности, разнообразии и многообразии, и если она от этого когда-либо откажется, то откажется и от самой себя» [16. С. 243].

В завершение бесконечного и сложного разговора о чешскости можно было бы закончить словами 18-летней выпускницы чешской школы, писавшей сочинение о национальном характере: «Думаю, что чехи как свободный народ все еще ищут свое место. Я верю, что в нас много хороших качеств. Мы можем прийти на помощь к тем, кому требуется. Мы способны на жертвы, потому что верим в любовь и добро. Мы понимающие, и наш юмор помогает преодолевать казалось бы непреодолимое. Многие из нас окружены барьерами предосторожности и предрассудков, сквозь которые сложно продаться. И все же, если кому-то это удастся, он видит, насколько благожелательными, искренними и надежными мы можем быть» [17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Turner J. Češtvi a čecháckovství. IDnes.2.02.2018. <https://turnerjiri.blog.idnes.cz/blog.aspx?c=647423> (дата последнего посещения 18.04.2019).
2. Češi, víte, co chcete? 19.10.2015. Anketa. Literární noviny. č.10. <http://literarky.cz/politika/domaci/20821-ei-vite-co-chcete%20> (дата последнего посещения 18.04.2019).
3. Koloc T., Čulík J. O chaosu, nestabilitě, nacionalismu a xenofobii. 31. 12. 2008. Britské listy. <https://legacy.blisty.cz/art/44472.html> (дата последнего посещения 18.04.2019).
4. Špičák J. České myšlení. Praha, 1981.
5. Ненашева З. Общественно-политическая мысль в Чешских землях в конце XIX — начале XX века. М., 1994.
6. Tomeš J. Viktor Dyk a T.G. Masaryk. Dvojí reflexe češství. Vyd. 2., dopl. Praha, 2015.
7. Samková K. Co je češtvi? 11.9.2018. Parlamentní listy. <http://www.zrcadleni.cz/co-je-cesstvi/> <https://turnerjiri.blog.idnes.cz/blog.aspx?c=647423> (дата последнего посещения 18.04.2019).
8. Gwiloua M., Molčanov D. Češi, polibte mě... Praha, 2015.
9. Mroczek I. Gottland Mariusza Szczygła w czeskim przekładzie i jego czeska recepcja: przypadek Ludwika Vaculíka // Przekłady Literatur Słowińskich. Katowice, 2011. T. 2. Cz. 1.
10. Raduševič M. Češtvi // Literární noviny. 29.10.2015.
11. Vaculík L. Naše slovenská otázka // Literární noviny. 3.05. 1990.
12. Вацулик Л. Вдох. Эссе // Иностранная литература. 2008. № 9.
13. Герчикова И. Вацлав Черны (К столетию со дня рождения) // Славянский альманах 2005. М., 2006.
14. Неруда Я. Стихотворения. Рассказы. Малостранские повести. М., 1975.
15. Миклас Я. «Евроскептики» и «еврооптимисты». ЕС в чешском общественно-политическом сознании. Столетие. 30.05.2008. http://www.stoletie.ru/slavyanskoe_pole/evroskeptiki_i_evrooptimisti_2008-05-30.htm (дата последнего посещения 18.04.2019).
16. Вацулик Л. Моя Европа (с тремя картинками) // Иностранная литература. 2001. № 5.
17. Beshirová E.I. 21.12.2011. <http://www.cesky-jazyk.cz/slohovky/eseje/ceska-povaha.html#ixzz5Weepdb-Sm>, (дата последнего посещения 18.04.2019).

ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛОНИЗАЦИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА

© 2019 г. И.Е. Адельгейм

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

E-mail: adelgejm@yandex.ru

Статья посвящена проблеме сложного бытования постмодернизма (как феномена и как термина) в Польше 1980–1990-х годов и роли этого явления в процессе освобождения польского художественного сознания после политического перелома 1989 г. и «конца романтической парадигмы», а также своеобразию преломления эстетики и сознания постмодернизма на почве польской литературы.

The article is devoted to the problem of the complex existence of Postmodernism (as a phenomenon and as a term) in Poland in the 1980s and 1990s, and the role of this phenomenon in the process of liberation of artistic consciousness after the political turning point of 1989 and the «end of the romantic paradigm», as well as the peculiarity of the refraction of aesthetics and postmodern consciousness on the basis of Polish literature.

Ключевые слова: постмодернизм, польская литература, перелом, освобождение языка.

Keywords: Postmodernism, Polish literature, fracture, liberation of the language.

DOI: 10.31857/S0869544X0005429-4

По ироничному замечанию К. Униловского, постмодернизм «потряс литературный быт Польши, словно гром с ясного неба. Что-то вроде домашнего задания, заданного нерадивому школьнику эксцентричным учителем» [1. С. 31].

Массовое «обживание» постмодернизма в Польше происходило одновременно с падением коммунизма, и политические перемены ассоциировались с эстетическими новациями. Свою роль сыграла и жажда литературной сенсации: этикетка «первый польский постмодернистский роман» (которым именовались, в частности, «Ставки сделаны» (1991), А. Барта, «End & Fin Company» (1992) К. Белецкого, «Ты – никто» (1993) Т. Трызны, «Последний американский роман» (1993) П. Спорек-Чаканьского, «Пансион Баратария» (1993) К. Липки и др.) служила весьма эффективной рекламой.

Была также сделана попытка задним числом «постмодернизировать» ряд явлений польской литературы – не только послевоенной, но и межвоенной и даже относящейся к рубежу XIX–XX вв. («Молодую Польшу», творчество С.И. Виткевича, В. Гомбровича, Б. Шульца, Е. Анджеевского, Т. Парницкого,

Т. Конвицкого и др.), что заставило В. Болецкого саркастически заметить: «Из того факта, что и птицы, и насекомые, и семена — а порой даже мусор — летают по воздуху, еще не следует, что все это можно назвать словом “самолет”» (цит. по [2. S. 13]). Впрочем, сам Болецкий проделывал обратную процедуру, сдвигая верхнюю границу польского модернизма и «модернизируя» постмодернистские тексты 1990-х годов. Однако следует подчеркнуть, что этот внезапно образовавшийся теоретический хаос сыграл и свою положительную роль: он способствовал оживлению рефлексии над модернизмом, в том числе над различным бытованием самого термина в польском, западноевропейском и американском литературоведении, а также переосмыслению критериев и основ периодизации истории литературы XX в. Кроме того, сама потребность в «постмодернистском» прочтении младопольской или межвоенной прозы — явление закономерное (подобным образом в 1904 г. книга И. Матушевского «Словацкий и новое искусство (модернизм): творчество Словацкого в свете идей современной эстетики: критически-сравнительное исследование» оказалась «модернистским» прочтением романтизма) и необходимое, поскольку помогает обнаружить элементы поэтики или проблематики, опосредованно или непосредственно являющиеся исходной точкой для польского постмодернизма, осознать, что он является логичным следствием польского же модернизма, а не только результатом «насаждения извне», подражанием постмодернизму западному [2. S. 14].

Характерно, что сам термин «постмодернизм» польское литературоведение начало употреблять по отношению к отечественной литературе позже, чем появились его «практические результаты»: первоначально это понятие использовалось лишь применительно к творчеству зарубежных, прежде всего американских писателей — Д. Барта, Д. Бартельми, Р. Кувера и прочих, тогда как близки постмодернизму были уже некоторые дебюты 1980-х годов. Этот факт имеет свою значимую для парадигмы польского художественного сознания предысторию.

Во второй половине 1970-х годов польский роман в значительной степени утратил популярность. Если в официальной печати препятствием являлась цензура, то в самиздате художественная литература проигрывала документальной в силу того, что любое необработанное свидетельство виделось более ценным, нежели самое изощренное сюжетное повествование. При этом если от польского автора читатель требовал зримой аутентичности, работающей на очевидную этическую и идеологическую сверхзадачу (борьба с режимом), то от зарубежного писателя он готов был принять любые, самые сложные и абстрагированные от идеологии повествовательные конструкции. Не случайно конец 1970-х годов ознаменовался в Польше подлинным «бумом» латиноамериканской литературы (творчества А. Карпентьера, Х. Кортасара, М.В. Льюиса, Х.Л. Борхеса, Э. Сабато, К. Фуентеса, Г.Г. Маркеса и др.), возродившей веру в возможности художественной прозы и оказавшей немалое влияние на дальнейшее развитие польской культуры, поскольку сложное смысловое пространство, образующееся в результате перевода и его прочтения уже в новом контексте, неизбежно становится в свою очередь фактом художественного языка, воздействующим на «чужую» литературу. Это явление беспрецедентное в истории польского восприятия зарубежной литературы — впервые предметом обожания стала проза целого континента. По-своему «поощряла» интерес к латиноамериканским писателям сама власть, поскольку эти прозаики, в основном придерживавшиеся тогда левых взглядов, казались цензуре «безопасными». Свою роль в эволюции литературного сознания и языка сыграло также чуть более

позднее увлечение широкого польского читателя литературой США – творчеством Д. Барта, Д. Бартельми, Р. Кувера, Т. Пинчона, У. Гэددиса, Х. Мэтью.

В середине 1980-х годов маятник качнулся в обратную сторону: если прежде документальная проза вытесняла со сцены художественную, то теперь, после очередного всплеска «литературы факта» (бывшего, не в последнюю очередь, реакцией на введение военного положения) и «прививки» латиноамериканской и американской прозы, это течение, в свою очередь, начало переживать кризис. Доминировавшие в польской прозе в основе своей идеологические критерии вели ее к статистически накапливаемой невозможности противопоставить себя читателю, создать необходимую дистанцию, к коммуникации на уровне очевидности, а нередко и просто к достаточно поверхностной описательности и злободневности. И именно в 1980-е годы ряд дебютантов попытался выйти за рамки утилитарных и идеологически маркированных позиций, ощущая, что предлагаемые современной им польской литературой роли писателя себя исчерпали. Однако те же обстоятельства, которые подтолкнули молодых авторов к художественному эксперименту, помешали им быть услышанными: читатель, хоть и «уставший» от этически-идеологической нагрузки литературы, все же не был еще готов отойти от парадигмы, в которой традиционно развивалась польская культура, отделить литературу от политического протеста, «освободить» автора от роли нравственного наставника общества. Официально издававшихся молодых прозаиков, попытавшихся тогда заниматься «чистой литературой», языковыми и формальными проблемами, – так называемое поколение художественной революции (Р. Шуберт, М. Солтысик, З. Огиньский, Ю. Лозиньский и др.) – упрекнули в политическом конформизме и вторичности: отказываясь от «национального кода», писатель практически утрачивал возможность быть услышанным.

Именно поэтому одним из фундаментальных изменений в литературном мышлении и литературном быте после 1989 г. следует считать осознание недостаточности «польскости» как критерия самоидентификации и потребность в обновлении литературного языка. Таким образом, проза 1990-х годов, казалось бы, столкнулась с принципиально иной ситуацией, чем «художественная революция» 1980-х, однако, оказавшись в гуще польских художественных и идеологических дискуссий, понятие «постмодернизм» быстро стало ругательным: в нем все же усмотрели посягательство на основы национальной идентичности, литературную иерархию, польские и, шире, европейские идеи и ценности и пр. (см. об этом [3. С. 106–107]). Характерно, что споры о постмодернизме мгновенно приобретали идеологический оттенок: постмодернизм в искусстве клеймили как опасную и деструктивную позицию, основанную на нигилизме, вседозволенности, релятивизме, превознесении концепции мира-хаоса (см. об этом [4–6]). В самом деле, расхождения постмодернизма с польским литературным каноном казались исключительными какой бы то ни было компромисс: если постмодернизм направлен на переживание исключительно настоящего, то в Польше прошлое являлось предметом культа, а надежды связывались с будущим; постмодернизм нивелировал категории историзма и трагизма, фундаментальные для польской литературы; прошлое для постмодернизма фрагментарно, а непрерывность исключена, тогда как польская литература сознательно ее лелеяла (вместе с утерянными или уничтоженными звеньями); постмодернизм отказывается от иерархии ценностей, отдавая предпочтение коллажу стереотипов, тогда как в польской литературе даже стереотипы, по остроумному замечанию В. Болецкого, являлись или стремились быть ценностями и т.д. Распространенным стало мнение, что

постмодернизм – очередной пример бесплодного экспериментаторства, своего рода художественного и интеллектуального мошенничества.

И тем не менее «постмодернизация» польской прозы (или «полонизация» постмодернизма) была неизбежна, хотя, по словам К. Униловского, явлению этому свойственна «прерывность»: «постоянное повторение “инициальных жестов”, авторы которых по разным причинам чаще всего исчезают из поля зрения после одной-двух книг» [1. S. 40].

В польской прозе постмодернизм воплотился прежде всего в форме историко-осязательной иронии («Короткая история одной шутки» (1991) С. Хвина), гротескного изображения деградации общественных идеологий относительно цельности бытия («Мы здесь эмигранты» (1991) М. Гретковской), освобождения личной биографии от механизмов историко-политической инициации («Вайзер Давидек» (1987), «Рассказы на время переезда» (1991) П. Хюлле), метафизического повествования о небытии («Страсти по святому Иоанну» (1991) К. Мышковского), построения внеполитической антиутопии («Стены Хеврона» (1992) А. Стасюка) и др. Широкое распространение получили модели прозы, основанные на пастише, остранении традиционных жанров, в том числе характерных для массовой литературы – детектива, триллера, любовного, приключенческого романа и пр. (творчество С. Хвина, П. Хюлле, М. Беньчика, А. Барта, А. Стасюка, А. Либеры и др.). Польские прозаики охотно обращались к играм с альтернативной историей («Городок с человеческим лицом» (2002) М. Сеправского, «Поезд для путешественников» (1999) А. Барта, «Тысяча спокойных городов» (1997) Е. Пильха), идее насыщения текста метаэлементами (произведения О. Токарчук, Е. Лимона, Е. Пильха, М. Беньчика, М. Гретковской, П. Дунина-Вонсовича, Р. Прашиньского, А. Убертовского и др.), феномену нонселекции («Антология постнатального творчества. D.G.J.L.O.S.W.» (1996) Ц.К. Кендера, «Пособие по человечеству» (1996) М. Гретковской, «Delectatio morosa» (1996) В. Баволека, «Где собака зарыта» (1998) А. Видемана), идее «подвешенности» человека в мире-хаосе, свободы от какой бы то ни было реальности, в том числе реальности текста (проза Г. Струмыка, М. Гретковской, Н. Герке, И. Филипьяк, З. Рудзкой, З. Крушиньского, А. Новака, Я. Гибаса, А. Тузяка, А. Бихты и др.).

Потребность в обновлении художественного языка нашла выражение в демонстрации интертекстуальной, метатекстуальной виртуозности, языковых экспериментах на всех возможных уровнях (проза А. Бужиньской, Е. Пильха, Н. Герке, Е. Лимона). Сотканное из микросценок, элементов рекламы (по словам одного из критиков, постмодернистское повествование, «подобно авангардным художникам XX в., возводит свой [...] собор, используя в качестве строительного материала мусор, ненужные предметы, а порой и сокровища, найденные на помойке» [7. S. 114]) повествование демонстрирует разность и несоотнесенность знаков, используемых современным человеком. Так, главный герой книг Герке – убивающий смысл стереотип: экспансия языковых клише в ментальности современного человека в конце концов лишает жизнь содержательности. Основанные на изощренной стилистической игре рассказы Д. Битнера опираются на литературные концепции и аллюзии. Полностью построен на языковой стилизации сборник В. Кучока «Слыханные повести» (1999). Реальность – повседневность, внелитературный мир проникают в повествование исключительно через речь, а стиль и композиция этих рассказов, восходя к литературе, к ней же отсылают. Нередко демонстративные языковые эксперименты присутствуют уже в заголовках (произведения А. Барта,

С. Хвина, М. Порембского, Х. Адамовского, Ц.К. Кендера, Н. Герке, В. Кучока, Е. Лимона, А. Видеманна и др.).

Особый интерес представляет явление, названное польским литературоведением «постмодернизмом с человеческим лицом» [8. S. 59]: при помощи этого термина делались попытки описать специфику некоторых текстов, использовавших постмодернистские приемы и идеи и одновременно стремившихся преодолеть постмодернистское мировоззрение, свидетельствовавших о желании воплотить при помощи эстетики постмодернизма потребность в живых чувствах и вечных ценностях как опорах бытия и языка.

Так, «Терминал» (1994) М. Беньчика, словно полностью сшитый из литературных аллюзий, оказывается одновременно увлекательной и простой, очень искренней книгой о любви, переживание которой само по себе есть выход из хаоса, поскольку требует зрелости и видения другого. Действие второго романа Беньчика «Творки» (1999) происходит во время оккупации в известной польской психиатрической больнице: работающие там герои пытаются не только выжить, но и уберечь собственное сознание от чудовищной действительности. В «творковском рае» находится место и для любви, и для поэзии — кошмар войны поначалу доносится лишь эхом (пока не обнаруживается, что из четырех человек трое — скрывающиеся евреи). Как и в «Терминале», стержень повествования в «Творках» — язык и фигура повествователя, хоть и осознающего невыразимость величайшей катастрофы XX в., но все же рассказывающего именно о том, что слову не поддается. Повествователь, однако, ведет диалог не только с читателем, но и словно с самой литературой — с помощью переполняющих книгу каламбуров, цитат, рифм, пародийных стихов, аллюзий и пр. По словам М. Цубер, Беньчик «первым ответил на вопрос, что делать с Холокостом, если ты не был его жертвой, если ты поляк и не хочешь изъясняться при помощи стереотипов (а например, с точки зрения литературоведа-постструктуралиста)» [9. S. 198]. По словам самого автора, его опыт — это «не только исторический опыт человека, родившегося после войны, но также литературный опыт человека, воспитанного и начавшего писать в так называемом мире текстов». «Я не могу, — добавляет он, — не учитывать этот мой собственный опыт. Я обязан его учитывать, поскольку, говоря о вещах экзистенциальных — а именно таковы война и Холокост, не могу не вовлечь в это повествование всего себя, весь свой опыт. И только посредством него я могу надеяться сказать сегодня нечто значимое об этой войне» [10].

Также некоторые произведения прозы «малой родины» (С. Хвина, П. Хюлле, А.Д. Лисковацкого, Е. Лимона) могут рассматриваться как характерные для постмодернизма историографические метароманы, наполненные, однако, реальной жизнью с ее запахами, красками, фактами, живыми людьми, глубокими и невыдуманно переживаниями. Тщательная прорисовка предметного мира, характерная для этого течения, может быть интерпретирована и как изображение знаков, отсылающих к разрушенному историей тексту несуществующей культуры, а демонстративная аллюзийность акцентирует идею мира-текста, подчеркивает фантазмагорическую природу памяти и любого мифотворчества.

Итак, в исторической ситуации выхода польской литературы за рамки «романтической парадигмы» постмодернизм оказался эффективным инструментом обретения свободы языка (подробно об этом см [11]) — будь то постмодернистское повествование, за которым стоит потребность сбить читателя с толку, заставить его самостоятельно и по-новому взглянуть на окружающую действительность, или опробование отдельных его приемов прозой, в целом

достаточно «традиционной», или даже неизбежная «игра в постмодернизм» отдельных прозаиков — поверхностная, но также по-своему питающая литературное и психологическое сознание, отрабатывающая и демократизирующая те или иные художественные приемы, подготавливающая читателя к восприятию такого языка и т.д. Реакция литературы на свободу после 1989 г. началась с освобождения языка, а не с фактологического описания. Постмодернизм дал польской прозе противоположный привычному образ человеческого состояния, не укладывающийся в категории идентичности. Кроме того, польская постмодернистская проза заново открыла для себя смысл рассказывания историй, в том числе чужих. Проверенный и вечный прием рассказывания истории с вымышленным героем предполагает определенную структурированность изображаемого мира, и уже одно это свидетельствует о возвращении стремления нормального сознания к иерархии и гармонии. Здесь же скрыт шанс понять и отдельную жизнь, историю и передать читателю свою личную правду. Другими словами, фабула (не в последнюю очередь постмодернистская) органически связана с целями и задачами литературы вообще, которые польская критика так упорно защищала «от постмодернизма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Uniłowski K.* Skądinad. Zapiski krytyczne. Bytom, 1998.
2. *Bolecki W.* Polowanie na postmodernistów (w Polsce). Kraków, 1999.
3. *Klejnocki J., Sosnowski J.* Chwilowe zawieszenie broni. Warszawa, 1996.
4. *Wilczyński M.* Antypostmodernizm polski // *Czas Kultury*. 1994. № 3–4.
5. *Wilczyński M.* Egzorczyści i demaskatorzy. Nieokonserwatywizm polski wobec kultury ponowoczesnej // *Czas Kultury*. 1996. № 1.
6. *Wodziński C.* W trybach zmory. O polskich krytykach postmodernizmu uwag kilka // *Odra*. 1997. № 10.
7. *Tomkowski J.* Dwadzieścia lat z literaturą. 1976–1996. Warszawa, 1998.
8. *Uniłowski K.* Jeśli ktoś kocha to i opowiada // *FA-art*. 1994. № 4.
9. *Cuber M.* Od stosowności do dosadności. Wokół przemian polskojęzycznej prozy o Zagładzie w latach 1989–2009 // *Nowe dwudziestolecie (1989–2009). Rozpoznania. Hierarchie. Perspektywy*. Warszawa, 2010.
10. Imię Soni (rozmowa Wojciecha Chmielewskiego z Markiem Bieńczykiem) // *Rzeczpospolita*. 1999. № 159.
11. *Адельгейм И.Е.* Поэтика «промежутка»: молодая польская проза после 1989 года. М., 2005.

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ДИСКУРС И СЛОВЕНСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРАКТИКА

© 2019 г. Н.Н. Старикова

Д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

E-mail: nstarikova@mail.ru

В статье рассматриваются механизм проникновения и адаптации постмодернистской парадигмы в словенское литературное пространство, влияние художественных принципов постмодернизма на литературную практику отдельных авторов и постмодернистского дискурса на литературный процесс в целом.

The article considers the penetration and adaptation mechanism of the postmodern paradigm to the Slovenian literary space, the influence of post-modernistic artistic principles on the individual authors' literary practice and postmodern discourse on the literary process in general.

Ключевые слова: словенская проза, постмодернизм, литературный плюрализм, эстетический синкретизм.

Keywords: Slovenian prose, Postmodernism, literary pluralism, aesthetic syncretism.

DOI: 10.31857/S0869544X0005439-5

Одной из особенностей словенской литературы на протяжении всей истории ее развития была национально-охранительная функция. По сути, художественные тексты на словенском языке на протяжении столетий являлись главным консолидирующим фактором – «держали» нацию. Стоя на страже национальных интересов, институт словесности долгое время был также инструментом общественной борьбы за национальное возрождение. Отсюда – стойкий и последовательный консерватизм словенских авторов в отношении и к европейским инновациям, и к собственной литературной традиции. Конечно, осознание своей принадлежности к общеевропейской культуре, тяготение к опыту «больших» литератур возникло еще в XIX в. Однако, следуя за литературной модой, будь то декаданс, авангард, экзистенциализм, словенские писатели всегда демонстрировали лояльность к национальной традиции, не посягая на такие абсолютные величины, как гражданственность, патриотизм, национальная идентичность. Следствием этого подхода стало значительное снижение потенциала иронического и пародийного в национальной литературе в целом. Выровнять эту диспропорцию, «раскрепостить» писательское сознание, компенсировать недостаток иронии как одной из важнейших составляющих комического в XX в. в определенной степени помог постмодернистский

дискурс. Он способствовал внедрению в литературу и искусство принципа плюрализма, «открывая перед ними, — как отмечает профессор Люблянского университета А. Зупан-Сосич, — новые перспективы» [1. Электронный ресурс].

В словенском социокультурном пространстве активная фаза постмодернизма пришлась на середину 1980 — начало 1990-х годов. Словенская литература, так же как ряд других славянских литератур, использовала, развивала и модифицировала сложившуюся в последней трети XX в. в Америке и Европе художественную модель, пришедшую на смену модернизму и возникшую на основе одновременного сочетания философских, научно-теоретических и эстетических представлений, обусловленного кризисным состоянием современной цивилизации и общественного сознания. Методологической основой постмодернизма при переосмыслении истории, литературы, искусства и культуры выступил постструктурализм. Принципиальным для постмодернизма стал поиск универсального художественного языка, основанного на принципе игры с текстом и читателем. Мир мыслился как текст, как игра сознательных и бессознательных заимствований, цитат, клише; иерархия ценностей аннулировалась ради сосуществования разных культурных моделей и канонов, самоценных, самодостаточных и несводимых друг к другу. Постмодернистская мысль «пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле есть не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель» [2. С. 230]. Однако в каждой конкретной литературе национальное своеобразие постмодернистской художественной продукции, несмотря на все интеграционные аспекты его поливалентной поэтики, для которой характерны деканонизация всех канонов и условностей, ироническая переоценка ценностей, цитатно-пародийное многоязычие, растворение («смерть») автора, создание новых гибридных форм и т.п., определяли в первую очередь национальные язык и литературная традиция, склад мышления, тип юмора и иронии и лишь потом всемирная культурная традиция и контекст (мировой, континентальный, европейский, региональный и т.д.).

В силу специфики развития словенской литературы постмодернизм проявился в ней несколько позже, чем на Западе, и «задержался» чуть дольше. Одной из причин его возникновения были явления идеологические, поэтому сначала складывается его «политический» вариант и лишь потом классический западный — «деконструктивный» [3. С. 60]. Особый характер постмодернистского дискурса в словенской литературе обусловлен также тем, что она, активно «подключаясь» к уже сформированному постмодернистскому видению мира, пыталась в его стилистике описать собственный опыт, по природе своей совершенно иной, чем в Америке и Западной Европе. Если там постмодернизм оказался естественным порождением постиндустриального общества, был тесно привязан к постструктуралистской теории и использовал весь арсенал западной масскультуры, то здесь его возникновение было вызвано самой абсурдностью социалистической системы и идейным коллапсом тоталитарного общества. Как и модернизм, постмодернизм стал реакцией литературы на идеологическую несвободу в период позднего тоталитаризма, а затем и на само крушение социалистической системы. Стремясь освободиться от всех внелитературных задач, словенская литература в лице самых передовых своих представителей начала искать опору во многих ключевых позициях философии постмодернизма: в устремленности к синкретизму мышления, в представлениях об исчерпанности старых взглядов на историю, в обесценивании вечных ценностей, в том числе кажущихся незыблемыми канонов красоты, в принципиальном паритетном сосуществовании разнообразных художественных языков,

в «постмодернистской чувствительности» (специфическом видении мира как хаоса, представляющего сознанию лишь в виде неупорядоченных фрагментов).

Массовое «открытие» постмодернизма связано с периодом подготовки и реализации словенской «бархатной» революции, а также с первыми годами национального суверенитета. Переживаемый словенцами исторический перелом — канун и смена общественной системы и политического режима, обретение на заре 1990-х годов государственной самостоятельности наложили свой отпечаток на характер осмысления и адаптации постмодернистских реалий к национальному культурному пространству. После знаковых изменений на карте Европы в писательских рядах явно ощущалась некоторая растерянность, вызванная исчерпанностью основного предназначения национальной литературы — служения национальному делу. Практически впервые в истории словенская литература сбросила с себя бремя внеэстетических обязанностей, и перед ней встал естественный вопрос необходимости обновления художественного языка. В новых общественно-политических условиях плюралистичность интерпретации и восприятия и интертекстуальность как выражение духовной интеграции, присущие постмодернистской поэтике, оказались востребованными. Уже в первых постмодернистских текстах были зафиксированы умонастроения переходного времени: расставание с недавними национально-культурными мифами и рождение мифов новых, трансформация чувства национального самоутверждения, часто представленного не апологией героических страниц отечественной истории, а разрушающим иллюзии критико-ироническим ее прочтением. Это повлекло за собой отказ от традиционного дихотомического разделения на «высокую» и «массовую» литературу, сочетание самых разных художественных стилей, включая соединение в невиданных ранее масштабах рафинированного и тривиального искусства, поиск синтеза новейшей техники письма с реалистической поэтикой, новаторства с традицией, возникновение новых форм романа, среди которых пастиш исторического приключенческого и фантастического романов, романы инициации, метафигурные романы, романы-головоломки, романы-«учебники» и т.д.

Вопрос об истории национальной постмодернистской парадигмы давно занимает умы словенских литературоведов и критиков. Свидетельство тому — обилие исследований, посвященных этому феномену национальной литературы, среди которых «Трудности с постмодернизмом» (1982), «Словенская литература после модернизма» (1989–1990), «Новый взгляд на словенскую литературу» (1995), «На пути к постмодерне» (1995) Я. Коса, «Сфинкс постмодерна» (1989) А. Дебеляка, «Кривое зеркало» (1994) Т. Штока, «Высокомерие и пристрастность» (1996) М. Коса, «Постмодерн и “молодая словенская проза”» (1991), «Текст и контекст» (1997), «Страх перед наивностью: поэтика постмодернистской прозы» (2000) Т. Вирка, «Отечественный Парнас в кавычках: пародия и словенская литература» (1997) и «Интертекстуальность» (2000) М. Ювана, «От экспрессионизма до постмодерны» (1999) Б. Патерну и др. Постмодернистские тенденции стали проникать в словенскую литературу еще в период тоталитаризма, в определенном смысле как эстетическое ему противостояние, и при этом литература уже имела богатый и разнообразный модернистский опыт. Особенностью первых дискуссий о постмодернизме стало то, что критики обнаружили его «следы» сначала в поэзии¹, а не в прозе, что характерно для других литератур: «...едва ли можно было найти поэтический

¹Подробнее о словенской постмодернистской поэзии см. [4. С. 53–70].

сборник, который критика прямо или косвенно не связывала бы с постмодернизмом» [5. С. 272].

В прозе последовательное «оживание» постмодернизма, внедрение в художественную практику его принципов произошло несколько позже и в целом совпало с интенсификацией процесса либерализации, приведшей в конечном итоге к падению коммунизма. В это время в литературу вступает молодое поколение интеллектуалов, как правило, выпускников гуманитарных факультетов национальных университетов, полагающих, что литература не должна отражать и комментировать действительность, что ее задача — создавать параллельную реальность, основанную на манипуляции с литературной традицией. Ими двигало желание избежать однозначности, передать многоликость и незамкнутость истины, постмодернистский дискурс оказался для них идеальным полигоном, эпштейновским «парадоксом в действии» [6. С. 209], который дал литературной практике импульс обновления. Увлечение новым подходом стало для многих из них не только проявлением профессионального интереса, но и формой протеста против идеологических оков тоталитаризма. Яркие представители этой словенской генерации, как и многие европейские постмодернисты, декларировали, что не нуждаются в широком читателе, культивировали фрагментарность формы, минимализм содержания, пространственно-временную неопределенность. От предшественников-модернистов они переняли свободу обращения со своим главным инструментом — художественным словом, намеренную усложненность нарратива, тягу к эксперименту как к самоцели. В их произведениях четко прослеживается установка на литературную игру смыслов и намеренное стирание грани между субъектом и объектом «под знаком творческой дилеммы между крайним сарказмом полной деструкции (фрагментарный хаос модернизма) и стремлением к новой интегральности (постмодернизм)» [7. С. 155]. Точкой отсчета для этого поколения становится принцип равноправия всех стилей, основой творчества — плюрализм поэтик. Модернистская эстетика эксперимента, порожденная противоречием между предельно обособленной и самоуглубленной индивидуальностью и отчуждающимися, надличностными тенденциями развития общества и культуры (массовое общество, тоталитарное государство, атомные и электронные технологии и т.д.) сменилась возобновлением интереса к «традиционным» темам и классическим формам, но уже без тех противоречий и надрывов, которые определяли модернистское сознание. Творческий поиск существенно обогатила игра, высвобождающая сознание из-под гнета стереотипов, та игра, в которой, «нет воли самих играющих, а только бесконечные игрушки игры — знаки, цитаты, информационные коды» [6. С. 209].

Игровая составляющая принципиальна для художественного дискурса молодых словенских постмодернистов, лидером которых выступил А. Блатник. В книге краткой прозы «Биографии безымянных. Маленькие рассказы 1982—1988» (1989) он проявляет себя как способный стилист. Так, в рассказе «День, когда умер Тито» точно переданы реалии времени, объясняющие настроение в семье обычных словенских интеллигентов, одновременно встревоженных и обнадеженных случившимся. Мать под предлогом болезни отзывает сына-школьника с траурного митинга, где он как лучший юный декламатор должен читать партизанские стихи, — в этом выражается ее форма протеста. Не менее важна для Блатника поэтика фрагмента — мига, движения, жеста. В микрорассказе (одно предложение в двадцать строк) фиксируется безымянное мгновение, когда в ожидании своей цифры ударник ансамбля поднимает палочки — рассказ «Взмах барабанщика». На принципе игры с жанром научной

фантастики построен роман «Факелы и слезы» (1987), написанный не без влияния «Пикника на обочине» братьев Стругацких и «Сталкера» А. Тарковского. Это постмодернистский роман-«учебник» с элементами антиутопии: в конце каждой из пятнадцати глав дается ее краткое резюме и контрольные вопросы, как в школьных учебниках, в тексте много «научных» сносок с пометкой «примечание редактора». Блатник прекрасно понимает, что реализует себя в литературе в такое время, когда от идеала до штампа — один шаг, поэтому для него особенно важна постмодернистская игра с литературным контекстом. В авантюрной, шпионской, научно-фантастической аллегорической истории о блужданиях героя-интеллектуала по лабиринтам мировой литературы Т. Вирк увидел «пародийную проекцию традиционного словенского романа» [8. S. 155], М. Юван обнаружил интертекстуальные пересечения с мотивами К. Воннегута, Х.Л. Борхеса, Д. Киша, Дж. Оруэлла и даже В. Аллена [9. S. 29]. Впрочем, на их «след» указал сам автор, поместив в конце романа библиографию, насчитывающую свыше шестидесяти фамилий деятелей культуры и искусства, среди которых оказались не только вышеназванные, но также С. Беккет, М. Булгаков, Дж. Джойс, Т. Манн, Ф. Кафка, Ф. Ницше, Э.А. По, Р. Вагнер, Э. Мане, К. Маркс и Ф. Энгельс и ряд других. В этом списке на скромном шестом месте расположилась и фамилия Блатник (справедливости ради надо сказать, что представленный ряд украшают и другие словенские имена: И. Цанкар, А. Дебеляк, Э. Флисар, М. Юван, Т. Кермаунер). Действие романа происходит в некоем будущем, в период бесконечной Великой Войны, миром правит Новая Инквизиция (НИ), осуществляющая тотальный контроль над Планетой. Некий исследователь, от лица которого и ведется повествование, задумал написать биографическую книгу о Константине Войновском. человеке, бросившем вызов НИ, для этого он обращается в архивы, ищет документы, свидетельства, фотографии. Герой его исследования — «дитя войны», найденный в европейских развалинах, «мать, отца, близких, [...] надежду и смысл жизни (всю эту комплексную синтагму заменим, повторив более удачное выражение одного из великих: “Мать—Родина—Бог”²) заменил ему Интернет» [10. S. 12], — получает там свое имя Константин в соответствии с наречием, на котором тогда лепетал, и фамилию, приличествующую историческому моменту, — Войновский. Сведения о его жизни отрывочны и ненадежны, судьба тех, кто им интересуется, часто заканчивается трагически. В картотеке Интерната сохранилась следующая запись: «№ 447586. Пол: муж. Приблизительный возраст при поступлении: два полных года. Место обитания (биологическое): скорее всего регион, когда-то называвшийся Центральной Европой, приблизительно в месте пересечения Оrients и Окцидента. В пользу западного происхождения говорит цвет лица, отсутствие жировых складок, черты характера (тихий, самодостаточный). В пользу восточного — пористость кожи, волосяной покров. Череп не до конца сформирован, по конфигурации ближе к западному антропологическому образцу. Говорит мало, речь фонетически артикулирована, но не понятна. Повторяет два слова: ма-ма и оч-ка, смысл первого очевиден, второе, вероятно, тоже является названием родителя. Произношение согласных твердое, много шумных звуков» [10. S. 6]. Закончив курс обучения, Войновский, не желая подчиняться системе, «уходит в подполье», чтобы целиком отдаться единственному, с его точки зрения, стоящему делу — написать великую спасительную книгу об Идее; книгочей, он из «старых книг узнал о том, что любим Поступком должна двигать Идея» [10. S. 76], и тем самым вступает

² Речь идет об известном лозунге-призыве генерала Л. Рупника (1880—1946), в годы оккупации стоявшего во главе словенского домобранского движения.

в конфликт с планетарным правительством. Новая Инквизиция посредством своих тайных агентов, среди которых есть, например, Светлана Аллилуева, начинает охотиться за бунтарем. Работая над своей книгой, герой погружается в литературные миры и цивилизации, созданные человечеством на протяжении всей его истории, путешествует по пространству книг и текстов. В этом виртуальном мире он обнаруживает мифический объект – Золотой Шар, присланный на Землю инопланетянами, который может исполнить одно заветное желание всякого приблизившегося. Войновский, сам того не желая, тоже получает от Золотого Шара дар соблазнять и очаровывать женщин, потому что его бессознательным желанием была потребность быть любимым, а совсем не создание великой Идеи. Герою кажется, что Золотой Шар открывает перед человечеством путь к счастью, ибо в осуществлении сокровенных желаний и есть, по его мнению, путь к гармонии мировой цивилизации. Поэтому Войновский идет на сделку с Новой Инквизицией: она издаст его книгу на всех языках мира, а взамен получит Золотой Шар. Небольшая экспедиция в составе трех агентов Новой Инквизиции и Войновского с помощью механизма перемещения в виртуальное литературное пространство, изобретенного неким жителем Бруклина, попадает в измерение Шара. Истинная цель планетарного правительства – уничтожение магического объекта. В результате диверсии герой, заслонив Шар собой, погибает вместе со своей рукописью, а исполнители, не владеющие техникой перемещения в виртуальном пространстве, навсегда остаются блуждать по лабиринтам книг, став частью вымышленной художественной реальности.

Рефлексирующий Константин Войновский, по замыслу автора «Факелов и слез», должен восприниматься подготовленным читателем как пародия на известные литературные стереотипы «героев времени» классической словенской литературы (водящегося с нечистой силой скитальца и мстителя Мартинека Спака из романа Й. Юрчича «Десятый брат», сентиментального Милана из романа в письмах Й. Стритара «Зорин», провинциального идеалиста Мартина Качура из одноименного произведения И. Цанкара), может быть, даже шире – как карикатура на собирательный образ национального литературного героя.

Стилизация под научно-популярный текст, включение в повествование записей интервью, выдержек из полицейского досье и протоколов допроса, отчета тюремного надзирателя о распорядке дня заключенного, писем сочетается у Блатника с авторскими размышлениями о природе творчества, прямым комментарием художественных приемов, введением завуалированных цитат из литературных произведений, аллюзиями на эпизоды современной словенской общественно-политической жизни. В 2005 г. писатель переработал ряд эпизодов, убрав из романа некоторые намеки, значение которых потеряло актуальность, и осовременил мотив давления общества на человека в соответствии с новыми рыночными реалиями. Остроумен подход автора к «методической» составляющей «учебника»: вопросы на закрепление пройденного материала, которые помещены после каждой главы, содержат весьма креативные задания. Например, после девятой главы, в которой речь идет о судебном процессе, устроенном НИ над одним из первых биографов Войновского, доктором Армандом Клопкиным, осужденным на пожизненное заключение и сгинувшим в лагере «Заря Таймыра», учащимся предлагается самим инсценировать судебный процесс:

«Вопросы на закрепление

1. Дай краткое определение финала карьеры Клопкина.

2. Проанализируй заключительную речь государственного обвинителя.

3. Инсценируй действие с помощью одноклассников, знакомых и др., используй при этом приемы психодрамы! Распредели роли: обвинитель, защитник, подсудимый, судья.

4. Какая роль тебе больше понравилась? Объясни почему?» [10. S. 86].

Другим примером адаптации постмодернистского дискурса может служить роман «Изгоняющий дьявола» (1994) Т. Перчича. Отмеченный после публикации повышенным интересом критики, как только его не именовавшей, — и «историографической метафикцией» [11. S. 33], и «мистификацией» [12. S. 101], и «параноидальным романом» [13. S. 218], это произведение в целом подтверждает две известные аксиомы постмодернистской поэтики — о полной исчерпанности гуманизма и об исчезновении читателя. Одним из лейтмотивов романа, который присутствует и в его названии, является метафора тоталитаризма как всемирного зла: любая тоталитарная система, основанная на господстве одной идеологии (фашизм, коммунизм), и есть, по мысли Перчича, самый главный дьявол XX в. Историко-политический контекст минувшего столетия с его, с одной стороны, очевидными масштабными потрясениями, столкновениями идеологий, диктаторами (Гитлер, Сталин), с другой — тайнами и конспирологией (масонский заговор) становится одним из действующих лиц произведения. Композиционно произведение состоит из двух частей, в значительной степени автономных, сюжетно друг с другом не связанных, что позволило историку литературы Ф. Задравцу применить к нему определение «двойной роман» [14. S. 428]. В первой части, которую можно рассматривать и как введение, от первого лица рассказывается аллегорическая история о том, как человек становится элементом системы, неожиданно оказавшись в составе команды, которая преследует сбежавшего из лагеря заключенного. Эта «охота» на человека происходит в снежной пустыне, забытой Богом и людьми. Безымянный герой-рассказчик поначалу растерян, поиски кажутся ему бессмысленными, он хочет назад, в свой теплый дом, внутренне сопротивляется роли преследователя. Не имея возможности выйти из игры, он начинает чувствовать себя такой же жертвой, как беглец. В итоге все участники погони, кроме рассказчика, трагически погибают, а ему предстоит встреча с преступником один на один. История погони внезапно обрывается фразой: «Я проснулся...» [15. S. 107], из чего можно сделать вывод, что все произошедшее с героем было лишь сном. При этом описательное повествование временами прерывается внутренним монологом с элементами потока сознания. Смысл предлагаемой писателем аллегии в том, что любая тоталитарная система лишает человека индивидуальности, превращает его в механическое существо вне добра и зла и тем самым предоставляет прекрасный рабочий материал для всех Вождей, Государств, Церквей, Наций, Партий, желающих установить очередной новый порядок. Основная часть текста — это тюремные записки человека по имени Виктор (по жизни отнюдь не победителя), арестованного в 1947 г. на территории Югославии за подрывную деятельность против социалистического строя и шпионаж в пользу западных держав. По требованию офицера госбезопасности, следователя Косеца, заключенный должен письменно рассказать о своих преступлениях. В итоге в его рукописи автобиографические данные и дневниковые записи о текущих событиях перемежаются с воспоминаниями о прошлом, в этот повествовательный блок включены также комментарии следователя, который пытается манипулировать Виктором. Реминисценции героя разнообразны: это воспоминания о детстве, когда

мальчику пришлось жить без родителей у дяди в Триесте, о его перемещениях по странам Европы (Австрия, Германия, Франция) и знакомстве с людьми, явно имеющими отношение к спецслужбам, о женщинах, с которыми сводила судьба. Среди них немка Гретхен, сотрудничавшая при нацистах с гестапо, графиня из Киева Анна Григорьевна, раскрывшая герою глаза на то, что происходит в советской России и фашистской Германии, русская эмигрантка Лиза Ивановна, уверенная, что только масоны спасут мир от неминуемой политической катастрофы. Однако эти сведения не дают прямого ответа, участвовал ли сам герой в шпионской деятельности, и Косец принимает решение дать подследственному шанс, чтобы тот «на деле доказал, что может идти вперед, что покончил с империалистической кликой заговорщиков, которая посягает на нашу молодую Федеративную Социалистическую Республику» [15. S. 356], и отправляет его на принудительные работы в приусадебном хозяйстве. Там след героя теряется.

Автор сознательно размывает грань между вымыслом и реальностью, часто провокационно интерпретирует и общеизвестные (убийство Троцкого и участие в нем агентов ГПУ), и сомнительные (еврейское происхождение Гитлера) факты истории. На первый план при этом выходит вечный вопрос правды и лжи, ответ на который для автора имеет следующую формулировку: «Ложь — единственная надежная правда этого мира» [15. S. 358]. Истина — лишь объект манипуляций, все диктаторы, вожди и идеологи использовали ее в своих целях, создавая свою систему координат, свою реальность, следовательно и окружающий нас мир условен, его закономерности кто-то придумал и навязал человечеству. «Жонглируя» историей трагического XX в., Перчич предлагает читателю коктейль из фактов и полностью придуманных эпизодов, вводит в роман множество реальных и вымышленных исторических персонажей, широко использует прием интертекстуальности, «объективизирующий» ряд исторических свидетельств. Например, такой весьма специфический документ, как «Протоколы сионских мудрецов», представлен в виде отрывка из рукописи Э. Людендорфа³ на немецком языке. Налицо также прямые интертекстуальные связи с современной словенской прозой, в частности, как отмечает исследовательница В. Матайц, с произведениями выдающегося прозаика В. Зупана [16. S. 66]. В каком-то смысле «Изгоняющий дьявола» — первая ласточка словенской историографической метапрозы. Меньше всего Перчич думает об «удобстве» для читателя, стремясь с помощью гиперусложненной организации текста — нарочито неупорядоченного нарратива, смены повествователей, временных перебивок, разноязычия, потока сознания передать весь хаос существования человечества в XX в.

Словенскую литературу можно отнести к той категории европейских литератур, в которых постмодернизм вышел за рамки «чистой» литературной моды и оказал определенное влияние на литературный процесс. При этом, являясь, с одной стороны (как и модернизм), результатом реакции на идеологическую несвободу в период позднего тоталитаризма, а затем и на крушение социалистической системы, на словенской почве он стал своеобразным катализатором процессов универсализации, высвобождая национальное художественное сознание от ряда комплексов и стереотипов. Постмодернистское миро- и текстоощущение дало возможность «карнавализации (веселой относительности)

³Эрих Фридрих Вильгельм фон Людендорф (1865–1937), генерал пехоты, участник Первой мировой войны. Поддерживал НСДАП и лично А. Гитлера, автор ряда книг, в том числе антисемитской направленности.

восприятия национальной художественной классики» [17. С. 128] и тех клише, которые неизбежно приобретает любая литература в процессе своего функционирования. Впервые за всю национальную литературную историю иерархия архетипических художественных ценностей была подвергнута «оперативному вмешательству» и многие табу оказались сняты. При этом национальное своеобразие постмодернистских коллизий есть следствие эволюции самой словенской литературы, того пути, который она уже прошла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Зупан-Сосич А.* «Новая эмоциональность» словенской литературы // Вестник Европы. 2014. № XXXVII: URL: <http://www.vestnik-evropy.ru/issues/new-emotion-slovenian-literature.html>
Дата обращения: 21.03.2019.
2. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
3. *Вирк Т.* «Политический» постмодернизм в прозе некоторых славянских литератур // Славяноведение. 2006. № 6.
4. *Старикова Н. Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018.
5. *Кос М.* Поэзия 1990-х годов // Словенская литература XX века. М., 2014.
6. *Энштейн М. Н.* Прото-, или Конец постмодернизма // Знамя. 1996. № 3.
7. *Pantič M.* Aleksandrijski sindrom. Beograd, 1987.
8. *Virk T.* Tekst in kontekst. Ljubljana. 1997.
9. *Juvan M.* Iz 80. v 90. leta: Slovenska literatura, postmodernizem, postkomunizem in nacionalna država // Jezik in slovstvo. 1994–1995. № 1–2.
10. *Blatnik A.* Plamenice in solze. Ljubljana, 1987.
11. *Bogataj M.* Tone Perčič: Izganjalec hudiča // Prebrano, preценjeno. Ljubljana, 2004.
12. *Matajc V.* Tone Perčič: Izganjalec hudiča // Literatura. 1994. Let. 6. Št. 40.
13. *Virk T.* Strah pred naivnostjo: poetika postmodernistične proze. Ljubljana, 2000.
14. *Zadravec F.* Stvarni roman *Izganjalec hudiča* // Slavistična revija. 1995. № 43.
15. *Perčič T.* Izganjalec hudiča. Ljubljana, 1994.
16. *Matajc V.* Tone Perčič: Izganjalec hudiča // Osvetljave: kritiški pogledi na slovenski roman v devetdesetih. Ljubljana, 2000.
17. *Старикова Н. Н.* Парадигма постмодернизма в словенской литературе (поэзия и проза 1970–1990-х гг.) // Постмодернизм в славянских литературах. М., 2004.

МАКЕДОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ В ЛАБИРИНТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА

© 2019 г. А.Г. Шешкен

Д-р филол. наук, профессор МГУ

E-mail: asheshken@yandex.ru

В статье анализируется направление постмодернизма в македонской литературе от зарождения в середине 1960-х годов до первых попыток опровержения важных постулатов его поэтики в 2000-е годы. Национальная специфика постмодернистской прозы и драмы проявилась в трактовке фольклорных мотивов и исторических сюжетов, аллюзиях на важные события современной жизни.

The article analyses the direction of Postmodernism in Macedonian literature from its dawn in the middle of the 1960s to the first attempts to deny the basic postulates of its poetics in the 2000s. National specifics of postmodern prose and drama is manifested in the interpretation of folklore motives and historical plots, as well as allusions on important events of modern life.

Ключевые слова: македонская литература, постмодернистская проза и драма, фольклорные мотивы в литературе, постмодернистский исторический роман.

Keywords: Macedonian literature, postmodernist prose and drama, folklore motives in literature, postmodern historical novel

DOI: 10.31857/S0869544X0005442-9

Первые опыты постмодернистской прозы стали появляться в македонской литературе в конце 1960-х годов. В начале 1980-х постмодернизм оформился как литературное направление, на протяжении 1990-х и в начале 2000-х годов его роль в национальном художественном процессе была весьма значительной, затем она стала ослабевать, хотя говорить о том, что «эпоха постмодернизма» закончилась, не приходится до сих пор. Эпохальные события истории конца XX – начала XXI в. (распад Югославии и образование Македонии как самостоятельного государства в 1991 г., межэтнические конфликты, смена социального строя) и художественный контекст, в котором македонская литература развивалась, определили национальную специфику постмодернизма (как и культуры в целом), отразились на творческой эволюции художников слова, в значительной мере повлияли на тематику и проблематику их произведений. Авторами постмодернистской прозы и драмы были в основном профессиональные филологи, чувствительные к поискам мирового искусства слова. Для них «литературность» мировосприятия («мир как текст»), лабиринт библиотеки, способность по разным поводам цитировать произведения национальной и мировой литературы

(нередко их пародируя) являются частью внутреннего мира и профессиональной жизни. Они адресуют свои произведения образованному читателю, с которым можно вести увлекательную интеллектуальную игру.

Как показали исследования отечественных ученых («Постмодернизм в славянских литературах». М., 2004), переломная эпоха во многом определила специфику славянского постмодернизма. Существует, однако, точка зрения, утверждающая, что «никакого “национального” постмодернизма нет и существовать не может» [1. С. 106]. Такое мнение основывается на универсальности постмодернистского сознания, его «непривязанности» к конкретной национальной культуре, известной «космополитичности». Не будем, однако, забывать, что главным признаком принадлежности произведения к конкретной национальной литературе является язык. Этот критерий не всегда существенен для современных западноевропейских и американских литератур (английский, немецкий, французский, испанский языки используются в литературах разных стран), но очень важен для славянских. Для македонской литературы, которая вплоть до 1945 г. не имела возможности развиваться на национальном языке, затем в короткий срок достигла художественной зрелости [2], фактор языка имеет особое значение. Кроме того, писатели (не только македонские) не смогли укрыться «в библиотеке» от потрясений реальной жизни, отражение которых тоже придает национальную окраску их творчеству. Постмодернистский хаос, нестрашный в «тексте» и философии, где он «утверждал плюралистичность мировосприятия» [3. С. 42], в реальной жизни обернулся человеческими драмами и трагедиями, неизбежными спутниками эпохи социальной ломки.

Постмодернизм в македонской литературе зародился и развивался в контексте литератур Югославии, многонационального государства, частью которого полвека была Македония (1945–1991). В середине 1960-х годов начал публиковать рассказы М. Маджунков – один из первых борхесианцев македонской литературы. Именно Х.Л. Борхеса известный македонский ученый М. Гюрчинов образно назвал «литературным отцом» македонского постмодернизма [4. С. 444]. В это же время постмодернистские черты обнаруживаются в романе Владо Урошевича «Вкус персиков» («Вкусот на праските», 1965), на что указал македонский исследователь и автор постмодернистских текстов В. Андоновский в статье под характерным названием «Постмодернистские персики» [5].

В силу ряда объективных и субъективных обстоятельств македонский постмодернизм складывался в непосредственном контакте с сербским. М. Маджунков учился и долгие годы жил в Белграде. Он тесно сотрудничал с журналами «Књижевна реч», «Видици», «Студент», где одной из главных фигур был Д. Киш¹, писатель, с творчеством которого сербская критика связывает возникновение постмодернизма в сербской литературе [6]. Д. Киш поддержал начинающего автора и стал печатать его новеллистику. Ранние рассказы Маджункова были объединены в сборнике «Убей говорящего пса» («Убиј говорљивог пса». Белград, 1973), отмеченном престижной премией имени Исидоры Секулич (1973). В следующем году сборник был издан на македонском языке («Убиј го зборливото куче», 1974). Восприятие реальности в качестве художественного текста, который можно по-разному организовывать, перестраивать, трактовать, присуще ряду рассказов Маджункова («Чистка», «Рыба», «Убей говорящего пса», «Кукла», «Женщина», «Акулы» и др.). Исследователи не сразу

¹ Кроме Д. Киша с его романом «Сад, пепел» (1965) основоположниками сербского постмодернизма считаются Б. Пекич («Время чуда», 1965) и М. Ковач («Моя сестра Элида», 1965).

связали художественные поиски писателя с постмодернизмом, но отметили в прозе молодого автора склонность к подчеркнутой условности изображаемого и создание «причудливого мира, видимого и невидимого, внешнего и внутрененного, реального и фантастического» [7. С. 184].

В начале 1980-х годов постмодернистский взгляд на литературу был заявлен в программных публикациях [8]. Молодые поэты Л. Димитровский (1953), М. Линдро (1952), критик Д. Коцевский (1947) выступили с манифестом «На шаг от слова» («На чекор од говорот», 1980). Манифест содержал прямую отсылку к суждениям Р. Барта, высказанным в его известном эссе «S/Z» (1970) об интертекстуальности. В духе всепроникающей постмодернистской иронии македонские литераторы пародируют сам жанр литературного «манифеста», прибегая при этом к остроумной находке. Самым известным был в те годы не литературный манифест, а «Коммунистический манифест» К. Маркса и Ф. Энгельса. Стиль и фразы именно этого «текста», как и других канонических для марксизма работ, дерзко, с молодым задором (марксизм еще оставался государственной идеологией) пародируют македонские писатели: «Теоретики и поэты до сих пор лишь по-разному трактовали поэзию. Задача – деконструировать ее. Корни исчерпанности и пресыщенности поэзии мы видим главным образом в перенасыщенной поэтизации, в основе которой – лиричность, метафоричность, образность»² [9. С. 625]. Очевиден также полемический выпад против поэтической программы предшественников – манифеста «Эпическое – на голосование» («Епското на гласање», 1960), где развитие поэзии связывалось именно с усложнением поэтического языка. Взамен предлагается новое понимание творчества, в соответствии с которым лирика генерируется как поэтический аналог «генеративной грамматики», а вместо вдохновения вводится «научная лаборатория» [9. С. 625]. Во многом программный характер имеет также, по мнению национальной критики, дневниковая проза «одного из родоначальников македонского постмодернизма» [10. С. 30] А. Прокопиева «Антиинструкция для личного пользования» («Антиупатства за лична употреба», 1981), содержащая многочисленные, часто иронические суждения автора на тему литературы и искусства.

На протяжении 1980-х годов постмодернизм завоевывает все более заметные позиции, его начинает исследовать критика. М. Гюрчинов в вышеупомянутой автобиографической книге «Постижение действительности», рассуждая о литературном процессе 1980-х годов, отметил это новое явление и дал его краткую характеристику. Он подчеркивает, что появился ряд молодых авторов («в основном городские жители»), явно выделявшихся стремлением «идти в ногу со временем, а это означало: культивирование мультимедиальности, поиски взаимодействия с фильмом, комиксом, фотографией, рок-музыкой, телевидением, с целью добиться радикальной деканонизации новеллистики, жанра, в котором они чаще всего реализовывались (Драги Михайловский, Ядранка Власова, особенно Александр Прокопиев). Они стремились осуществить на македонской литературной почве идеи Борхеса, интертекстуальность и мультителлектуальность их великого учителя, при выраженном желании отойти от преувеличенной литературности, провозглашенной модернизмом, и создать новые литературные миры при помощи “новой фрагментации”, в которой собственная идентификация сравнима с “осколками стекла, рассыпанными на

² Пародируется известный тезис К. Маркса из «Тезисов о Фейербахе»: «Философы лишь различным образом объясняли мир; но дело заключается в том, чтобы изменить его». Эта фраза высечена на памятнике К. Марксу, установленном на его могиле.

тротуаре» [4. С. 444]. Наиболее последовательно и систематически представляла произведения молодых авторов их единомышленник, критик и литературовед-компаративист Элизабета Шелева. Ей принадлежит одна из первых аналитических статей о македонском постмодернизме «Рассказ под сенью библиотеки (взгляд на македонскую прозу восьмидесятых годов)» (1990) [11].

Рассказы и романы 1980–1990-х годов А. Прокопиева, Я. Владовой, Д. Дурацовского, В. Андоновского, С. Мицковича, Т. Урошевич, драмы В. Андоновского, Д. Дуковского, поэзия К. Кюлавковой, В. Смилевского, М. Линдро и других авторов имеет ряд характерных для литературы постмодернизма особенностей. Мир воспринимается ими как некий текст, автор которого скрыт под маской «скриптора», снимающего с себя ответственность за идейное и художественное содержание произведения и сводящего свою роль к простому воспроизведению, т.е. пересказыванию. Образованному читателю, в первую очередь филологу, «переписчики» знакомы по памятникам средневековой литературы, когда понятие авторства еще не сформировалось. У современных же «скрипторов» это часть мистификации читателя.

Писатели наполняют собственное повествование цитатами, ироническими отсылками к шедеврам мировой литературы и классическим текстам македонских авторов. Ярким примером является лирика 1980-х годов К. Кюлавковой (сборники «Наш согласный», 1981; «Новый путь», 1984). Ее поэзия предполагает читателя, способного ориентироваться в литературном лабиринте. Одно из ее стихотворений составлено из названий произведений классиков литературы XIX–XX вв.: «Дай ему любые книги, которые ты любишь// в поисках утраченного времени// посторонний// дервиш и смерть, дурная кровь// мастер и Маргарита // Господа Глембаи// Проклятый двор, преступление и наказание// Дон Кихот, процесс //маленький принц // госпожа Деловой// волшебная гора // туннель, улисс// сто лет одиночества// война и мир// цветы зла...». Стихотворение Кюлавковой «Незнакомцу» («На непознатиот») тоже предполагает свой интертекстуальный ряд, направляя память читателя от А. Блока («Незнакомка») к его македонскому переводчику и знатоку, выдающемуся поэту Б. Конескому («Незнакомке»). Поэтесса рассчитывает, что она будет понята, а прием оценен.

Двуязычная «Антология македонского постмодернистского рассказа» («Антологијата на македонскиот постмодернистички расказ», 1990; на македонском и английском языках) была первой попыткой очертить границы этого течения в национальной литературе. Составитель С. Цветановский включил в антологию рассказы пятнадцати писателей, которые в 1980-е годы составляли костяк постмодернистского направления в македонской литературе (М. Маджунков, В. Манчев, Д. Михайловский, Д. Дурацовский, А. Прокопиев, Я. Владова, А. Климан, Б. Миневский, В. Андоновский и др.). В рассказах можно выделить характерные для постмодернистской прозы черты, мотивы и приемы. В понимании включенных в антологию авторов, литература не должна нести никакого рационального смысла, не должна иметь познавательного и воспитательного значения. Македонские писатели-постмодернисты играют с читателем, предлагая собственное видение реальности и исторического прошлого, отвергают устоявшуюся иерархию ценностей, исходя из постмодернистского постулата об относительности истины. Их понимание жизни отражает «специфическую философию культурного сознания современности». Окружающий мир, «действительность», для них — это отнюдь не материальная реальность,

«данная нам в ощущениях»³, как учила марксистская философия, а, говоря словами известного российского исследователя постмодернизма Ильи Ильина, «представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к радикальному изменению самого представления. Таким образом, восприятие объявляется обреченным на “мультиперспективизм”, на постоянно и калейдоскопически меняющийся ряд ракурсов действительности, в своем мелькании не дающих познать ее сущность» [12. С. 111]. Действительность становится чем-то эфемерным и подменяется реальностью текста.

Так, А. Климан выбирает для своих рассказов, на первый взгляд, довольно простые сюжеты, но обманывает ожидание читателя, вовлекая его в затейливую игру («Колумбово яйцо» и «Шмель Балдо») и посвящая в процесс написания текста. Писатель широко пользуется элементами редакторской работы над рукописью, выделяет отдельные слова жирным шрифтом, обращая тем самым на них особое внимание, впрочем без особого смысла. Таким образом, автор не столько сосредоточен на сюжете, сколько на самом «тексте», предлагает читателю как бы участвовать в его доработке.

Рассказ Д. Дурацовского «Химическая свадьба» («Хемиска свадба») имеет в основе один из самых распространенных в постмодернистской традиции мотивов – мотив потерянной/найденной рукописи и связанные с этим загадки. Так, два друга обсуждают в переписке случайно обнаруженную в библиотеке на Афоне древнюю рукопись, «похожую на роман». С текстом происходят непонятные вещи. Он демонстрирует странную связь с обсуждением его содержания, чтобы в конце фантастическим образом исчезнуть.

Обращает на себя внимание и склонность авторов, чьи произведения включены в антологию, к необычной трактовке известных мифов и архетипических для мирового искусства образов. А. Прокопиев обращается к мифу о Минотавре, предлагая трактовку лабиринта как библиотеки, книгохранилища с бесконечными рядами книжных полок, в котором нетрудно потеряться (прекличка с Х.Л. Борхесом и У. Эко). В основе рассказов Прокопиева «Минотавр ждёт» («Минотаврот чека») и «Блюз для старого доброго святого, или Теория относительности в житиях святых» («Блюз за милиот ислужен светец») создается причудливая реальность, пронизанная не только известными мифами и легендами, но и особым ироническим отношением к жизни вообще.

В рассказе Т. Крстеского «Убийство зайца» («Тепанье на див зајак») ярко проявляется фольклорное начало, что, как стало ясно позднее, является одной из характерных для македонского постмодернизма черт. В основе рассказа лежит сказочный сюжет, который писатель переносит в современную действительность. В результате обычная поездка трех друзей за грибами (а не на охоту, как можно ожидать из названия) приводит их в сказочный мир, знакомые места оказываются ловушкой, заманившей их в мир колдовства, населенный ведьмами, колдунами, спасти от чар которых помогают волшебные помощники.

В 1990-е годы постмодернистский ироничный взгляд на культурное и литературное наследие нашел отражение в романе и драме. В них часто имеет место дегероизация величественных персонажей античных мифов, происходит демифологизация известных сюжетов. Героического ореола и идеализации

³ Это известное определение материи В.И. Ленина, как и другие классические формулы марксистской философии, нередко авторами пародируются.

лишается, в частности, один из самых популярных персонажей – Одиссей. При этом македонские авторы переключаются не с культовым романом XX в. «Улисс» Д. Джойса (пародировал эпопею Гомера), а с Х.Л. Борхесом, который, как известно, неоднократно высказывался об универсальности «Одиссеи» и предлагал возможные варианты ее переосмысления.

О дегероизации этого мифа в современной литературе Прокопиев высказался в статье «Пост-Одиссей больше не странствует» [13]. В романе Д. Коцевского «Одиссей» (1991) со свойственной постмодернизму свободой предлагается отличная от мифа трактовка событий. Писатель строит конфликт романа на мотиве ревности героя, усомнившегося в верности супруги, что стало причиной расправы с женихами. Переосмыслению подвергся и образ Пенелопы, которая предстает независимой современной женщиной, готовой взбунтоваться против мужа и покинуть Итаку. В семье возникает конфликт. Три главных героя (Одиссей, Пенелопа и Телемах), каждый по-своему, пытаются разобраться в ситуации и дать оценку жестокого убийства женихов. Постепенно вырисовывается образ Одиссея, мало напоминающий античного героя. У Коцевского он терпит крах, наказан судьбой, его корабли сожжены, а народ отказывается ему подчиняться [14]. Можно добавить, что современная македонская женская поэзия подхватила эту версию, со всей решительностью становясь на сторону супруги героя.

Одним из самых популярных античных сюжетов стал у македонских писателей миф об Александре Македонском. Хотя македонские славяне не имеют никакого отношения к древним македонянам, образ великого полководца давно органично присутствует в македонской культуре. Традиция уходит корнями в средневековую литературу, когда роман «Александрита» был хорошо известен на Балканах. Южные славяне (и не только) в XVII–XIX вв. не сомневались в славянском происхождении Александра Македонского (И. Гундулич, П.П. Негош), а в последней четверти XIX в. миф о нем стал частью формирования национального самосознания македонцев (Г. Пулевский «Македонская Александрита», 1892). На фоне активного использования имени Александра Великого в формировании современной македонской политической мифологии интерес к легендарному герою античности заметно возрос, что отразилось и в литературе.

Образ Александра Македонского встречается в новеллистике В. Андоновского – «Вместилище души» («Одаја за душата») и В. Манчева – «Дороги» («Патишта»). Одним из самых известных в Македонии романов об Александре стал роман С. Мицковича «Александр и смерть» («Александр и смртта», 1992), где в центре внимания оказывается загадка места захоронения античного героя. Повествование ведется от имени друга и оруженосца Александра Архидея, который выступает «скриптором». Он пишет письмо Аристотелю, учителю Александра, рассказывая о последних днях императора, конфликтах в близком окружении царя, событиях после его смерти. Именно оруженосец заботится о ритуале погребения и мумификации, чтобы Александр обрел бессмертие, тогда как недавние соратники заняты разделом огромной империи и забыли о покойнике. Романная версия Мицковича оперирует известными историческими фактами, но в целом базируется на вымысле. В центре внимания оказывается проблема власти, памяти и забвения. Автор пытается понять, что по-настоящему влияет на сохранение той или иной личности в истории, возможна ли вообще объективная оценка исторических личностей и их деяний. Мицкович исподволь подводит читателя к мысли о том, что это недостижимо,

так как в реальной жизни происходит масса, на первый взгляд, мелких и незначительных событий, которые история не фиксирует, а именно они зачастую важны для полной и непредвзятой оценки конкретной личности. Нельзя исключить аллюзий с современной историей, которые этот роман вызывает. В частности с фигурой И.Б. Тито (1893–1980), разоблачению культа личности которого в 1980–1990-е годы уделялось много внимания.

Такие произведения очень условно можно отнести к исторической прозе. Авторы ставят важный акцент на относительности исторического знания и предлагают порой неожиданные трактовки событий прошлого и поведения исторических персонажей. При этом писателей совершенно не заботит, насколько их суждения и предложенные исторические коллизии подкреплены фактами. Для них в первую очередь важно заинтересовать читателя, заставить его активизировать имеющиеся знания, оживить в памяти ранее прочитанное, обратиться к справочным изданиям — одним словом, как можно больше заинтриговать. В целом эта стратегия обеспечила успех многим произведениям и их авторам.

К середине 1990-х годов в македонской литературе постмодернизм становится одним из ведущих направлений. В антологии македонского рассказа, охватывающей историю развития новеллистики за полвека, составленной поэтом и ученым К. Кюлавковой «Тайная комната: македонский рассказ XX век» («Тajна одаја: Антологија на македонскиот расказ на XX век», 2000), постмодернистский рассказ выделен в особый раздел. Это подчеркивает значимость постмодернизма для современной прозы.

Накопленный македонским постмодернизмом опыт позволил выделить некоторые характерные для него черты. Он предложил свой постмодернистский вариант исторического прошлого и истории национальной культуры, не утратил связь с фольклором и откликнулся на радикальные изменения жизни в 1990-е годы.

История македонских земель стала источником сюжетов для Б. Миневского, новеллистика которого опубликована в сборнике под названием «Ледяной глаз» («Ледно око», 1996). Рассказы объединяет мотив археологических раскопок, что позволило удачно использовать прием палимпсеста — обнаружить наслоения, позволяющие проникнуть в тайны минувшего. Писатель дополняет прием палимпсеста мотивом лабиринта, ибо в изучении прошлого так же легко потеряться, как в лабиринте. Замена автора скриптором мотивирована необходимостью вести записи о том, как идут раскопки. Археологи ищут загадочный «ледяной глаз», обладающий магической силой, принадлежность которого приписывается разным личностям: Александру Македонскому, царю Самуилу (конец X — начало XI в.), средневековому властителю, ставшему легендарным героем народного эпоса, Марко Королевичу. Таким образом, сочетаются разные эпохи — античность, Средние века (память о Самуиле хранит древняя крепость Охрида) и османское завоевание, когда Марко Крале из Прилепа (город в Македонии) был грозой турок. Сам скриптор не склонен верить в реальность существования «ледяного глаза», его интересуют артефакты, которые, однако, по большей части являются мистификацией. Миневский рассказывает об интересных находках и приводит связанные с ними легенды и поверья. Таким образом, исторические или псевдоисторические сюжеты объединяются с фольклорными мотивами, стирая грань между историей и мифом. В сборнике Миневского упоминаются легендарные личности, так или иначе связанные с территорией Македонии, и широко используются известные в македонском фольклоре мотивы, в том числе рассказывающие истории о возвращении македонцев на родину после работы на чужбине (мотив «печалбарства»), о любовных отношениях девушки и орла

(«Орел и Агния» («Орелот и Агнија»)), мотив ухода девушки в монастырь ради спасения от гибели жениха, брата или отца и др.

Яркой иллюстрацией эволюции постмодернизма может служить творчество В. Андоновского. В пьесе «Кандид в стране чудес» (1998–1999) писатель обратился к трактовке повести Вольтера «Кандид или оптимизм» — одного из значимых для эпохи Просвещения произведений. В центре внимания современного автора оказалась проблема исторического оптимизма — одного из важнейших постулатов марксистской идеологии. Оптимистическое видение истории в 1990-е годы в обстановке хаоса, войн и межэтнических конфликтов на Балканах перестало казаться убедительным, исчезла вера в возможность создания общества социальной справедливости, историческое развитие утратило перспективу. Логика истории оборачивается абсурдом и утратой веры в человека, силу его разума и сердца. Игра со зрителем и читателем начинается с эпиграфа, «официальной благодарности [...] друзьям моей семьи Вольтеру, Маркесу, Достоевскому и Экзюпери, которые вместе со мной писали эту пьесу, исправляли, вычеркивали, критиковали и искренне меня поддерживали в реализации моего замысла» [15. С. 7]. Если основа сюжета и главные действующие лица заимствованы у Вольтера (Кандид, Кинегонда (в русском варианте Кинегунда), Панглос, Какамбо), Достоевский и его герои упоминаются в тексте («Этот маньяк пришел [...] Начал называть меня Лизой, упоминал каких-то чертей и какого-то Достоевского» [15. С. 83]), есть фразы, адресующие к Маркесу, то упоминание Экзюпери является мистификацией. Зато на Льюиса Кэрролла красноречиво указывает название и место действия пьесы, происходящее «в стране чудес», под которой подразумевается Македония. В пьесе пародируется возможность рациональной организации мира. Так, адвокату «древнему греку Панглосу из Прилепа» удалось доказать непричастность Кандида к государственной измене и изнасилованию, но пришлось признать проезд на красный цвет, за что героя приговаривают к смерти. Путем использования метатекста («Думаю, что он постмодернист, говорит как из какой-то книги. А вы знаете, что логика против постмодернизма, ведь постмодерн — логическая контрреволюция» [15. С. 83]) утверждается, что к самому большому абсурду приводят именно последовательные логические рассуждения.

Поиски точки опоры наметились в пьесе «Славянский ковчег» (1998), где спасение видится в возвращении народу самоуважения и осознания ценности национальной культуры: «Если бы могли, вы бы изгадили гробы предков, лишь бы Запад сказал, что это искусство. А по сути вы создаете дешевку. Вместо того, чтобы рисовать фрески. Знаете ли, что бы сделал Запад, если бы имел ваши фрески? Наплевал бы на свои несчастные авангарды, трансавангарды и постмодерны» [15. С. 214].

Еще более убедительно мысль о значительном вкладе славян в мировую культуру звучит в романах Андоновского, сюжеты которых основываются на мотивах создания славянской азбуки, детельности солунских братьев и их учеников Климента и Наума Охридских, «Азбука для непослушных» (1994) и «Пуп земли» (2001). Действие романа «Азбука для непослушных» сосредоточено вокруг создания славянского алфавита. Андоновский в постмодернистском ключе обыгрывает известные в палеославистике дискуссии и том, какая азбука на самом деле была создана Кириллом и Мефодием, глаголица или кириллица. Автор придерживается точки зрения (она в современной науке преобладает), что это была глаголица и македонские славяне сыграли большую роль в распространении письменности. Он опирается на научные факты.

Установлено, что глаголические тексты были распространены на территории Македонии, куда пришли ученики солунских братьев Климент и Наум Охридские. В окрестностях Охрида был широко распространен культ седьмочисленников, о чем свидетельствуют многочисленные фрески просветителей, причисленных к лику святых. Считается, что Охридская книжная школа изначально была глаголической. В романе «Азбука для непослушных» прихотливо переплетены сюжеты из Библии, сведения об истории создания славянской азбуки и мотивы из египетской и древнееврейской мифологии.

Роман «Пуп земли» также строится с использованием мотивов деятельности славянских просветителей. Герой повествования Илларион Сказитель, живший во времена создания славянской азбуки, в IX в., пытается разгадать древнюю надпись, постичь смысл букв и силу слова, узнать, где находится Пуп Земли, откуда берет начало древнее письмо. Вторая часть романа пародирует «высокое» содержание первой. Если Илларион Лествичник стремился к совершенству и постижению божественных тайн, то герой, живущий в наше время, показывает на лестнице цирковые трюки и пытается писать стихи. Впрочем, во все времена неординарный человек, наделенный чувствительной душой, трагичен, считает Андоновский.

В 1990-е годы, когда македонская критика обращается к систематическому изучению постмодернизма в национальной литературе [16], это направление начинает проявлять первые признаки «усталости». Ощущается утрата новизны и определенная исчерпанность постмодернистской модели повествования. Так, в рассказе М. Манчевского «Потолок» («Таван», включен в антологию «Тайная комната») интерпретируется известный мотив росписи Сикстинской капеллы Микеланджело. Мотив отношений великого мастера эпохи Ренессанса и римских пап традиционно интерпретируется как пример сложного взаимодействия художника и власти. У Манчевского тема отношений между Микеланджело и заказчиком росписи потолка Папой Юлианом II постепенно отходит на второй план, сменяясь размышлениями Микеланджело над искусством и его глубинным смыслом. Капелла постепенно забирает у художника силы и зрение, и он приходит к выводу, что искусство — это не игра, искусство — это страдание. Подлинное искусство требует от художника всего себя, оно не может быть игрой, красота вечна, и только она способна возвышать человеческую душу. Таким образом, Манчевский, на первый взгляд, пишет рассказ в духе посмодернистской поэтики, а по сути полемически высказывается против одного из основополагающих принципов постмодернистского восприятия творчества как игры. Если принять во внимание то, что живучесть постмодернизма теоретики этого течения связывают в значительной степени с вечным стремлением человека к игре, а интеллектуалов к интеллектуальным играм, то подобная трактовка может считаться принципиальной.

В 2000-е годы появился целый ряд произведений, художественное содержание которых показывает переосмысление литературой категорий посмодернистской поэтики. Одним из самых ярких примеров можно считать роман Тани Урошевич «Аквамарин» (2004). На первый взгляд, это постмодернистский роман, в котором главный герой — преподаватель классической филологии, который пытается проникнуть в полную тайн историю жизненного пути своего отца. Ассоциативная связь с «Одиссеей» весьма прозрачна: герой оказывается недалеко от Итаки, посетить которую зазывает яхта под названием «Итака», одну из героинь зовут Навсика, которая, как Навсикая у Гомера, является спасительницей терпящего жизненное бедствие человека. Можно было бы добавить, что преданная Пенелопа (мать героя) была покинута своим мужем. Однако интерпретация известного сюжета отнюдь не игра, история семьи несет отпечаток сурового времени. Она

приобретает глубокий смысл и трагический оттенок, так как речь идет о тяжелой судьбе белого русского офицера, осевшего в числе многих русских беженцев в 1920-е годы в Македонии. Человек, вырванный из привычного мира, его страдания и неодолимая тоска по родному краю, глубокие переживания взрослого сына, который всю жизнь пытался узнать о судьбе пропавшего отца, — за всем этим не вымышленная, а реальная драма человека XX в. Для Т. Урошевич, отец которой был русским, это глубоко выстраданная тема. Действие романа происходит накануне распада Югославии. Неизбежность новых социальных потрясений и кровавых межнациональных конфликтов предчувствуют многие герои повествования. Таким образом, проводится параллель между революционными событиями в России, бедами, обрушившимися на миллионы людей, и тем сложным временем, которое пережила Македония в конце XX в.

Есть и более яркие примеры неприятия посмодернизма. Владо Урошевич в романе «Невеста змея» («Невестата на змејот», 2009) пародирует постмодернистскую прозу, в частности, игру с литературной традицией и такой излюбленный прием, как палимпсест.

Таким образом, можно заключить, что постмодернизм как литературное направление имеет важную роль в развитии македонской литературы. Он обогатил национальное искусство слова в жанровом и стилистическом отношении. В то же время целый ряд авторов в начале 2000-х годов ощущают потребность в обновлении, обращаются к новым темам и проблемам, устремляясь к поискам новых моделей творчества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Попов Д. А.* Специфика национального постмодерна: миф и реальность // История и историческая память. Саратов, 2015. № 11.
2. *Шешкен А. Г.* Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие. М., 2007.
3. *Скоропанова И. С.* Русская постмодернистская литература. М., 2000.
4. *Ѓурчинов М.* Освојување не реалноста. Скопје, 2000.
5. *Андоновски В.* Постмодерни праски // Стожер. Скопје, 1998. № 23–24.
6. *Јерков А.* Антологија српске прозе постмодерног доба. Саст., предговор А. Јерков. Београд, 1992.
7. *Георгиевски Х.* Поетика на македонскиот расказ. Скопје, 1985.
8. *Донев Д., Белчев Т., Стефанова Д.* Постмодернистички стратегии в македонската модерна и постмодерна поезија // Универзитет «Гоце Делчев» Штип. Филолошки факултет. Годишен зборник. 2017. Кн. 8; *Мојсјева-Гушева Ј.* Постмодернизмот во македонската проза. // Електронско списание LiterNet. 01.08.2005, № 8 (69).
9. *Друговац М.* Историја на македонската литература. XX век. Скопје, 1990.
10. *Шелева Е.* Хетеротопии на писмото. Скопје, 2014.
11. *Шелева Е.* Расказот под закрила на библиотеката (поглед на македонската проза на осумдесетите) // *Шелева Е.* Компаративна поетика. Скопје, 1996.
12. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998.
13. *Прокопиев А.* Пост-Одисей не патува веќе // *Прокопиев А.* Постмодерен Вавилон. Скопје, 2000.
14. *Проскурнина М. Б.* Постмодернистские черты в македонском романе 1980–1990-х гг. (На примере романов Т. Крстеского «Белая Митра» и Д. Коцевского «Одиссей») // Литературы Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. Прерывность – непрерывность литературного процесса. М., 2002.
15. *Андоновски В.* Пет драми. Скопје, 2001.
16. *Шелева Е.* Компаративна поетика (постмодернизмот во македонската фикција/новела). Скопје, 1996; *Шелева Е.* Од дијалогизмот до интертекстуалноста. Скопје, 2000.

СТАРΟΣЛАВЯНСКАЯ СУФФИКСАЦИЯ КАК КОМПЕНСАЦИЯ ГРЕЧЕСКОГО АРТИКЛЯ

© 2019 г. В.С. Ефимова

Д-р филол. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

E-mail: valeriefimova@yandex.ru

В статье излагается гипотеза об одном из видов компенсации в старославянском языке греческого артикля. В греческих текстах Св. Писания и другой раннехристианской литературы распространены номинации адъективами, субстантивированными посредством артикля. В славянском грамматическом строе артикль как таковой отсутствовал. Использование существительного с характерным частеречным суффиксом для перевода на старославянский язык греческого субстантивно употребленного адъектива сообщало с определенностью, что слово номинирует предмет (в широком смысле), и суффиксация заменяла таким образом греческий артикль.

The article presents the hypothesis about one of the types of compensation of the Greek article in Old Church Slavonic. In the Greek texts of the Scriptures and other early Christian literature, nominations by adjectives substantivized by means of the article are widespread. In the Slavic grammatical structure the article as such was absent. The application of a noun with a distinctive part-speech suffix for the translation of the Greek substantively used adjectives into the Old Church Slavonic reported with certainty that the word nominates the subject (in the largest sense of the word), and thus the suffixation compensated the Greek article.

Ключевые слова: старославянский язык, суффиксация, субстантивация, греческий артикль.

Keywords: Old Church Slavonic, suffixation, substantivization, the Greek article.

DOI: 10.31857/S0869544X0005432-8

Греческий и славянский языки времени первых кирилло-мефодиевских переводов типологически были довольно близки во многих отношениях. Для обсуждения вопроса, поднимаемого в данной статье, важна их близость в сфере суффиксации и в субстантивном употреблении адъективов. Среди различий — наличие в греческом так называемого артикля в отсутствие такового в славянском.

В греческих оригиналах старославянских текстов распространены номинации субстантивно употребленными адъективами. Не приходится сомневаться, что такая черта греческих текстов Св. Писания и другой раннехристианской литературы во многом была обусловлена существованием в греческом языке артикля. Функции артикля в греческом языке рассматриваемой эпохи обычно связывают так или

иначе с выражением категории определенности/неопределенности. Проведенное в свое время Н.И. Толстым тщательное исследование обстоятельств употребления полных и кратких форм старославянских прилагательных на материале евангельских текстов подтвердило предположение, высказывавшееся палеославистами начиная с XIX в., что «компенсацией» этой функции греческого артикля при переводе на старославянский являлось употребление полных форм, так как использованием полной формы выражалась определенность [1]¹. Но также одной из основных функций греческого артикля являлась функция субстантивизатора — не только адъективов, но также инфинитивов, несколькословных номинаций и даже целых предложений [2; 3]. С точки зрения теории номинации важно, что в греческом языке употребление артикля с адъективом превращало последний в субстантив².

Субстантивное употребление адъективов в византийском греческом оказалось близким к одному из способов номинации в славянской народной речи: почти любое славянское прилагательное, способное обозначать характерный и постоянный признак предмета, могло именовать по нему предмет. Данный способ номинации уходит корнями в глубокую праславянскую древность, так как среди этих прилагательных встречается довольно много, говоря словами Р. Ласса, «messages from the past» [4] — лексем с древней структурой общеименной суффиксации. Явно были заимствованы из славянской народной речи такие наименования лиц, как *глогужин*, *нѣмзин*, *слѣпзин*, *снрзин*, *богатзин* и т.п., встречающиеся в старославянских текстах начиная с самых первых переводов — Евангелия и Псалтыри. Например:

Мк 7:37: *Καλῶς πάντα πεποιήκεν· καὶ τοὺς κωφοὺς ποιεῖ ἀκούειν, καὶ τοὺς ἀλάλους λαλεῖν*³. — добръ все творитъ . ѿ *глогужина* творитъ слышатн . ѿ *нѣмзина* глѣтн . Зо҃гр, Ма҃р, Ас, Сав;

Мк 8:23: *Καὶ ἐπιλαβόμενος τῆς χειρὸς τοῦ τυφλοῦ, ἐξήγαγεν αὐτὸν ἔξω τῆς κόμης·* — ѿ *нмз* за ржкѣ слѣпаго . ѿ *нзведе* н *внзв* ѿз *всн* . Зо҃гр (слѣпаго в Ма҃р);

Пс 67:5: *ἀγαλλιᾶσθε ἐνώπιον αὐτοῦ ταραχθήσονται ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ, τοῦ πατρὸς τῶν ὀφρανόων καὶ κριτοῦ τῶν χηρῶν* — *сзмнатѣтз* *сн* отъ лица его . оца *снрзкз* . н *спдын* въдовнцъ . Син;

Л 16:22: *ἀπέθανεν δὲ καὶ ὁ πλούσιος, καὶ ἐτάφη.* — оумрѣтз же ѿ *богатзи* . ѿ погребоша ѿ . Зо҃гр, Ма҃р, Ас, Сав.

Реже встречаются номинации такого типа абстрактные и предметные. Как правило, адъективы субстантивируются в этом случае — как в греческом, так и в старославянском — в ср.р. (ед. и мн.числа):

Мк 7:23: *πάντα ταῦτα τὰ πονηρὰ ἔσωθεν ἐκπορεύεται* — всѣ сн *ззлаѣ* . ѿ жтрн *исходатз* . Зо҃гр — всѣ сн *ззла* ... Ма҃р;

Мк 4:5: Ἄλλο δὲ ἔλεσεν ἐπὶ τὸ πετρῶδες — а другое паде на *каменьнѣемь* . Ма҃р (в Зо҃гр утрачено).

В сфере суффиксации также можно отметить некоторый параллелизм. Так, для перевода греческих отглагольных существительных с суффиксом *-μος* [7. Р. 132–147]

¹ Однако большое количество отклонений от принципа использования полной формы для выражения определенности (греч. краткой формы — неопределенности) указывает, что это положение действовало в старославянском языке не как жесткий закон, а, скорее, как тенденция.

² В греческих текстах была возможна и обусловленная контекстом безартиклевая субстантивация адъективов, особенно в отсутствие выраженной определенности. Как, например, в Пс 17:27: *καὶ μετὰ ἐκλεκτοῦ ἐκλεκτὸς ἔσῃ καὶ μετὰ στρεβλοῦ διαστρέψεις*. Тем не менее в оппозиции «субстантивация адъектива посредством артикля/безартиклевая субстантивация адъектива» основным следует признать первый ее член.

³ Греческий текст Нового Завета дается по изданию [5], Ветхого завета — по [6].

использовались или образовывались отглагольные существительные ср.р. с суффиксом *-bj(e)* (т.е. с комплексами *-nbj(e)*, *-enbj(e)*). Ср., например:

ἀλαλαγμός – всклянковенне Пс 26:6 Син; Пс 46:6 Син – всклянцанне Пс 32:3 Син; Пс 150:5 Син;

ἀσπασμός – цѣлованне Л 1:44 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Л 1:41 Зогр, Мар, Ас, Сав; Л 1:29 Зогр, Мар, Ас, Ват; Мт 23:7 Мар, Ват; Мк 12:38 Зогр, Мар; Л 11:43 Зогр, Мар;

βάπτισμός – крѣщенне Мк 7:4 Зогр, Мар; Мк 7:8 Зогр, Мар;

διωγμός – нзгъннанне Мк 10:30 Зогр, Мар;

διαλογισμός – помзшленне Мт 15:19 Зогр, Мар; Мк 7:21 Зогр, Мар; Л 2:35 Зогр, Мар; Л 9:46 Зогр, Мар; Л 24:38 Мар, Ас; Пс 39:6 Син; Пс 55:6 Син; Пс 91:6 Син; Пс 93:11 Син;

διαμερισμός – раздѣленне Л 12:51 Зогр, Мар

и мн. др.

Для перевода греческих отглагольных существительных с суффиксом *-μα* [7. Р. 175–190] также использовались или образовывались отглагольные существительные ср.р. с суффиксом *-bj(e)* (т.е. с комплексами *-nbj(e)*, *-enbj(e)*). Ср., например:

ἀγαλλίαμα – радованне Пс 47:3 Син; Пс 118:111 Син;

αἴτημα – прошенне Л 23:24 Зогр, Мар; Пс 19:6; Пс 36:4 Син; Пс 105:15 Син;

ἀλάλαγμα – всклянцанне Пс 43:13 Син;

ἀμάρτημα – сзгрѣшенне Мк 3:28 Зогр, Мар;

βάπτισμα – крѣщенне Мк 1:4 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Мк 10:38 и 39 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Л 3:3 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Мт 3:7 Ас, Ват, Остр; Мк 11: 30 Зогр, Мар; Л 7:29 Зогр, Мар; Л 12:50 Зогр, Мар; Л 20:4 Зогр, Мар; Мт 20:22 Мар; Мт 20:23 Мар; Мт 21:25 Мар;

δικαίωμα – оправданне Л 1:6 Зогр, Мар, Ас; Пс 17:23 Син; Пс 18:9 Син; Пс 49:16 Син; Пс 88:32 Син; Пс 104:45 Син; Пс 118:27 Син; Пс 118:33 Син; Пс 118:56 Син; Пс 118:83 Син; Пс 118:94 Син и др.

и мн. др.

Отглагольные существительные ср.р. с суффиксом *-bj(e)* (с комплексами *-nbj(e)*, *-enbj(e)*) использовались или образовывались и для перевода греческих существительных с суффиксом *-σις* [7. Р. 275–289]. Ср., например:

ἀγαλλίασις – радованне Пс 41:5 Син (веселне в Л 1:14 Зогр, Мар, Ват; Пс 125:2 Син);

ἀγάπησις – възлюбленне Пс 108:5 Син;

ἀνάβλεψις – прозѣрѣнне Л 4:19 Мар, Ас, Сав; Л 7:21 Зогр, Мар;

ἀνάμνησις – възпомнанне Пс 37:1 Син; Пс 69:1 Син;

ἀνάστασις – възкрѣшенне И 11:24 Зогр, Мар, Ват, Остр – възкрѣсенне в Ас; И 11:25 Зогр, Мар, Сав, Ват, Остр – възкрѣсенне в Ас; Мк 12:8 Зогр, Мар; Пс 65:1 Син и др.;

ἀντάμειψις – възданне Пс 118:112 Син;

ἀπάντησις – сзрѣтенне Мт 25:6 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват, Остр;

ἀποκάλυψις – окрзвенне Л 2:32 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, СинН

и мн.др.

Уже на ранней стадии становления старославянского языка складывается соответствие старославянского суффикса *-bstv(o)*, продуктивного в образовании книжной старославянской лексики, греческому суффиксу *-ι(α)*:

ἀλιότης – невѣрство Мт 17:20 Мар, Ас; Мт 13:58 Мар; Мк 6:6 Мар;

ἐξουσία – владычество Л 20:20 Зогр, Мар;

ἡγεμονία – владычество Л 3:1 Зогр, Мар, Ас, Сав;

μαρτυρία – свидетельство Мк 14:59 Зогр, Мар; И 5:31 Зогр, Мар, Ас; И 19:35 Зогр, Мар, Ас и др.

παρθενία – дѣвство Л 2:36 Зогр, Мар, Ас, Сав;

παροιμία – прншьльство Пс 118:54 Син;

προφητεία – пророцтво Мт 13:14 Зогр, Мар.

В номинациях лица тоже складывается некоторый параллелизм суффиксов *-της* и *-tel'(b)*, который отмечала уже Р.М. Цейтлин [8. С. 105]. Хотя, надо сказать, это соответствие складывалось постепенно и больше характерно для несколько более поздних переводов. На ранней стадии становления старославянского языка слова с суффиксом *-της* переводились словами и с другими суффиксами; с суффиксом *-ik(ǫ)* (также в составе составного суффикса *-(bn)ik(ǫ)*) даже чаще, чем словами с суффиксом *-tel'(b)*. В евангельском и псалтырном тексте соответствия *-της* комплексу *-(bn)ik(ǫ)* встречаются чаще, чем соответствия суффиксу *-tel'(b)*. Ср.:

-της → -tel'(b)

βαπτιστής – крѣстнтелѣ Мт 11:11 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 14:8 Зогр, Мар; Мк 6:25 Зогр, Мар, Ас и др.;

βασανιστής – мѣчнтелѣ Мт 18:34 Мар, Ас, Сав;

ἐργάτης – дѣлателѣ Мт 20:1 Мар, Ас, Сав; Мт 20:2 Мар, Ас, Остр; Мт 20:8 Мар, Ас, Сав; Л 13:27 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 9:37 Зогр, Мар;

εὐεργέτης – благодателѣ Л 22:25 Мар – благодѣтелѣ Л 22:25 Зогр;

θεριστής – жателѣ Мт 13:39 Зогр, Мар (жателѣвн в Ас);

κριτής – сѣднтелѣ Пс 7:12 Син;

λυτρωτής – нзбавнтелѣ Пс 18:15 Син; Пс 77:35 Син;

μεριστής – дѣлнтелѣ Л 12:14 Мар;

πολίτης – жнтелѣ Л 15:15 Зогр, Мар, Ас, Сав;

προδότης – прѣдателѣ Л 6:16 Зогр, Мар;

ρύσσης – нзбавнтелѣ Пс 17:3 Син; Пс 17:49 Син; Пс 69:6 Син;

σκελαστής – покровнтелѣ Пс 70:6 Син;

ὑπερασπιστής – зашнтнтелѣ Пс 26:1 Син; Пс 27:8 Син; Пс 30:3 Син; Пс 36:39 Син; 70:3 Син.

-της → -(bn)ik(ǫ)

βίαιος – нѣждѣннкѣ Мт 11:12 Зогр, Мар, Ас, Остр, ноуждѣннкѣ в Сав, Ват, Мст 192в, бѣдѣннкѣ в Мст 35а;

βουλευτής – Мк 15:43 Зогр, Мар, Ас, Остр, Мст;

ἐκδικητής – мьстѣннкѣ Пс 8:3 Син;

ἐπιστάτης – наставникъ Л 8:45 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, Мст; Л 17:13 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, Мст;

καθηγητής – наставникъ Мт 23:10 Мар, Ас, Ват, Остр, Мст;

κερματιστής – пѣнажъникъ И 2:14 Зогр, Мар, Ас, Остр, Мст;

κολλυβιστής – тръжъникъ И 2:15 Зогр, Мар, Остр, Мст (продаан в Ас);

ληστής – разбонникъ И 10:1 Зогр, Мар, Ас и мн.др.;

μαθητής – оученикъ Л 7:11 Зогр, Мар, Ас и мн.др.;

ὄφειλέτης – длзжъникъ Мт 6:12 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, Мст; Л 11:4 Зогр, Мар, Сав, Остр, Мст 826 (длзжънзин в Мст 177в);

προσκυνητής – поклонникъ И 4:23 Мар, Ас, Ват, Остр, Мст;

συκοφάντης – клеветникъ Пс 71:4 Син;

συστασιαστής (вариант στασιαστής) – ковыникъ Мк 15:7 Зогр, Мар;

τραπεζίτης – тръжъникъ Мт 25:27 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, Мст;

ὑπερασπιστής – заштъникъ Пс 17:31 Син; Пс 27:7 Син; Пс 58:12 Син; Пс 83:10 Син; Пс 113:17 Син; Пс 113:18 Син; Пс 113:19 Син;

χρεοφειλέτης – длзжъникъ Л 7:41 Зогр, Мар, Ас, Остр, Мст.

Как видим, оба языка имели возможность номинации и путем использования суффиксальных существительных, и путем субстантивного употребления адъективов. Славянскими книжниками путем субстантивации адъективов был создан довольно значительный пласт новой славянской лексики. Например, в наименованиях лиц: ἄδικος – неправдънзин (т.е. ‘неправедный человек’), ἀσεβής – нечъствнзин (т.е. ‘нечестивый, безбожный человек’), εὐσεβής – благочъствнзин (т.е. ‘благочестивый, богожрый человек’) и мн. др. Тем не менее в старославянских текстах, начиная с первых переводов, в номинациях наблюдается преобладание суффиксальных существительных над субстантивно употребленными адъективами по сравнению с греческими оригиналами, особенно в номинациях лиц. При этом активизировались суффиксы, получившие свою продуктивность в ходе становления старославянского языка, и прежде всего суффикс *-ik(ъ)* (в том числе в составе суффикса *-(ъn)ik(ъ)*).

Посмотрим на греческий текст Евангелия и Псалтыри, задача перевода которых стояла прежде всего перед свв. Кириллом и Мефодием⁴. Многочисленные *предметные* и *абстрактные* номинации представлены в нем главным образом либо словами общеименной суффиксации (т.е. без характерных для собственно существительных суффиксов), но употребляющимися *только в качестве существительных*, либо существительными с характерными для существительных суффиксами. В славянском переводе мы видим такую же определенность в частеречной принадлежности переводящих слов: слова общеименной суффиксации, употребляющиеся, как правило, только в качестве существительных, либо существительные с характерными для существительных суффиксами. Ср., например, следующие предметные номинации:

τὸ ἄλευρον – мжка Мт 13:33 Зогр, Мар; Л 13:21 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

ἡ ἄμπελος – внно Пс 79:9 Син; Пс 104:33 Син;

ὁ ἄνεμος – вѣтръ Мт 14:30 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 7:25; Мт 11:7; Пс 1:4; Пс 17:43; Пс 34:5 и др.;

⁴ Главным «идеологом» в разработке принципов славянского перевода с греческого небезосновательно признается св. Кирилл – см., например, в работах Е.М. Верещагина.

τὸ ἄριστον – оґѣдз Мт 22:4 Мар, Ас, Ват, Остр; Л 11:38 Зогр, Мар; Л 14:12 Зогр, Мар; Л 14:15 Мар;

ὁ ἄσκόс – мѣкз Мк 2:22 Зогр, Мар; Л 5:37 Зогр, Мар; Мт 9:17 Мар; Пс 32:7 Син; Пс 77:13 Син; Пс 118:83 Син;

ἡ ἀστραπή⁵ – мλзннн Л 10:18 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 76:19 Син и др.;

ὁ, ἡ βᾶτος – кжпнна Мк 12:26 Зогр, Мар; Л 6:44 Зогр, Мар; Л 20:37 Зогр, Мар;

τὸ βλέφαρον – вѣжда Пс 10:4 Син – вѣко Пс 131:4 Син;

ἡ θυσία (‘обряд’, потом ‘жертва’) – жрѣтва Л 2:24 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Пс 95:8 Син и др.;

ἡ οἰκία – домз Мт 8:13 Зогр, Мар; Мт 8:14 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 9:23 Зогр, Мар, Ас (храмнна в Сав); Пс 100:7 Син; Пс 127:3 Син и др.;

τὸ σχίσμα⁶ – днра Мт 9:16 Мар; Мк 2:21 Зогр, Мар

и мн. др.;

следующие абстрактные номинации:

ἡ αἰτία – внна Мт 19:3; Мт 19:10; И 18:38 Зогр, Мар, Ас, Сав;

ἡ ἀνάγκη – вѣда Л 21:23 Зогр, Мар; Пс 24:17; Пс 30:8; 106:6 и др. – нжда Л 14:18 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

ὁ λοιμός – морз Л 21:11 Зогр, Мар;

ἡ ἀπώλεια – гзбѣль Мт 26:8 Зогр, Мар, Ас, Сав – пагоуба Мт 7:13 Зогр, Мар, Ас – погзбѣль Пс 87:12 Син;

ἡ ἐκδίκησις – мьсть Л 18:7 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 93:1 – мьщеніе в Л 21:22 Зогр, Мар;

ἡ εὐθύτης – правзінн Пс 9:9 Син; Пс 16:2 Син – правость Пс 44:7 Син; Пс 66:5 Син и др. – правота (во мн.ч.) Пс 36:37 Син; Пс 74:3 Син;

ἡ κόλασις – мжка Мт 25:46 Зогр, Мар, Ас, Сав;

ἡ λαμπρότης – свѣтълота Пс 109:3 Син – свѣтълость Пс 89:17 Син;

ἡ λικρία – горесть Пс 9:28 Син

и мн.др.

Среди предметных номинаций в евангельском и псалтырном тексте редко встречаются такие, как τὸ ἡδύοσμον, т.е. номинации субстантивированным посредством артикля адъективом при функционировании данного адъектива в узусе языка рассматриваемой эпохи также и в качестве собственно адъектива. В случае с τὸ ἡδύοσμον, адъективе, субстантивированном посредством артикля в ср. р. и переведенном существительным мата в Мт 23:23 (Мар) и в Л 11:42 (Зогр, Мар), в узусе языка отмечается употребительность ἡδύοσμος также и в качестве адъектива [10. Р. 765]. Чаще среди предметных номинаций встречаются греческие слова общеименной суффиксации, употребительные в разных родах, однако при этом в разных родах номинирующие предмет, т.е. функционирующие в узусе языка рассматриваемой эпохи в качестве существительных, а не как адъективы. Так, например, в евангельском тексте встречается наименование ср. р. τὸ ἄχιρον, переведенное существительным плѣва (Мт 3:12 Зогр; Л 3:17 Зогр, Мар, Ас, Сав), при том, что в узусе языка

⁵ Древнее сложение ἀστήρ + корень *okw- [9. Т. I. Р. 128] употреблялось в качестве существительного.

⁶ Образование от глагола σχίζω [9. Т. IV-1. Р. 108]).

существовали также наименования м.р. ὁ ἄχυρος, и ὁ ἀχυρός, и ὁ ἀχυρός [9. Т. I. Р. 152], номинирующие тот же предмет (шелуху от обработки зерна) и не употребляющиеся в качестве адъективов. В евангельском тексте встречается наименование ж.р. ἡ δοκός, переведенное словом брѣвно (Мт 7:3 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 7:4 Зогр, Мар, Ас; Мт 7:5 Зогр, Мар, Ас, Сав; Л 6:41; Л 6:42 Зогр, Мар), адъективом по происхождению [11. С. 72–73), но прочно вошедшим в славянский узус как номинация предмета. В узусе греческого языка существовало и наименование м.р. ὁ δοκός [10. Р. 443], но также номинирующее предмет – бревно. В евангельском и псалтырном тексте встречается наименование ж.р. ἡ νομή, переведенное словом пажить (И 10:9 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 73:1 Син; Пс 78:13 Син), при том, что в узусе языка существовало также и наименование м.р. ὁ νομός с близким значением [10. Р. 1180). Примеры можно умножать.

С другой стороны, в греческом евангельском и псалтырном тексте (особенно в евангельском) среди наименований лиц встречается достаточно большое количество адъективов, функционирующих в узусе языка в качестве адъективов, но для номинации лица (человека) употребленных в тексте субстантивно (по большей части с артиклем) и переведенных на старославянский язык суффиксальными существительными. Наиболее «активным» в этих переводах оказался суффиксальный комплекс *-(bn)ik(ъ)*, хотя встречаются в таких случаях наименования существительными и с другими суффиксами. Ср.:

-(bn)ik(ъ)

ἄδικος – неправѣдннкъ Л 18:11 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

ἄλλογενής – нноплеменьннкъ Л 17:18 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

ἄλλόφυλος – нноплеменьннкъ Пс 107:10 Син;

αἰχμάλωτος – плѣньннкъ Л 4:18 Мар, Ас, Сав, Остр;

ἁμαρτωλός – грѣшннкъ Мк 2:17 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Л 18:13 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Пс 103:35 Син; Пс 118:110 Син и мн. др.;

ἀνθρωπάρεσκος – чловѣкоугодннкъ Пс 52:6 Син;

ἄνομος – беззаконннкъ Мк 15:28 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Л 22:37 Зогр, Мар; Пс 36:28 Син; Пс 103:35 Син;

ἄρπαξ – кзищннкъ Мт 7:15 Зогр, Мар, Остр; Л 18:11 Зогр, Мар, Ас, Сав;

ἄρρωστος – недѣжннкъ Мк 6:5 Зогр, Мар, Мст 626 (недѣжннн в Мст 198в); Мк 16:18 Мар (недѣжннн в Ас, Остр, Мст);

βοηθός – помощннкъ Пс 51:9 Син;

δίκαιος – правѣдннкъ Мт 27:19 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Пс 10:3 Син и мн. др.;

ἐγκάθετος – засѣдннкъ Л 20:20 Мар (дѣлатеѣ в Зогр, прѣлогатан в Мст);

ἐθνικός – ѡзичннкъ Мт 6:7 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Мт 18:17 Мар, Ас, Остр;

εὐνοῦχος – Мт 19:12 Мар, Ас, Сав, Остр;

κοινωνός – наслѣдннкъ Л 5:10 Мар – овьщннкъ Зогр, Ас, Мст;

– овьщннкъ Мт 23:20 Мар, Остр, Мст;

μέτοχος – прнчастннкъ Л 5:7 Зогр, Мар, Ас, Остр; Пс 44:8 Син;

μίσιος – нанмьннкъ / наемьннкъ Л 15:17 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Л 15:21 Зогр, Ас, Сав, Остр; Л 15:21 Зогр, Ас, Сав, Ват;

μισθωτός — нанмыннкз / наёммыннкз И 10:12 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Мк 1:20 Зогр, Мар, Мст;

νομικός — законьнкз Л 10:25 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Л 14:3 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

παραβαίνων — прѣстѣпнынкз Пс 118:119 Син;

πάροικος — прѣсельнынкз Пс 38:13 Син;

ῥυόμενος — нзбавьнкз Пс 70:11 Син;

-bc(b)

δίδυμος — блнзньць И 20:24 Мар, Ас; И 21:2 Зогр, Мар, Ас;

νεκρός — мрътвьць Мт 8:22; Л 9:60 Зогр, Мар, Ас (мрътвзйн в Сав);

πρεσβύτερος — старьць Мт 15:2; Мк 14:53; И 8:9; Л 15:25 и др; Пс 104:22 Син;

πρωτόκοκος — прьвѣньць Мт 1:25; Л 2:7; Пс 104:36 Син и др.;

τυφλός — слѣпць Мт 20:30 Мар, Ас, Сав; Мт 15:14 и др.;

-īc(a)

ἁμαρτωλός — грѣшьннца Л 7:37 Зогр, Мар, Ас (грѣшьна в Усп. сб. 195в8);

θυρωρός — двѣрьннца И 18:16 Зогр, Мар, Ас (вратаѣ в Сав);

ἀπολελυμένη — поушеннца Л 16:18 Зогр (поушенаѧ в Мар);

-tel' (b)

νομικός — законооучнтѣѧ Мт 22:35 Мар (законьнкз в Ас, Остр);

γεωργός — тажатѣѧ Мк 12:1; Мк 12:2; Мк 12:7; Мк 12:9;

-yī(i)

γεῖτων — сѣсѣдзйнн Л 15:9 Зогр, Мар.

Как давно уже было замечено, некоторые из номинаций суффиксальными существительными употреблялись параллельно с субстантивно употребленными прилагательными, т.е. неправдынкз и неправдынз (оба как наименования человека), мрътвьць и мрътвзйн (оба как наименования человека) и т.п. (см., например, в [8. С. 94, 109]). Надо полагать, что такие наименования человека как мрътв(зйн), слѣп(зйн), заимствованные, несомненно, из народной славянской речи, оставались более обычными в старославянском языке, чем суффиксальные существительные с той же основой. Так, в Мариинском евангелии насчитывается 12 номинаций слепого человека суффиксальным существительным слѣпць, но 18 номинаций субстантивно употребленным прилагательным слѣп(зйн). При этом оба наименования были, видимо, полностью синонимичны — как видим это, например, в стихе Мт 15:14:

Мт 15:14: τυφλὸς δὲ τυφλὸν ἕαν ὀδηγῆ, ἀμφότεροι εἰς βόθυνον πεσοῦνται.

— слѣпц же слѣпца аште воднтз. оба вз ѣмѧ вздадета сѧ . Зогр

— слѣпецз же слѣпца аште воднтз... Мар.

Возможно, неслучайна замена мрътвьць на мрътвзйн в Л 9:60 в Саввиной книге, известной своими инновациями в направлении использования языковых средств народной речи:

Л 9:60: Ἄφεσ τοὺς νεκροὺς θάψαι τοὺς ἑαυτῶν νεκρούς: — оставн мрътвзймз . погретн своѧ мрътвцаѧ . Зогр, Мар, Ас — мрътвзйкз в Сав.

В несколько более поздних переводах, или переводах, подвергшихся редактированию, встречаем номинации субстантивно употребленным *адъективом* при утвердившемся уже соответствии греческому субстантивно употребленному адъективу славянского суффиксального *существительного*. Например, обнаруживается замена *кѣштѣннѣ* на *вѣсхѣтаѣн* в Мстиславовом евангелии, русском списке конца XI в.:

Мт 7:15: ἔσωθεν δὲ εἰσὶν λύκοι ἄρπαγες — *вѣштѣннѣ* же сѣтѣ вѣщн . *кѣштѣннѣ* . Зогр, Мар (вѣщн | *кѣштѣннѣ* в Ас, Остр, Мст 172б)

— оутрѣодѣ же соутѣ вѣщн *вѣсхѣтаѣн* . Мст 30в.

Замену сущ. *грѣшннѣ* на субстантивно употребленное прил. *грѣшн* видим в цитации стиха Л 7:37 в Успенском сборнике:

Л 7:37: Καὶ ἰδοῦ, γυνὴ ἐν τῇ πόλει, ἣτις ἦν ἁμαρτωλός, ἐπιγνοῦσα ὅτι ἀνάκειται ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Φαρισαίου, κομίσασα ἀλάβαστρον μύρου...

— *и се жена вѣ градѣ. ѣже бѣ грѣшннѣ. и оутѣдѣвшн ѣко вѣзлежнѣ вѣ храмннѣ фарисѣвѣ . прннесѣнн алавастрѣ мѣра . Зогр, Мар, Ас*

— *и се жена вѣ градѣ. ѣже бѣ грѣшн . разоумѣвшн ѣко вѣзлежнѣ вѣ домоу фарисѣвѣ . прннесѣнн стѣкланнѣ блговоннѣ мастрн. Слово о блуднице, Усп.сб. 195в 8.*

В переводе Ветхого завета встречаем номинацию лица (т.е. человека) *неправднѣ*, с характерным для узуса преславских книжников суффиксом прилагательных *-iv-*, для перевода субстантивно употребленного адъектива ἄδικος — при утвердившемся еще с перевода Евангелия соответствии ἄδικος — *неправдннѣ*:

Иез 21:8: καὶ ἐξολεθρεύσω ἐκ σοῦ ἄδικον καὶ ἄνομον — *и потрѣблѣ нс тебе неправднѣ* и безаконнѣ . F I.461 269б 2б.

Ср. ἄδικος — *неправдннѣ*:

Л 18:11: ὅτι οὐκ εἰμὶ ὥσπερ οἱ λοιποὶ τῶν ἀνθρώπων, ἄρπαγες, ἄδικοι, μοιχοί... — *ѣко нѣсмѣ ѣко и прочн ѣщн . кѣштѣннѣ . неправдннѣ . прѣлюбоудѣ . Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр.*

Примеры можно умножать.

В чем причина таких «отказов» от суффиксальных существительных в пользу субстантивно употребленных адъективов? Представляется, что здесь сталкивались две тенденции: с одной стороны, стремление следовать переводческим установкам св. Кирилла и использовать уже вошедшие в старославянский лексический инвентарь суффиксальные существительные, а с другой стороны, стремление славянских книжников подражать морфологической структуре греческих соответствий.

Но в чем причина переводческих предпочтений номинациям суффиксальными существительными самого св. Кирилла? Причем существительными, которые, как я постаралась показать в своих предыдущих работах, в большом числе случаев создавались специально в процессе перевода [12]? Предполагаю, что такой выбор св. Кирилла не был случайным. Как видно из изложенного выше материала, при переводе предметных и абстрактных номинаций компенсации греческого артикля чаще всего не требовалось, так как эти слова функционировали в узусе греческого языка того времени, как правило, только в качестве существительных, и перевод осуществлялся в большинстве случаев славянскими словами, также функционировавшими в узусе языка только в качестве существительных. Для номинаций же лиц, представлявших собой в греческих текстах субстантивно употребленные адъективы (а такие номинации лиц встречаются довольно часто), наличие артикля было значимо и требовало какой-то компенсации при переводе. Использование для перевода

существительного с характерным частеречным суффиксом сообщало с определенностью, что старославянское слово номинирует *предмет* (в широком смысле слова, в нашем случае чаще всего лицо), и суффиксация заменяла таким образом греческий артикль.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Ват – Ватиканское евангелие, древнеболгарская рукопись XI в.

Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Мар – Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Мст – Мстисловово евангелие, древнерусская рукопись рубежа XI/XII вв.

Остр – Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.

Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

Син – Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.

СинН – Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв. (новооткрытая часть)

Усп.сб. – Успенский сборник, древнерусская рукопись XII/XIII вв.

F I.461 – среднеболгарская рукопись Ветхого Завета последней четверти XIV в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Н.И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания. М., 1957. Вып. 2.
2. Blass F., Debrunner A. A Greek grammar of the New Testament and other early Christian literature. Cambridge; Chicago, 1961.
3. Уоллас Д.Б. Углубленный курс грамматики греческого языка: экзегетический синтаксис Нового Завета. Новосибирск, 2010 (перевод книги: Wallace D.B. Greek Grammar Beyond the Basic. An Exegetical Syntax of the New Testament. Michigan, 1996).
4. Lass R. Historical linguistics and language change. Cambridge, 1997.
5. Robinson M.A., Pierpont W.G. The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform. Southborough (Mass.), 2005.
6. Septuaginta / Ed. by A. Rahlfs. Ed. 5. London, 1952. Vol. I–II.
7. Chantraine P. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
8. Цейтлин Р.М. Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
9. Chantraine P. Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Paris, 1968–1980. T. I–IV.
10. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
11. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1976. Вып. 3.
12. Ефимова В.С. К вопросу о путях формирования старославянского лексического инвентаря // Филология и текстология. Юбилейный сборник в честь 70-годовщины на проф. Уильям Федер. Шумен, 2014.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ДУБЛЕТЫ В CORPUS AREOPAGITICUM SLAVICUM: СТРУКТУРА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

© 2019 г. А.Л. Соломоновская

*Канд. филол. наук, зав. кафедрой межкультурной коммуникации
гуманитарного института НГУ*

E-mail: asolomonovskaya@mail.ru

Рассматривается структура переводческих дублетов в Corpus Areopagiticum Slavicum (этимологический и смысловой перевод, отдельные лексемы для передачи разных значений многозначного слова и т.п.), а также их функционирование в тексте первого полного славянского перевода Ареопагитик.

The article considers the structure of double translations in Corpus Areopagiticum Slavicum (combination of etymological and idiomatic translations, separate lexemes rendering one polysemic word etc) and their functioning in the text of this first full Slavic translation of the Areopagite's Corpus.

Ключевые слова: корпус Ареопагитик, Исайя, переводческий дублет, этимологический перевод, смысловой (идиоматичный) перевод.

Keywords: Corpus Areopagiticum Slavicum, Isaiah, double translation, etymological translation, idiomatic translation.

DOI: 10.31857/S0869544X0005445-2

В работах многих славистов термин дублет используется в широком смысле, часто обозначая два разных славянских слова, употреблявшиеся в соответствии с одним греческим в рамках одного памятника. Так, например, трактуют дублеты Лидия Петровна Жуковская [1] или Раля Михайловна Цейтлин [2]. Более узкое и вместе с тем точное понимание этого термина представлено в целом ряде работ отечественных и зарубежных лингвистов и историков языка. При этом выдвигаются самые разные версии возникновения двойного перевода — от влияния библейских текстов и/или народного эпоса (славянского или германского) [3–5] до письменной фиксации колебаний переводчика при записи под диктовку [6] или результатов его консультаций с другими книжниками [7]. При таком более узком подходе под дублетом понимается расчлененное выражение одного понятия. При этом не суть важно, является ли это способом выражения собственно авторской мысли в оригинальном

тексте — риторический прием, известный как гендиадис — или же речь идет о расчлененной передаче смысла одного исходного слова при переводе в случае собственно переводческих дублетов или двойного перевода. Два (в редких случаях больше) элемента этого выражения обычно связаны синтаксически средствами. Для славянских языков это может быть сочинительный союз *и*, разделительный *или*, а также пояснительные союзы *рекше* и *сиречь*.

В то время как одни исследователи склонны рассматривать дублеты именно как синонимические или почти синонимические пары, в частности Лесли Брук [8], другие, в частности Эрнст Ханзак, утверждают, что собственно переводческие дублеты не имеют ничего общего с синонимией [9]. Немецкий ученый считает их появление стремлением совместить два способа перевода — этимологический, т.е. передачу внутренней формы слова, и смысловой — передачу актуального значения. Таким образом, переводчик получает возможность и передать то же «движение души» (по Блаженному Августину), что и в оригинале, и подобрать более понятный читателю эквивалент.

Тот же прием можно трактовать и с помощью теории другого неоплатинического христианского мыслителя (Псевдо) Дионисия Ареопагита — перевод как подобное (этимологический) и неподобное (актуальный) подобие, как это делает Маргарита Ивановна Чернышева [10]. При необходимости передать новое понятие можно было попытаться найти однословный эквивалент. Если же это было невозможно, то можно было передать сущность нового понятия несколькими словами переводящего языка (излюбленный метод Иоанна экзарха, который М.И. Чернышева называет «стилевые дублеты»), а можно было поступить так, как это делали еще греческие переводчики с древнееврейского: ввести одновременно и транскрипцию (или транслитерацию) исходного слова, и его пояснение (перевод) — это характерно для приема «двуязычные дублеты», которым часто пользуется Константин-Кирилл.

Материалом для данной статьи послужили переводческие дублеты из законченного в 1371 г. афонским монахом иноком Исайей первого полного славянского перевода Ареопагитик. Методом сплошной выборки из изданного исследовательским коллективом во главе с покойными ныне Гелианом Михайловичем Прохоровым и Германом Гольцем словоуказателя к памятнику [11] было собрано 65 примеров двойного перевода. Количество примеров значительно меньше того, что приводят в статьях, посвященных этой тематике, соавторы издательского проекта Сабина и Дитер Фаль [7; 12] (61 в тексте схолий и 102 в маргиналиях), так как немецкие ученые относят к двойным переводам и те случаи, когда оба славянских варианта разнесены в тексте (например, один в основном тексте, другой — в схолии, или один — в схолии, а другой — в надстрочной надписи или маргиналии — в последнем случае расположение может свидетельствовать о том, что двойной перевод возникал в результате обсуждения того или иного способа перевода с другими книжниками). Данная статья написана с сознательным ограничением материала дублетами в собственном смысле слова — т.е. двумя разными переводами одного греческого слова, связанными соединительным, разделительным или, с определенными оговорками, пояснительным союзом.

Поскольку в предшествующих работах по двойному переводу в Ареопагитиках, в частности указанных выше [7; 12], в основном рассматриваются текстологические особенности дублетов — их расположение в тексте или паратексте, их связь с греческими схолиями к данному фрагменту, была поставлена задача провести классификацию собранного материала по

структурно-семантическому признаку. В первую очередь была выделена группа дублетов, в которых по крайней мере один из элементов калькирует греческий этимон («классический» переводческий дублет), во-вторых, рассматривается передача в составе дублета обоих значений греческого многозначного слова. Наконец, к дублетам мы также относим соединение в двойном переводе собственно синонимов, каждый из которых мог передавать соответствующее греческое слово с определенным оттенком значения. Рассматривались и собственно глоссы, которые структурно совпадают с двойным переводом. В отдельных случаях предпринята попытка выявить возможную мотивировку переводчика, который зачастую переводит одно греческое слово то одним, то другим эквивалентом, а в каком-то контексте соединяет их.

Большую часть примеров (19 из 65) представляют «классические» переводческие дублеты, в которых этимологический и контекстуальный перевод связаны соединительным союзом. Рассмотрим несколько примеров. В схолии к Посланию к Димофилу поведение монаха-бунтаря характеризуется как *ἀτακτος*. Переводчик передает греческое прилагательное через *зль* и *вещьньнъ* (сохраняется одноеревая орфография автографа переводчика) [11] — в современном написании «золь и бесчинен». Второй элемент дублета передает внутреннюю форму греческого прилагательного, а первый в определенной степени разъясняет, в чем именно проявилось «бесчинство» персонажа.

В другом примере этимологический и смысловой переводы стоят в обратном порядке. В схолии к трактату «О Божественных именах» противопоставляется мужское и женское начала. Последнее обозначается прилагательным *θηλυδρίας* (женоподобный, изнеженный), от прилагательного *θηλυς* «женский». Исаия передает греческое прилагательное классическим дублетом *жньскъ* и *славъ* [11], уточняя вторым элементом, в чем именно проявляется женственность.

В примерах второй по численности группы (16 двойных переводов) дублет не содержит собственно этимологический перевод (т.е. ни один его элемент не восстанавливает внутреннюю форму греческого этимона). В этой группе выделяется целый ряд лексем с общим значением «образ, символ, подобие». Эти термины имели ключевое значение в сочинениях Псевдо-Дионисия и не удивительно, что они и являются частотными, и представлены довольно разнообразно. Например, греческое слово *σύμβολον* (внутренняя форма — сочетание приставки *συμ-* и глагола *βάλλω* «бросать», буквально «соединенный, сброшенный в одно место/вместе») сохраняет эту внутреннюю форму имплицитно, так как «знак» (а тем более символ, которым это слово часто переводится в современном языке) означает соединение двух природ — материальной (плана выражения), и духовной (плана содержания), означающего и означаемого. В греческом языке это слово могло употребляться и как «односторонняя единица» (признак, примета), так и «двусторонняя» (символ, условный знак). Этот греческий термин обычно передавался на церковнославянский язык словом *образъ* (именно это соответствие приводится в единственном доступном нам греческо-церковнославянском словаре «Речнике на грчко-црквнословенски лексички паралели» под редакцией Мито Аргировски, изданном в Македонии в 2003 г. [13]).

В переводе Ареопагитик греческое *σύμβολον* (употребляется в оригинале всего 113 раз) чаще всего передается именно так, как указано в [13] — *образъ* (81 словоупотребление), несколько реже словом (26 словоупотреблений) *знамени*. Последнее слово, по данным [14–16], не имело такого греческого эквивалента и обычно соответствовало *σημεῖον* («знак», «примета», «признак»), *σφραγίς*

(«печать»), *υνώρισμα* («признак, примета»), т.е. скорее передавало «план выражения» знака-символа. Лишь в двух случаях Исайя использует двойной перевод, соединяя оба привычных для него эквивалента греческого слова (или их производные). В первом случае в комментарии к фрагменту второй главы трактата «О небесной иерархии» в соответствии с *σύμβολον* Исайя ставит **знаменіа** и **вѣраженіа**, при этом второй элемент дублета взят из соответствующего места основного текста. Сам этот текст [17. S. 25] (нумерация соответствует современному изданию) повествует собственно о плане выражения, так как основная идея его состоит в том, что некоторые «нечестивые умы», не понимая символического характера библейских образов, могут «населить» небеса их материальным выражением.

Во втором случае дублет **образъ** и **знаменіе** появляется в схолии к трактату «О церковной иерархии» (EH-S268v, 29) [17. S. 560]. Во фрагменте из Деяний апостолов, 1:15–26, к которому отсылает текст Ареопагитик, речь идет о символе жребия, который сам по себе является знаком, приметой, а в комментируемом Дионисием и его схолиастом контексте еще и знаком воли Божьей (т.е. «знамением» в современном смысле этого слова). Возможно, это мотивировало Исайю выбрать именно двойной перевод в данном контексте. Возможно и другое членение этого контекста, разрушающее собственно дублет: **такъ жрѣбно образъ / и знаменіе нѣко гаклающѣ** (являющий образ жребия и некое знамение (свыше)), поскольку жребий, выпавший Матфею, и был знамением, знаком воли Божией.

Еще одно греческое слово, также имеющее отношение к отражению действительности, передается дублетом в четырех случаях. Все эти случаи сосредоточены на сравнительно небольшом протяжении текста и связаны с теорией Ареопагита о подобных и неподобных подобиях. Прежде всего представляется целесообразным сделать несколько замечаний экстралингвистического характера. В соответствии с идеей божественной эманации, свойственной и неоплатоникам, и христианскому философу Псевдо-Дионисию Ареопагиту, все сущее, являясь результатом этого процесса, несет на себе **отголосок** Божественного, как эхо повторяет сказанное, постепенно ослабевая. Таким образом любой предмет тварного мира является пусть слабым, но **отражением** Божественного замысла и потому может служить его образом. Такой отголосок или метафорическое эхо передается греческим словом *ἀπήχημα*, производным от *ἦχος* — «звук, молва». Исайя передает этот термин (всего 24 словоупотребления в оригинале по всему корпусу) в основном словом **подражаніе** (18 из 24), в двух случаях **уподобленіе**, а также в четырех случаях дублетом: **подражаніе** (—**гельстко**) и **уподобленіе**. В [13] *ἀπήχημα* не зафиксировано, что касается славянских лексем, с помощью которых Исайя передает его, — **подражаніе** и **уподобленіе**, они приводятся в словарях старославянского и церковнославянского и древнерусского языков [14–16] в основном с греческими эквивалентами *μίμησις* (которое Исайя в одном случае — из 23 словоупотреблений в целом — передает тем же дублетом) и *ομοίωμα* или *ἄφομοίωσις* соответственно. Как и в предыдущем случае, второй элемент дублета, слово **уподобленіе**, в схолии (а три из четырех рассматриваемых дублетов приходятся на схолию к одному фрагменту трактата «О Небесной иерархии» (СН II: 4 л. 8–8v) [17. S. 39–40]) дублирует слово основного текста. Таким образом, появление второго элемента дублета здесь обусловлено отсылкой к комментируемому тексту. В четвертом случае употребления данного дублета оба элемента перевода в схолии отсылают к тексту самого трактата, где **подражаніе** передает *ἀπήχημα*, а **уподобленіе** является эквивалентом *ἄφομοίωσις*. Речь в этом контексте (пятый параграф второй главы трактата «О Небесной

иерархии») идет о так называемых несходных подобиях, т.е. наиболее «грубых» и невозвышенных образах, символизирующих божественное. Дионисий называет такие образы «подобием последних отголосков» (современный переводчик, Г.М. Прохоров, восстанавливает внутреннюю форму греческого слова) [18. С. 67]. Для того чтобы понять, что, помимо отсылки к тексту, могло мотивировать переводчика использовать дублиеты, необходимо кратко рассмотреть те контексты, в которых греческое ἀπὴχημα передается одним словом подражаниѣ (всего 18 словоупотреблений по словоуказателю к памятнику [11]). Чаще всего это существительное сопровождается одним из двух эпитетов послѣднѣѣ (10 контекстов) или малое (4 контекста). Во всех этих случаях речь идет о тварном мире (от самого великого в нем — например «всесиятельного солнца» — до самого малого) как лишь о «ничтожном отголоске» божественной энергии. Таким образом, при одиночном употреблении подражаниѣ скорее обозначает некое явление физического мира само по себе, дублиет же используется, когда это явление становится образом Божественного (каковым оно может стать именно за счет того, что несет в себе этот слабый отголосок Благого или Божества).

Второе греческое слово, которое также передается лексемой подражаниѣ почти ровно столько же раз как ἀπὴχημα, это μίμησις (18 словоупотреблений [11]). В одном случае эту греческую лексему Исайя передает тем же дублиетом подражаниѣ (—тельство) и зподокленѣѣ. При этом возникает как бы зеркальная ситуация — в соответствующем схолии фрагменте основного текста есть первый элемент дублиета, а второй является его разъяснением. Что касается одиночного употребления слова подражаниѣ в соответствии с μίμησις, то в большинстве случаев в корпусе это слово обозначает сознательное действие существа (как телесного, так и бестелесного), наделенного разумом, — ангелы «подражают» Богу, люди — ангелам, глава церковной иерархии — главе небесного священноначалия: *знаменан тако изреднѣѣ и прѣвѣмѣтелнѣѣ въ подражаннѣѣ бога кротость есть и тако кротости ради глаголетсѣ мѣмѣси згодникѣѣ кожнѣѣ* (схолия к «Посланию к Димофилу [17. S. 638]). При этом действие этих наделенных разумом существостей является одновременно и образом того, чему они «подражают»: *чловѣкъ съвршаемо същциническое тинослаженнѣѣ подражаннѣѣ есть небеснаго същциноначалиѣѣ* (схолия к трактату «О небесной иерархии» [17. S. 23]). Таким образом, используемое в соответствии с греческим μίμησις слово подражаниѣ соединяет в себе оба значения — сознательное действие подражания кому-либо и образ чего-либо (который возникает именно вследствие вышеупомянутого сознательного действия).

Следующая по количеству словоупотреблений (14) группа содержит этимологический и идиоматичный перевод, как в классическом дублиете, и соединительный элемент, свойственный скорее глоссе (рекше). Некоторые из них, как будет показано ниже, соответствуют по форме глоссе, которая была еще в оригинальном тексте. Поэтому мы относим эти случаи к дублиетам лишь условно. Этимологический перевод обычно занимает первое место в словосочетании (τὸ ὑποκείμενον — *подлежащее рекше същество*).

Как и в предыдущих двух группах, среди примеров этого типа можно выделить несколько разных дублиетов, относящихся к одному и тому же греческому слову. В данном случае это слова θεραπευτής (згодникѣѣ рекше рабѣѣ кожнѣѣ и згодникѣѣ рекше инюкѣѣ) и ἄρχα (кзмирѣѣ рекше овразѣѣ и овразѣѣ рекше кзмирѣѣ).

Греческое слово θεραπευτής (Nom. Agentis от θεραπεύω — «прислуживать») значило «слуга» в широком смысле этого слова. В христианской литературе основным значением этого слова (по греческо-английскому словарю, составленному известным богословом Джеффри Лампе на основе патристических

текстов [19]) является «слуга Божии» в отношении христиан в целом и монахов в частности. В Корпусе Ареопагитик это греческое слово используется 21 раз. При этом уже в греческом оригинале употребление данного слова вызывало, по-видимому, вопросы у читателя, поэтому схолиаст считает необходимым разъяснить, что именно оно обозначает в контексте Ареопагитик (главным образом посланий и, если еще точнее, обозначений социального статуса их адресатов и/или персонажей — монахов Гая и Димофила). Он довольно часто сопровождает *θεραπευτής* другим словом — *μοναχός* и при этом чаще всего ссылается на отрывок из шестой главы трактата «О церковной иерархии», в котором сам Дионисий разъясняет использование этих терминов; «слуга (раб) Божий» — поскольку монах должен постоянно пребывать в «заботе и попечении о Боге» [18. С. 697], а «монах» (этимологически связано с числительным «один» — благодаря их «неделимой и цельной жизни» [18. С. 697]). Глоссы этого рода, разъяснение одного греческого слова его синонимом, встречаются довольно часто. Вполне возможно, двойной перевод мог появиться и как перевод еще одной глоссы (которая не сохранилась в дошедших до нас рукописях), и как своего рода инерция переводчика, так часто переводившего эту глоссу, что повторяет ее и там, где ее нет в оригинале.

В *Corpus Areopagiticum Slavicum* рассматриваемая греческая лексема передается пятью различными способами. Чаще всего (в 12 из 21 словоупотребления) ей соответствует существительное *рабъ* (с глоссой *рекше инокъ* или без нее). В пяти случаях переводчик передает эту лексему этимологическим эквивалентом (калькой) *згодъникъ*, один раз — *инокъ*, а еще три раза — вышеприведенными дублетами, причем дублеты используются в одном и том же тексте (Восьмом послании) в применении к одному и тому же монаху — Димофилу. В этом же тексте часто встречаются и переведенные разъяснения схолиаста, и отдельные маргиналии, все так же сопоставляющие эти три славянских слова — *згодъникъ*, *рабъ* (вожи), *инокъ*, поэтому появление двойного перевода могло быть относительно случайным, но могло быть и мотивировано стремлением Исаяи усилить основной пафос Послания — критику Димофила за поведение, которое противоречило статусу монаха и как смиренного *угодника* и *раба Божьего*, и как человека, который по своему статусу должен избегать озлобленности и бунта, так как они разрушают это самое «единство и нераздельность» души, отражение в душе монаха Единого и Благого.

Как уже упоминалось выше, воспринимаемые чувствами образы Божественного — одна из центральных тем Ареопагитик. Среди большого количества греческих лексем, которым в переводе Исаяи соответствует слово *образъ* (в [11] насчитывается более 10 греческих эквивалентов этого славянского слова), одна относительно часто передается двойным переводом. Это слово *ἄγαλμα* (статуя, особенно (языческого) бога), которое, в отличие от другого слова с подобным значением *εἶδωλον*, не было столь однозначно связано с язычеством. Этим словом в его прямом значении обозначались не только изваяния языческих богов, но и статуя Христа (по крайней мере, в контексте, указанном в [19. Р. 6]). Соответственно, если из 14 случаев использования *εἶδωλον* в корпусе в 11 это слово переводится как *идолъ* или *кзмиръ* (т.е. славянскими словами с тем же значением и теми же коннотациями) и лишь в трех нейтральных *образъ*, то *ἄγαλμα* (всего 16 словоупотреблений) передается в шести случаях как *образъ*, в трех случаях как подобие, в четырех случаях *кзмиръ* и в трех случаях двойными переводами (*кзмиръ рекше образъ* (изваянъ) и *образъ рекше кзмиръ*). Слово *кзмиръ*, по данным [14; 15], имело исключительно значение языческого идола. Вполне возможно, что Исаяя прибегает к двойному переводу, чтобы нейтрализовать

отрицательные ассоциации, которые могли возникнуть у читателя при виде этого слова.

В некоторых случаях автор и/или комментатор имеет в виду именно физическую статую, а не метафорический образ (который также может обозначаться *ἄγαλμα*). В этих случаях именно лексема *кзмиръ* с пояснением или без, по-видимому, казалась переводчику наиболее подходящей. Один из таких комментариев к трактату «О Божественных именах» в главе IX рассказывает (в связи с наличием в Писании «малых» и некрасивых образов Божественного) о греческом обычае изготовления герм. В его интерпретации, гермы — это некие статуи без рук и ног, внутрь помещалось изображение бога (т.е. некрасивый внешне объект содержит почитаемый в Древней Греции образ). В греческом тексте схолии используются два наименования *ἀνδριάντας* (как второе обозначение гермы, т.е. «изваяния, не имеющего ни рук ни ног» (перевод Г.М. Прохорова [18. С. 493]) и собственно *ἄγαλμα*, которое используется в схолии и в прямом значении (статуя бога, помещенная в герму), и в переносном значении («образы богоименования» — перевод Г.М. Прохорова [18. С. 493]). Исайя в этой схолии использует двойной перевод дважды — *кзмиръ* и *образъ* (в соответствии с *ἀνδριάντας*) и *кзмиръ* *рекше* *образъ*.

Второй контекст, который требует отдельного рассмотрения, также схолия, на этот раз ко второй главе «Мистической теологии». Речь в комментируемом отрывке идет о преимуществах апофатического (или отрицательного) богословия. Для большей доходчивости Дионисий уподобляет последовательные отрицания апофатики работе скульптора, который отсекает все «лишнее» из каменной глыбы и являет красоту, спрятанную в камне. Схолиаст развивает эту идею, добавляя не только более подробное объяснение процесса изготовления подобной скульптуры, но и примеры, взятые из античной литературы. Сам переводчик или же переписчик той греческой рукописи, с которой Исайя работал, опускает упоминание язычников Гомера, Еврипида и поэта Дионисия, оставив лишь собственно описание процесса изготовления статуи (здесь и появляется двойной перевод — *кзмиръ* *рекше* *образъ* *изкаманъ*) и второй пример — очищение драгоценного камня.

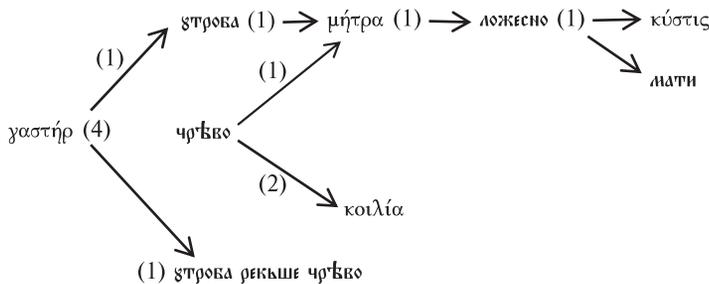
Следующая по количеству примеров группа (8 дублетов) — соединение двух этимологических переводов с помощью союза *и*. К этимологическому переводу мы относим эти случаи на том основании, что оба славянских эквивалента следуют за структурой греческого слова. Различие между вариантами в дублете может быть грамматическим (например, греческое прилагательное с *α-privativum* *ἀπόφωρος* передается в рамках дублета и сочетанием предлога с существительным, и наречием с префиксом *не-* (*вез* *цзка* и *неплицьнѣ*). Во всех примерах этой группы используются разные славянские корни, которые либо являются синонимичными (*ἐρμηνεία* — *съказание* и *тлѣкование* — оба славянских эквивалента имели значение «объяснение»), либо передают разные значения греческого слова (или корня) в рамках одинаковой морфологической структуры (например, греческое *πολυποίκιλος* передается дублетом *мьногѣразличьнѣ* и *мьногѣкѣзньнѣ* — основа греческого слова *ποικίλος* имело значения «пестрый, украшенный», с одной стороны, и «хитросплетенный, хитрый» — с другой).

К вышеописанной группе примеров примыкают три случая, когда переводчик передает дублетом два значения греческого многозначного слова, соединяя их при этом или соединительным союзом и или пояснительным словом *рекше*. Так, греческое слово *ἀκρότης* имело два взаимосвязанных, но все же разных значения: «край, оконечность» и «вершина» [20]. В переводе Исайи

используются как однословные эквиваленты этого греческого слова (връхъ (8) — коньчньствнѣво (7) — краи (и его производные) (3)), так и несколько дублетов, среди них передающий оба значения връхъ и краинѣе.

Другой пример этой группы интересен тем, что многозначное, а скорее даже синкретичное, слово греческого языка передается дублетом, состоящим из таких же многозначных или синкретичных славянских слов. Речь идет о дублете *γαστήρ* — *στρόφα* *ρηκνше* *чрѣво* в комментарии к девятому посланию (К Титу иерарху). И греческое, и оба славянских слова, по данным словарей [14; 15; 21], обозначали и брюшную полость в целом, и конкретные органы — пищеварительный и женский репродуктивный. Однако в [15], со ссылкой на «Диоптру», т.е. памятник, возникший чуть раньше по времени в той же среде, что и славянский перевод Ареопагитик, уточняется, что *στρόφα* используется в значении «материнская утроба». Можно предположить, что ко времени перевода обоих памятников (середина XIV в.) синкретизм этого понятия начал разрушаться, что подтверждается анализом словоупотребления славянских Ареопагитик. В греческом оригинале памятника *γαστήρ* употребляется для обозначения брюшной полости в целом и для обозначения, в зависимости от контекста, конкретного органа. Переводчик использует, помимо единичного дублета, два эквивалента этой греческой лексемы — *чрѣво* (четыре словоупотребления) и *στρόφα* (один раз). В то же время в тексте присутствует и другое слово — *μήτρα* с более специализированным значением (материнское чрево, матка). Его Исайя передает четырьмя разными способами (по одному разу каждый): *ложесна*, *мати*, *чрѣво* и *στρόφα*. Соотношение греческих и славянских эквивалентов представлено с использованием методики цепочки, разработанной Евгением Михайловичем Верещагиным [22] в схеме 1. Цифры перед стрелками указывают количество словоупотреблений:

Схема 1. Смысловое соотношение славянских и греческих лексем со значением «утроба, чрево, брюшная полость» в славянском переводе Ареопагитик.

Численное соотношение греческих и славянских эквивалентов позволяет наглядно увидеть, что в словоупотреблении Исайи, как и в несколько ранее переведенном памятнике «Диоптра», происходит постепенная специализация слова *στρόφα* на значении «материнское чрево, матка». Что касается контекста, в котором Исайя использует дублет для передачи *γαστήρ*, это комментарий в десятому посланию «Титу иерарху» (л. 319v издания Гильф. 46 [17. S. 662]). В этом контексте комментатор вслед за самим Дионисием разъясняет ряд библейских образов, связанных с порождающей Божественной силой. Образы могут показаться абсурдными (и в этом Дионисий видит их значение, так как видимая абсурдность позволяет скрыть высокую истину от непосвященных). Порядок следования слов в дублете (*στρόφα* *ρηκнше* *чрѣво*), как кажется,

указывает на отмеченную выше особенность слова *огтробка*. Одновременно некая абсурдность самой идеи телесного порождения Богом приводит к тому, что переводчик использует второе слово с более широким значением, тем более, что в комментарии есть отсылка к другому рода «порождениям» Божественного, не связанным с рождением в привычном нам смысле: *за еже изъ чрѣва прѣжде дѣнище родихъ те слово въ въздохъ, за еже отринувъ сердце мое слово благо/*.

И наконец, в двух (трех) случаях в переводе Исайи встречаются двуязычные дублеты, техника, которая встречается у славянских книжников еще со времен Кирилла и Мефодия. Первый пример, *аггѣль сирѣчь вѣстѣникъ* — глосса к слову *вѣстѣници* в основном тексте Послания Димофилу, в котором автор разъясняет монаху Димофилу, вступившему в конфликт с неким священником, то обстоятельство, что священник выполняет на земле ту же роль вестников священноначалия, что и ангелы — вестники небесной иерархии. Двойной перевод здесь позволяет ретимологизировать уже освоенное славянами заимствование из греческого. Во втором случае перед нами два параллельных двуязычных дублета, объясняющих «Господство» как имя Божие: *сего ради и господство Ѡ еже крѣось рѣкше извѣство и крѣо сирѣчь извѣщаю*. Знакомое славянскому монаху слово *κῆρος* (*Κῆριος*) трактуется через глагол *κρῶω* — «утверждать, укреплять», эта связь подчеркивается введением двух пар дублетов, которые имели в старославянском языке и в сербском языке времен Исайи в том числе и значение «подтверждать, укреплять» [21].

Таким образом, рассмотрение собранного эмпирического материала позволяет сделать некоторые выводы о структурно-семантических особенностях и функционировании двойных переводов в первом полном славянском переводе Ареопагитик. Во-первых, около трети переводческих пар представляют дублет в его «классическом» виде, соединяя этимологический и идиоматический переводы одного греческого слова. Наряду с такими дублетами перевод Исайи содержит некоторое количество пар, состоящих из двух этимологически верных переводов (разных способов передачи структуры греческого слова). Встречаются также и немногочисленные двуязычные дублеты, второй элемент которых поясняет исходное (этимологическое) значение уже усвоенного грецизма.

Во-вторых, можно выделить некоторые семантические «кластеры» дублетов — двойные переводы, которые характеризуют ту или иную терминологическую область, особенно передачу сложных для понимания, но ключевых для Ареопагитик, терминов «образ», «символ», «подобие» (к этой области относятся примерно 15 из 65 дублетных пар). Некоторые дублетные кластеры (*ἔυαλμα Θεραπειῆς*) появляются, вероятно, в связи с необходимостью уточнить или подчеркнуть значение выбранного славянского эквивалента или избавиться от нежелательных (например, языческих) ассоциаций.

Наконец, присутствие дублета может обосновываться многозначностью или синкретичностью греческого слова и развитием соответствующих лексических единиц в славянских языках. В таких случаях мотивировкой переводчика становится стремление передать оба значения многозначной греческой лексемы, чтобы дать читателю возможность самому решить, какое именно значение присутствует в данном случае.

Так или иначе, двойные переводы в *Corpus Areopagiticum Slavicum*, которые главным образом встречаются в комментариях к этому сложному философскому тексту, помогали читателю глубже понять запутанные богословские построения Псевдо-Дионисия Ареопагита.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Жуковская Л. П. Лексические варианты в древних славянских рукописях // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
2. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977.
3. Пименова М. В. Выражение эстетической оценки в древнерусском языке (на материале памятников литературы XI – начала XII в.) // Динамика русского слова. СПб., 1994.
4. Discenza N. G. The King's English. Strategies of Translation in the Old English Boethius. Albany, 2005.
5. Eichel A. T. Patristic Precedent and Vernacular Innovation: The Practice and Theory of Anglo-Saxon Translation. A Dissertation Presented for the Doctor of Philosophy Degree. The University of Tennessee. Knoxville, 2016.
6. Thery P. G. Hilduin, traducteur de Denys // Etudes Dionysiennes. Paris, 1932.
7. Fahl S., Fahl D., Harney J. Das nicht Aussagbare in eine Nicht vorhandene Sprache Übersetzen. Beobachtungen am Übersetzerautograph des Starec Isaija // Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert). Freiburg, 2013. Band 5. Untersuchungen.
8. Brook L. C. Synonymic and near-synonymic pairs in Jean de Meun's Translation of the Letters of Abelard and Heloise // Neuphilologische Mitteilungen. 1986. Vol. 87. № 1.
9. Hansack E. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // Die Welt der Slaven. München, 1981. Vol. XXVI.
10. Чернышева М. И. К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием «двуязычные дублеты» // Вопросы языкознания. 1994. № 2.
11. Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert). Freiburg, 2012. Band 4.1, 4.2, 4.3 Indices.
12. Fahl S., Fahl D. Doppelübersetzung des Corpus Areopagiticum durch den Mönchgelehrten Isaija // Многократните преводи в Южнославянското Средневековие. София, 2006.
13. Речник на грчко-црквнoслoвeнски лексички паралели. Скопје, 2003.
14. Словарь старославянского языка. В 4-х т. Репринтное издание. СПб., 2006.
15. Miklosich Fr. Lexicon Palaeslovenico-Graeco-Latinum. Vondobonae, 1862–1865.
16. Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. Л., 1989.
17. Das Corpus des Dionysios Areiopagites in der slavischen Übersetzung von Starec Isaija (14. Jahrhundert). Freiburg, 2011. Band 2.
18. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника (в переводе Г. М. Прохорова). СПб., 2002.
19. A Patristic Greek Lexicon / Edited by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.
20. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. Репринт V издания 1899 г. Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина. Москва, 1991.
21. Даничић Д. Ж. Рјечник из књижевних старина српских. Београд 1863–1864. Кн. 1–3.
22. Верецагин Е. М. Выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян с помощью методики «цепочки» // Советское славяноведение. 1978. № 1.

ВОСПОМИНАНИЯ Е.Л. НЕДЗЕЛЬСКОГО –
РУССКОГО ЭМИГРАНТА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

© 2019 г. И.И. Поп

*Dr.Sc., Чехия**E-mail: ivpapp@seznam.cz*

Статья посвящена ранее не издававшимся воспоминаниям русского эмигранта в Праге филолога и этнолога Е.Л. Недзельского. Особое внимание уделяется анализу его работ о Подкарпатской Руси.

The article dedicated to the not published memoirs of Russian emigrant in Prague, philologist and ethnologist Evgeni L. Nedzelski. Special attention paid to the analysis of his works about Carpathian Rus'.

Ключевые слова: Чехословакия, русская эмиграция, Подкарпатская Русь.

Keywords: Czechoslovakia, Russian emigration, Carpathian Rus'.

DOI: 10.31857/S0869544X0005438-4

Автобиография Евгения Леопольдовича Недзельского возвращает читателя в бурную и одновременно трагическую первую половину XX в. Несмотря на краткость, свидетельство автора, литератора русского «серебряного века», участника революции и Гражданской войны в России, русского эмигранта в первой Чехословацкой республике, активного участника культурных и политических процессов в Подкарпатской Руси, чрезвычайно ценно. При этом следует подчеркнуть, что его оценка и анализ событий, участником которых он был, неординарны, как и сама личность Е.Л. Недзельского.

Неординарно уже само происхождение автора. Потомок польского революционера, борца за возрождение разделенного в конце XVIII в. между Россией, Пруссией и Австрией Польского государства, стал убежденным русским, точнее великорусским патриотом, истинным либеральным демократом, осудившим как доктрину большевистских революционеров, так и их противников, участников «белого движения» в российской революции. Не поддался он и демагогии как справа, так и слева на бурной политической арене первой Чехословацкой республики, резко осудил фашизм и авторитаризм, отказался от предложенной ему блестящей карьеры ученого-исследователя в Карловом университете в Праге, предпочел ей просветительскую работу в самой отсталой

провинции Чехословакии, Подкарпатской Руси. Такой человек в тот период не мог быть баловнем судьбы, в то же время, следует сказать, ему везло и не везло.

В студенческой юности и в эмиграции Недзельский находился в кругу русских поэтов, писателей, художников и ученых, создавших славу русской культуры XX в. В то же время его собственные крупные работы («Похоронные жалобные песнопения у славян», «Беженцы государства Российского», монографическая работа о подкарпатских вышивках и их классификации, «Гитлер Украины» (заметки о так называемой Карпатской Украине) затеряны в эмигрантских издательствах и их архивах или попали в недоступные для исследователей архивы секретных служб Венгрии и СССР. Потеря этих работ и воспоминаний — утрата не только для автора, считавшего ее своей «литературной смертью», но и для науки в целом. К счастью сохранились основные работы Е.Л. Недзельского по проблематике Подкарпатской Руси («Очерк карпаторусской литературы» («Введение в историю карпаторусской литературы»), «Угро-русский театр», «Сучасни руськи художники», «Похороны и причитания в Подкарпатье. Из уст народа»). Последнюю можно смело поставить в один ряд с монографией русского этнографа П.Г. Богатырева «Магические действия, обряды и верования Подкарпатской Руси».

Каждая из работ Е.Л. Недзельского уникальна по собранному материалу и его осмыслению автором. Перипетии написания и их издания могли бы составить материал для романа фактов из истории Подкарпатской Руси 1930-х — первой половины 1940-х годов. К сожалению, в советский период истории края они были табуированы. Некоторые советские «исследователи» тем не менее использовали фактический материал работ Недзельского, «скромно» не сославшись при этом на их автора и не поняв его оригинальных выводов. Изучение их, а также места Недзельского в жизни русской эмиграции и культурных процессах на Подкарпатской Руси — дело будущего.

Нельзя не признать меткости характеристики Недзельским действующих лиц на культурной и политической сцене Подкарпатской Руси того периода: русинский деятель Е. Сабов — благородный человек, не терпящий лжи; русский лингвист русинского происхождения Г.Ю. Геровский (внук русинского деятеля XIX в., двоюродный брат великого русского художника и историка русского искусства И.Э. Грабаря) — исследователь довольно ленивый; русский историк профессор А.Л. Петров — карпатовед-русинист, прикрывающий свою провенгерскую интерпретацию древней истории русин позитивистской философией; русинский политический деятель С. Фенцик — непомерно честолюбивый, фашиствующий, злопамятный политический авантюрист, не брезгающий фальсификацией данных о деятельности возглавляемого им «Общества им. А. Духновича» и доносами на неудобных ему лиц; первый премьер автономного правительства Подкарпатской Руси А. Бродий — прямая противоположность Фенцику — благородный человек, помогавший в период войны в Венгрии жертвам полицейского преследования; директор Подкарпатского общества наук (ПОН) И. Гарайда, мадьяризованный и колонизированный русин, человек высокой культуры; славист Д.Н. Вергун — ученый-фантазер и др.

Е.Л. Недзельский беспощаден, но объективен в оценке деятельности руководства близкого ему «Общества им. А. Духновича». Большинство деятелей этого общества, за исключением Е. Сабова и Н. Бескида, в глазах Недзельского — прожектеры. Функционирование читален «Общества» на местах было делом местных энтузиастов, признает автор автобиографии.

Столь же критичен Недзельский и в оценке политической ситуации в Подкарпатской Руси в период первой Чехословацкой республики: «Среда, в которой я вынужден был работать и события в крае тех лет носят прямо таки анекдотический характер». Оценка эта справедлива, ведь в крае, в котором чехословацкая администрация в 1920 г. насчитала свыше 50% неграмотных, спустя десять лет было зарегистрировано 45 политических партий, полтора десятка культурных и прочих обществ, в школах преподавание велось на семи языках, при том культурно-политические направления — русинское, украинское и русское — вели между собой беспощадную борьбу за влияние на русинское население. Русинское общество явно было не готово к восприятию идей и принципов либеральной демократии. Недзельский понимал, что лидеры некоторых течений получали денежные «дотации» из Венгрии, Польши и Германии.

Тем не менее он с большим уважением относился к русинскому народу и его культуре. «Размышляя обо всем этом как бы со стороны, — писал он, — после всего, что произошло за последние четверть столетия, знакомства с людьми этого клочка земли и его народа, я пришел к убеждению, что именно они являются той, сохранившейся от давних веков, древнейшей частью рассеянных восточных славян и Руси». Более того, он считал Карпаты прародиной славян на основании того, что в обычаях, народной культуре и языке русин обнаружил много архаических черт и элементов, которых уже не было у других славянских народов. Наличие таких черт современные русинисты объясняют почти полной изоляцией карпатских русин на протяжении тысячелетий, отделенных от славянского массива с востока Карпатскими горами, а с юга и запада уграми-мадьярами и румынами. К тому же территория их обитания в Венгерском королевстве и Австрийской империи занимала маргинальные позиции в политическом, культурном и экономическом отношении. Это способствовало консервации патриархальных отношений в русинском обществе и сохранению древних обычаев и языковых архаизмов.

Недзельский высказал смелую для своего времени гипотезу о ранней, по сравнению с восточнославянским массивом, христианизации русин миссионерами из числа учеников солунских братьев Кирилла и Мефодия (конец IX в.). Поражает его новаторская интерпретация государственности восточных славян. Недзельский считал, что у восточных славян в Средние века было не единое государство, а «существовали целый ряд княжеств с русским населением, которые иногда объединялись для совместной обороны от внешней опасности. Порой силой объединялись Галичское княжество с Киевским, а в конечном итоге с Московским, но в силу личных амбиций князей такие объединения вскоре распались. Однако общенациональных стремлений к объединению, в интересах всей Руси, не было». Таким образом получается, что Киевская Русь как единое государство есть плод воображения русских, украинских и белорусских историков? Представив себе картину княжеских распрей, независимого функционирования на протяжении семи столетий феодальных городов-республик Новгорода и Пскова, можно согласиться с таким выводом Е.Л. Недзельского и признать его оригинальность. Да, конечно, жители этих княжеств и городов были русичи и очевидно сознавали свое родство. Но это родство было тем единством в многообразии, благодаря которому во взаимном соперничестве Киев, Галич, Чернигов, Новгород, Псков, Владимир, Суздаль, Переславль Залесский, Москва создали великую в многообразии и в то же время в единстве древнерусскую культуру как составную часть культуры человечества.

Только подкарпатских русин в этом процессе не было. Они с X в. жили в составе полиэтнического Венгерского королевства, правители которого, вопреки утверждениям марксистской историографии, не пытались их ни мадьяризовать, ни латинизировать. Ведь официальным языком в королевстве была нейтральная латынь, а магнатам не было дела до того, на каком языке изъясняются и молятся их крепостные. Концепцию полиэтнического государства во главе с династией Арпадовичей заложил первый ее король Стефан (Иштван) I, и ей следовали все его потомки.

Нынешним сторонникам фантастических «теорий» о чуть ли не «извечности» украинской государственности, конечно, не понравится полное ее отрицание Е.Л. Недзельским. Только здесь есть одно важное обстоятельство — Евгений Леопольдович был прямым свидетелем хилых потуг «розбудови держави» украинских государственныхников в 1917—1920 гг. «Карпатскую Украину» 1938—1939 гг. он считал анекдотом. Отсюда его категоричность в оценке государствообразующей способности «украинов», как он их оригинально называл.

Столь же беспощаден, а порой и язвителен, автор автобиографии в оценке национально-государственной политики русского царского самодержавия. Именно на примере его отношения к русинам и их лидерам, в частности А.И. Добрянскому он продемонстрировал первичность государственных и геополитических интересов царей и проводников их политики, их неприятие идеи так называемой славянской общности.

Также Е.Л. Недзельский вводит нас, хоть и скупо, в атмосферу фактического функционирования русинской культурно-национальной автономии в Венгрии в 1939—1944 гг. В отличие от марксистской и вторящей ей современной украинской историографии он характеризовал режим М. Хорти не как фашистский, но консервативный, авторитарный, многопартийный, парламентный режим, а венгерских фашистов регент держал в тюрьмах вплоть до оккупации Венгрии немецкими войсками в марте 1944 г. В одной из них некоторое время был заключен по сфальсифицированному обвинению и Е.Л. Недзельский, подчеркнувший в воспоминаниях, что видел там только коммунистов и фашистов. А его невиновность сумела доказать русская дворянка, супруга венгерского премьер-министра П. Телеки.

Умер Е.Л. Недзельский 27 мая 1961 г. в Праге в больнице «На Франтишке».

Исповедь русского эмигранта

Мои дорогие!

Чувствую, что близок мой конец, хотя в духе всячески этому сопротивляюсь. После длительных размышлений решил выполнить Вашу просьбу и написать свою автобиографию. Делаю это не для того, чтобы меня после смерти славословили, ибо ни у меня, ни у моих близких такой потребности нет. Пишу это с той целью, чтобы в будущем у Вас в руках было мое личное свидетельство о том, кем я был и чем руководствовался в своей жизни и деятельности на тот случай, если какие-нибудь писаки попытаются очернить мое имя.

Я родился в экономии Ивановка у села Черный Хутор, Ульяновского уезда, Сумского округа, Харьковской губернии. Мой прадед со стороны отца был участником восстания 1830 г.¹ и как австрийский подданный бежал в Россию, в Житомире купил небольшое имение.

¹ Автор ошибается, восстание 1830 г. было в русской части разделенной Польши. Поскольку его прадед был австрийским подданным, то он по всей вероятности был участником восстания 1846 г. в Кракове, подавленного австрийскими войсками.

Дед получил образование в русской гимназии, хорошо знал проблемы сельского хозяйства и получил место в одном из поместий сахарозаводчика, будущего русского миллионера Харитоненка. Дед жил в селе Пахомовка, Ахтырского уезда, Харьковской губернии. У него было 9 детей, все дочери закончили гимназию, сыновья получили высшее образование, кроме самого старшего, моего отца Леопольда Александровича. Дед записал его в гимназию в Сумах, однако он едва окончил два класса и был исключен по причине «шумного поведения и посредственных успехов», как он сам вспоминал. Однако отец был человек больших организационных способностей и неумной энергии. Дед добился для него места практиканта в Николаевском поместье того же Харитоненка. Вскоре он стал ведущим хозяйства, затем управляющим Николаевского поместья, а в дальнейшем управляющим нескольких поместий. Знания приобретал путем самообразования, перечитал всех русских классиков, а также многих польских авторов. У него было семеро детей, я был самым старшим. В настоящее время (1960 г.) никого из них уже нет в живых, возможно только сестра Нина. Брат Борис, автор книги «Пушкин в Крыму» был профессором, деканом филологического факультета в Кисловодске. В период «ежовщины»² был арестован, неизвестно по какому поводу, больше мы о нем не слышали. Брат Глеб писал и публиковал стихи, погиб в годы Первой мировой войны.

Мою мать звали Варвара Федоровна Холявина. Полная фамилия ее отца, мелкого помещика из Белок, что у Харькова, была «Холява Якцур та ще і Кислиця». Когда на Украине оказалось больше польских дворян чем русских (все беженцы из Польши заявляли, что они дворяне), дед по матери также заявил, что он дворянин по фамилии Холявин.

Мама закончила гимназию в Харькове. Директором гимназии была ее родственница, украинская поэтесса Христиана Альчевская. Я был представлен старушке, когда мне было пять лет, говорил я по-русски, она мне тогда подарила бумажник шитый бисером. Брат моей матери был художник, Николай Фед. Летом часто гостил у нас, благодаря ему я заинтересовался живописью. Мама также рисовала цветы, играла на пианино. Читать и писать научила нас она. Дома мы говорили по-русски, иногда пели украинские песни, по-польски отец говорил только с польскими гостями и с ксендзом, дважды в году приезжавшим за «подарками для церкви». Мы все были к религии индифферентны. В такой атмосфере прошло мое детство.

Я родился 3 ноября 1894 года. Записали меня в Александровскую гимназию в Сумах в 1904 году, ее я закончил в 1913 году с золотой медалью. В годы учебы в гимназии я увлекался рисованием, писал маслом этюды и был поклонником французских импрессионистов и постимпрессионистов (Манэ, Сезанн, Дега, Гоген и др.). Стихи я начал писать еще до поступления в гимназию. Уже как гимназист я посылал свои стихи в редакцию газеты «Сумской Вестник», печатали их под псевдонимом Евг. Осенев. Писал я также поэмы, на 10–12 страниц (Ричард Львиное Сердце и др.), но их я редакциям не предлагал. Я буквально глотал современную русскую и иностранную литературу, выходящую в издательстве «Антик», польских авторов киевского издательства Идзиковского. Летом участвовал в любительских спектаклях, ставили мы русские и украинские пьесы. Исполнял я комические роли и часто клоуничал.

² Имеются ввиду сталинские репрессии 1936–1937 гг. под руководством народного комиссара внутренних дел Ежова, впоследствии также расстрелянного.

Мои родители настаивали, чтобы я стал инженером. Я сдал конкурсные экзамены в Политехнический институт в Санкт-Петербурге на отделение судостроения, а также в Институт гражданских инженеров, куда я поступил и сдал потом многочисленные экзамены по учебным предметам.

В феврале 1914 года после сдачи экзаменов по математике, химии, физике, архитектуре и др. я понял, что инженерное дело меня не интересует, я его как-то не воспринимаю как свой удел, меня больше притягивают гуманитарные науки.

Преодолев внутреннюю борьбу и борьбу внешнюю с родителями и администрацией Института я оставил Санкт-Петербург и осенью 1914 года начал посещать лекции на филологическом факультете Московского университета. С большим рвением я начал изучать историю, литературоведение и историю искусства. В течение трех лет я выполнил всю программу необходимую для сдачи государственных экзаменов. Кроме сравнительной грамматики славянских языков в качестве диссертационной темы я выбрал «Похоронные обычаи русских племен» (так в оригинале. — *И.П.*). Эту работу я уже фактически сделал на семинаре у профессора С.К. Шамбинаго, так что у меня было достаточно времени для литературного творчества. В 1915 году студенты организовали «Издательство молодых», которое приняло к печати книгу моих стихов «Радость в страдании». Однако издательство затягивало с какими-то организационными формальностями и книга вышла вне его. Хорошие отзывы на мою книгу были опубликованы в журнале «Млечный путь» (Москва) и в газете «Утро» (Харьков). Авторитетный в те годы «Журнал журналов», процитировав из моей книги несколько фраз написал, что за такую идейную направленность автора книги следовало бы хорошенько отлупить.

Редактор журнала «Млечный путь» Алексей Михайлович Чернышев, поэт скромного дарования, банковский работник и его брат Николай питали ко мне симпатии, и я был постоянным участником их живых редакционных встреч. Этот скромный журнал предоставил свои страницы многим тогда начинающим литераторам и художникам. На его страницах можно было встретить имена П. Антокольского, Амфиана Решетова, Сергея Спасского (переводил также стихи грузинских поэтов), художника Федора Богородского (позже народный художник СССР), Сергея Буданцева, Сергея Есенина, Надежды Павлович и др. Воспоминания об этом публиковались на страницах журнала «Своими путями» (Прага, 1935–1936).

На страницах тоненького журнала «Млечный путь» появилось и мое имя, поэта студенческих лет. В 1915–1917 гг. здесь было напечатано десять моих произведений. В 1917 году мою поэзию печатали более солидные журналы: «Журнал для всех», «Заветы». Вспоминая события тех лет и выходявшие тогда книги, сугубо эстетическое восприятие поэзии тогдашней молодежью вплоть до использования какого-то «внесмыслового языка», я могу уверенно сказать, что меня это не удовлетворяло. Я стремился строить свои поэтические произведения в тесной связи с реальной жизнью, с войной, социальными и цивилизационными переменами. В сборнике «Радость в страдании» (имеется в Славянской библиотеке и Библиотеке чехословацких писателей в Праге) стихи «Плачь, плачь по зеленому леску, Утираясь вышитым платочком» были посвящены «Украине», но цензура вычеркнула это посвящение.

Украинский язык я воспринимал как диалект русского, который вследствие недальновидности чиновников и пассивности русской интеллигенции как бы

не принимался во внимание. Это вызвало появление искусственной украинской идеологии, поддерживаемой немцами и поляками, преисполненной сепаратизма и шовинизма. Вы лучше это понимаете, чем советские академики, которые дождались того, что понимание единства Руси было стерто с лица земли. Результаты этого чувствовали и чувствуем и мы, наше поколение. Я уверен, что пройдет еще много лет, пока российские академики поймут, что им, как русским, не пристало занимать нейтральную позицию невмешательства, ибо это противоречит их моральной национальной обязанности — формировать культурное единство всех русских на земном шаре, заботиться о всех тех, которые считают себя русскими при том так, как это делают чехи, поляки, венгры и другие народы. Примером могут послужить Я. Головацкий, А. Добрянский, Н.В. Гоголь, Т. Шевченко, В. Короленко, И. Франко и все подкарпатские русинские будители.

Уехал из Москвы в июне 1917 года, вернуться туда мне уже суждено не было. Наша семья в то время жила в Сумах, время было революционное, царил всюду хаос, нужно было помогать семье. Зимой 1917/1918 г. начала формироваться большевистская «Радянська Україна», я работал в отделе обеспечения. Весной 1918 г. началась немецкая оккупация³: генерал Гоффман⁴ пришел грабить Украину. Слабая Красная Армия отступила без особого сопротивления. На смену большевистскому Совету в Киеве появилась «Рада» самостийно-немецкого режима, не пользовавшаяся никаким авторитетом. Во время заседания этой «Рады» ее окружила (с позволения немцев) толпа так называемых хлеборобов, собранная помещиками. «Хлеборобы» отстранили «Раду» и избрали гетманом Скоропадского. Помещики ликовали. Немцы активно грабили крестьян, вызывая ненависть к их прислужникам помещикам. Лето 1918 г. я провел в поместье Харитоненка, в селе Александровка. Генерал Гоффман дважды посетил это поместье вместе со своим штабом. На встречу с ним сюда съезжались помещики из соседних поместий, по-немецки не понимали, но дружно пили водку «за дружбу».

Ограбив Украину и потерпев поражение на западном фронте, немцы ушли восвояси. На их месте появились немецко-польские банды Петлюры. Были настолько слабы, что даже не пускались в очередной грабеж. Покрутились в городах и селах и исчезли неизвестно куда. Затем вновь пришла Красная Армия, которую приветствовали всякие «украины», надеясь, что она установит порядок. Я был принят на работу в отдел народного образования в Сумах. Вначале начальником отдела был учитель из Суджи Бубель, вскоре его заменил крестьянин из села Ястребиное Крыловецкий, человек умный, больших организационных способностей. Я организовал секцию искусств, национализировал три театра, библиотеки, открыл музей, который взял под охрану художественные коллекции из разных поместий. Директором музея я назначил профессора Московского высшего технического училища Федорова. Не имея опыта в семейных делах актеров, я назначил начальником секции театров местного антрепренера П. Голубева. В это время по партийной линии из Москвы был прислан старый актер оперетты, большевик с довоенным стажем семидесятилетний Исидор Лангфельд, хорошо разбиравшийся в театральных делах. Во

³ После подписания Брест-Литовского мира украинской Центральной Радой Германия и Австро-Венгрия стали «союзниками» УНР и ввели свои войска на территорию Украины.

⁴ Генерал Гоффман — главнокомандующий объединенными германскими и австро-венгерскими войсками, оккупировавшими Украину.

всем остальном он полагался на меня. Это был прекрасный специалист и человек с большим жизненным опытом.

Между тем неизвестно по какой причине был арестован мой отец. Хождения по его делу, работа и заботы о семье напрочь оторвали меня от литературных занятий. Судили отца неизвестно за что, партийный деятель, прокурор Боровский, отказался составить против него обвинение. Не было никаких свидетелей, которые бы обвинили в чем-то отца. Тем не менее суд признал отца виновным и осудил его как «контрреволюционера» к принудительным работам. Приговор был бессмысленным. Поскольку я и мой младший брат Анатолий, работавший в юридическом отделе, встречались с судьями по долгу службы, отца по нашей просьбе никуда не отослали, оставив в местной тюрьме, куда мы ему ежедневно носили еду. Но тут красные начали уходить из Сум под напором Добровольческой армии и председатель суда большевик Алхимович отпустил отца на свободу.

За весь этот период я написал несколько глав «Лирической поэмы». Одна глава – «Адам, ты изгнанник из рая...» – была опубликована в журнале «Луч» издательства Кооперативного союза в Сумах, а другая – в журнале «Маковец» в Москве (переименованный «Млечный путь») в 1918 г. Этот номер я случайно обнаружил в Славянской библиотеке в Праге. Мои стихи были опубликованы также в альманахе «Без сердца» (Москва, 1918). Некоторые свои произведения я посылал поэту Амфиану Решетову (псевд. Н.Н. Барютина), моему московскому приятелю, который публиковал их без моего ведома. Весной 1918 г. я решил издать в Сумах книгу стихов против войны «Завоенный плач». Она была напечатана в издательстве «L'usage bleu» («Голубая птица») с согласия поэта Г. Швенгелиба, сотрудника журнала «Искусство», проживавшего тогда в Харькове. Книга была отпечатана, но пришла Добровольческая армия, печатная продукция издательства была конфискована, в том числе и моя книга, и уничтожена. Сохранилось только десяток экземпляров. Где они сейчас? Журнал «Маковец» и альманах «Без сердца» в 1936 или 1937 году я дал читать А. Фариничу⁵, однако он мне их не вернул, будто бы у него их «украли».

При большевиках мы организовали в Сумах народный университет, в котором я успел выступить с двумя лекциями на тему теории театрального искусства. Побывал я на допросе и в местной ЧК. Я подписал письменный приказ на выдачу 5 литров чистого спирта «для промывания париков», в чем по мнению доносчика не было потребности. На мою защиту выступили актеры и подтвердили, что спирт я выдал по их просьбе и по требованию местного военкома. Они готовили представление для мобилизованных, а необходимые для этого представления парики были грязные.

Летом 1919 г. в город вступила Добровольческая армия Деникина. В первый же день меня как случайного прохожего прямо на улице поймали и «мобилизовали» в ее ряды. Через две недели нас погнали на фронт у Бобрика в 70 км от Сум.

Жестокое преследование большевиками помещиков и фабрикантов меня возмущало, но сцены мучений добровольцами-дроздовцами крестьян и тех, кого они считали большевиками перечеркнули самые худшие мои ожидания. Поэтому я решил бежать и скрываться дома. Я страдал сильной близорукостью и решил обратиться к главному врачу в больнице с просьбой, чтобы

⁵ А. Фаринич – русинский литератор.

меня направили на медицинскую комиссию. Врач оказался бывшим студентом Московского университета, мы вспоминали наши студенческие годы и он мне написал поручение на комиссию в Сумы. Комиссия меня освободила от службы в армии и я начал готовиться к государственным экзаменам в Харьковском университете. Размышляя над виденным я пришел к выводу, что так называемое белое движение как Колчака, так и Деникина есть ничем иным как реставрацией власти крупного капитала, а народные массы только и ждут возвращения большевиков надеясь, что от них они получают помещичьи земли.

В ноябре 1919 года я поехал в Харьков в надежде закончить университет, но в городе я попал в атмосферу панического бегства «белых». Меня и моего младшего брата захватили прямо на улице и вновь «мобилизовали». Брат вскоре во время похода заболел тифом и умер, а я на коне без седла одолел 600 верст. Из Крыма нас перебросили на Кубань, откуда мы вновь спешно бежали в Крым. В одном из городов меж горящих складов и бегающих по улицам сотен брошенных лошадей я упал и разбил очки. Наступила тьма, ночь. Мимо случайно проходило какое-то отделение солдат и я присоединился к ним. Пароходы в порту были переполнены, трапы убраны. Мы сели в какой-то баркас с одним веслом и отплыли от берега. Не успели отплыть 30–40 метров как сломалось и то единственное весло. Мы к тому же оказались под обстрелом с берега, вертясь почти час на одном месте. Тут подплыл еще один баркас, взяли нас на борт и высадили на пароход «Кагул», на котором мы приплыли в Феодосию. В Крыму всем было ясно, что «белое движение» потерпело поражение и что союзники (англичане) оружия нам не дадут. Но весной тем не менее началось наступление из Крыма. Силы были неравные. Никто нас уже не воспринимал как «освободителей». В августе 1920, уже в тылу, на пути к Покровке Мелитопольского уезда я был ранен в голову. Пуля прошла от виска к виску, скользнула по лбу и перервала глазной нерв правого глаза. Из укрытия в степи стрелял китаец из японского пулемета образца 1905 года. Японская пуля оказалась «интеллигентной», благодаря этому я остался жив. Меня отправили в тыл, почти слепого поставили у прядильного станка на фабрике в Симферополе. Во время эвакуации остатков войск Врангеля как инвалид я попал на пароход и оказался в организованном англичанами лагере Тузла в Малой Азии.

Для лечения глаза меня отправили в декабре 1920 г. в больницу в Константинополь (Стамбул). Здесь я находился до декабря 1921 г., откуда затем выехал для завершения образования в Прагу. В Константинополе я продавал цветы на улицах, собирал и относил белье в американскую (в действительности еврейскую) прачечную, посещал собрания кружков писателей и поэтов «Зеленая лампа», декламировал стихи в «Русском маяке», находившемся под покровительством американской церкви методистов. Я даже организовал лекцию на тему «Народная поэзия и революция» (см. журнал «Воля России», Прага, 1924, № 4, 5). Созданный там «Цех поэтов» объявил в печати выход моей книги стихов «Патриотический ямб» (повторно конфискованного «Завоенного пласа»). Тут русских начали рассылать из Константинополя и «Цех» распался. Перед отъездом в Прагу из Константинополя я был арестован с обвинением в краже предметов из посольской церкви (об этом я писал в газете «Руль», Берлин, № 2799, февраль 1930 г.).

В Праге меня ждали организационные трудности. Дело в том, что у меня имелось только косвенное доказательство обучения в Московском университете, а именно, справка об освобождении от службы в армии 1917 г. Тем не менее она была признана и, ознакомившись с программой Карлова университета,

я записался на философский факультет, изменив при этом свою специализацию: вместо русской литературы я начал изучать славянские литературы, специально чешскую, в качестве второй специальности с намерением написать диссертацию на присвоение ученой степени доктора философии я избрал историю искусства у И.П. Кондакова⁶ и К. Хитила⁷, археологию у Л. Нидерле⁸. Только в 1925 г. мне чудом удалось получить из Московского университета мою зачетную книжку. Мне были признаны сразу четыре семестра и я решил сдать экзамены на получение степени доктора философии. Но тут обнаружилось, что согласно новым правилам нельзя кумулировать археологию и историю искусства с литературой, поэтому мой выбор пал на чешскую историю. Тему докторской диссертации я взял у Я.Г. Махала⁹, а именно: «Похоронные жалобные песнопения у славян». Над этой темой, как я указывал выше, я работал еще в Москве. Мне пришлось ее только расширить и использовать дополнительные записи фольклора славянских народов. В ходе работы у меня возникла идея вложить также записи и сообщения о песнопениях над мертвыми у всех народов от 12 века до н.э. (Гильгамеш и Ингрид, Библия и др.) до 1924 г. Меня эта тема интересовала не только как изучение фольклора с литературной точки зрения, но и как народная драматургия (Олонекские плакальщицы, сербские тужбалицы), а также народных верований. Мною были детально изучены тексты, разделены по мотивам и темам. В отдельной главе я показал, что ни у одного славянского народа я не обнаружил веры в загробную жизнь и посмертную встречу. Крестьянская же терминология у славянских народов только вскользь, весьма скупо, отмечает понимание жизни и смерти. Я также подчеркнул, что известный «Плач Ярославны» из «Слова о полку Игореве» мне представляется как произведение чисто индивидуального творчества. Работа получилась объемом 280 страниц (старого большого формата) текста с цитатами на семи славянских языках, что представляло в то время исчерпывающее исследование на эту тему.

Рецензенты профессора Я.Г. Махал и В.А. Францев¹⁰ высоко оценили мою работу. В.А. Францев подчеркнул, что я написал работу на звание магистра, для получения звания доктора философии достаточно было первых 3–4-х глав. Он рекомендовал работу для публикации в изданиях Чехословацкой академии наук. Я сразу же обратился в издательский отдел академии, но там только развели руками, список желающих издать свои работы был заполнен на несколько лет вперед. В.А. Францев, член академии, заметил, что если бы такую работу написал немец, то в Германии она была бы сразу же издана. Ну что ж, сказал он, подождем, когда такую работу о славянах напишут немцы! Я же не особенно печалился, потому как не чувствовал себя ученым и не хотел им стать. В 1935 или 1936 г. я вспомнил об этой работе и предложил ее для публикации в типографии «Школьная помощь» в Ужгороде. Получив рекомендацию профессора Францева типография, вернее общество «Школьная помощь», согласилось опубликовать мою работу. Однако когда дело дошло до набора текста, то оказалось, что в Ужгороде это сделать невозможно. К многочисленным цитатам на сербском, хорватском, польском и других языках типография

⁶ И.П. Кондаков – русский историк культуры, организатор семинара «Кондаковианум» в Праге.

⁷ К. Хитил (1857–1934) – чешский историк искусства.

⁸ Л. Нидерле – чешский археолог, этнограф, историк и славист и антрополог, профессор Карлова университета.

⁹ Я.Г. Махал (1855–1939) – чешский славист, историк литературы.

¹⁰ В.А. Францев (1867–1942) – русский славист, в эмиграции профессор Карлова университета в Праге.

не располагала кассой наборного материала. Увы, копия этого интересного научного труда погибла в период венгерского «освобождения» Подкарпатья (1939). Имеется единственный экземпляр в архиве докторских диссертаций за год 1926 филологического факультета Карлова университета в Праге. Это была моя «преждевременная литературная смерть» № 1.

В период моего пребывания в Праге и Подкарпатской Руси в 1922–1936 гг. я публиковал свои литературные произведения (стихи, рассказы, описания раннего периода эмиграции, эссе, не касающиеся Подкарпатской Руси) под собственной фамилией Евг. Недзельский в следующих изданиях: альманахах «Младорусь» (книга 1 и 2), «За рубежом», Прага, 1922, «Записки наблюдателя», Прага, 1926; в газетах «Дни», Берлин; Париж, 1923–1927, «Руль», Берлин, 1924–1936; в журналах «Студенческие годы», позже «Годы», Прага, 1923–1926; в ежемесячниках «Воля России», Прага, 1924–1927, «Своими путями», Прага, 1924–1927, а также в других изданиях. Переводы стихов и статей на русский язык, касающихся чешской литературы я публиковал под собственной фамилией или под псевдонимом И. Средин в еженедельнике, позже ежемесячнике «Центральная Европа», Прага 1925–1937. Немного сохранилось у меня. Если мне хватит сил, то оставшееся разложу по папкам или оставлю отдельные издания. По предложению редактора газеты «Руль» и редактора «Архива русской революции» Й.В. Гессена я написал и передал в издательство в 1926–1927 гг. рукопись книги «Беженцы Государства Российского» (10–12 печатных листов), которая должна была выйти как самостоятельная, богато иллюстрированная книга с фотографиями с пяти континентов. Я описал в ней эвакуацию, жизнь в лагерях и первый период мытарств русских, вернее российских беженцев в 1917–1924 гг. Книга была принята к публикации и ждала своей очереди. Где-то в 1930 г. я узнал, что из-за издания моей книги в «Архиве» между Гессеном и одним из руководителей «Архива» Набоковым возник конфликт из-за того, что я не показал в книге целый ряд авантюр в среде беженцев и критически высказался в отношении «Галлиполийского сидения»¹¹. Гессен был иного мнения и решил издать книгу в издании «Слова» и попросил меня, чтобы я пролистал книгу еще раз. Мой ответ был отрицательным, кроме того я предложил дополнить ее статьями «Народная поэзия в годы революции» («Воля России», 1924, № 5, 6), «Богатыри старшие и младшие» (собрание анекдотов из первого периода эмиграции). В начале 1935 г. я опубликовал ее в редактируемом мною «Русском народном голосе» в Ужгороде. Добавил также статью «Язык Добровольческой армии» (опубликована в газете «Дни» в Берлине в 1924 г.). Книга была передана в набор, но ее дальнейшая судьба мне неизвестна. В Германии к власти пришли гитлеровцы, издательство «Ульман», с которым был связан Гессен, по всей вероятности было закрыто. Гессен умер. «Архив» насколько мне известно и его материалы вывез в Англию или США молодой В. Набоков, пишущий на английском языке. Однако установить с ним связь мне не удалось. Он один мог знать, где находятся материалы «Архива» и «Слова». В Варшаве умер сын Й.В. Гессена, профессор филологического факультета С.Й. Гессен. Мы с ним часто встречались в Праге, однако о его пребывании в Варшаве я узнал только из сообщения о его смерти. Из моей книги опубликованы были только две главы, а именно «Мемуары лагерей» («Воля России», Прага, 1925 или 1926) и «Иностраннный легион» («Своими путями», Прага, 1925, № 8–9). Другие мои статьи, касающиеся эмиграции, опубликованные в этом журнале,

¹¹ Галлиполи – полуостров в Дарданелах в европейской части Турции, где был размещен лагерь беженцев армии Врангеля.

к книге имеют косвенное отношение. О статье об иностранном легионе высказало недовольство Министерство иностранных дел ЧСР с указанием, что на нее «обратил внимание» военный атташе французского посольства. Но статья была написана в полном соответствии с фактами, на основании писем моего брата и других легионеров. Часть писем сохранилась в папках моего архива¹².

Так была потеряна книга о беженцах и это была моя «литературная смерть» № 2. Из всего материала сохранилась только тетрадь первоначальных набросков. В виду состояния моего здоровья я вряд ли смогу ее восстановить для задуманной обширной книги «Записки беженца». Все опубликованное в вышеуказанных изданиях находится в Праге в Славянской библиотеке и библиотеке Национального музея. После получения докторского титула я оставался еще в Праге (конец 1926, начало 1927 г.), точнее в Радошовицах возле Ржичан. В феврале 1927 г. по приглашению «Общества им. А. Духновича» я выехал в Ужгород.

Не буду детально описывать свое пребывание на Подкарпатской Руси. В многих аспектах среда, в которой я вынужден был работать и события в крае тех лет носят прямо таки анекдотический характер. Размышляя обо всем этом как бы со стороны, после всего, что произошло за последние четверть столетия, знакомства с людьми этого клочка земли и его народа, я пришел к убеждению, что именно они являются той, сохранившейся от давних веков, древнейшей частью рассеянных восточных славян и Руси. Если мне здоровье позволит, то попытаюсь описать эти следы. Короче, мне представляется следующая картина. После татарского нашествия в XIII в. Белоруссия, Галиция, Буковина и Червоная Русь оказались под властью других народов, которые всеми средствами, в том числе и с помощью церкви, стремились отторгнуть западную Русь от остальной Руси, Московии. Подкарпатье затерялось в горном уголке, покрытом дремучими лесами и никого из соседей не привлекало ни с экономической, ни с политической точки зрения. Общенациональный патриотизм летописного периода и «Слова о полку Игореве», известный сказителям и певцам западной Руси, когда они оказывались в Киеве (см. исследования Югова), перестал существовать. Патриотизм принял ограниченную, государственную форму, сначала московскую, затем российскую. Самодержавные правители Руси-России если не воевали на западе, отражая агрессии то немецко-рыцарскую, то польскую или шведскую, не заботились о русских племенах, очутившихся под иностранным игом, панско-польским, а впоследствии австрийско-польским, имперским. Киевщина и юг Руси с «диким полем» оказались под постоянной угрозой турецкой агрессии, нападений кочевников с востока и польских королей с запада. Та часть Руси, которая оказалась вне власти царей, была предоставлена своей судьбе. Переяславский договор (1654 г.) был результатом не родственных связей с Москвой, а стремлением южан найти поддержку против посягательств иностранных сил. Та часть земель, которую взяла под свою охрану Москва была собственно «ничейным» краем, или «**у краинной**». Украинский филолог, ныне (1964 г.) митрополит православной украинской церкви в Канаде, считает, что это означает «**родная земля**» (см. журнал «Слово правды», 1957–1958), а не «**окраина**», как это интерпретируют некоторые исследователи.

Никакая украинская государственность никогда не существовала, как и государственное объединение Руси. Существовали целый ряд княжеств

¹² Большую часть архива Е.Л. Недзельского вывез в США русинский деятель из Прешова А. Шлепецкий. Дальнейшая судьба архива неизвестна.

с русским населением, которые иногда объединялись для совместной обороны от внешней опасности. Порой силой объединялись Галицкое княжество с Киевским, а в конечном итоге с Московским, но в силу личных амбиций князей такие объединения вскоре распались. Однако общенациональных стремлений к объединению, в интересах всей Руси, не было. В период правления Ивана Грозного монахи из Московии побывали в Мукачевском монастыре, также в период правления Павла I. В Москве и Петербурге воспитателем в царской семье был русин Зейкан, тесно связанный с Мукачевским монастырем (см. статьи архимандрита В. Пронина в «Православной мысли», Прага, 1955–1958). Петр I был знаком с планами Ференца Ракоци II в период восстания под его руководством, в его резиденции в Мукачево в то время находился представитель царя. Царь Александр I, возвращаясь с Венского конгресса (1815) в Москву посетил несколько русинских селений на пути из Кошице в Ладомирову (точнее, на курорт Бардейов. — *И.П.*). С «опасением» беседовал с карпаторусскими священниками в присутствии австрийских представителей, поскольку священники слишком откровенно говорили с ним о родстве с русскими. Учителем царя Николая I по некоторым предметам был русин Балудянский, царь был прекрасно осведомлен о стремлениях карпатороссов. Однако интервенция русской армии в Венгрии в 1849 г., отрицательный ответ генерала Рюдигера (прадед патриарха Алексия II) венгерской делегации, которая передала ему просьбу о переходе Венгрии в русскую сферу влияния, ясно показали, что русские цари и императоры заботились не о благе народов, в том числе русского народа, а только лишь об укреплении самодержавия. Это вынужден был понять и принять во внимание А. Добрянский¹³, не рассчитывавший ни на помощь царя, ни тем более на возможность присоединения Угорской Руси к России. Нет даже намек на то, чтобы покорив Венгрию, спасая императора Франца Йосифа I, русская дипломатия проявила бы какую-то заботу о русских в Австрии. Национальный патриотизм, проявившийся в России в форме славянофильства, был неугодным самодержавию и всячески им преследовался. После своего пребывания в России (1875–1881) Добрянский принял все это во внимание и сделал вывод, что австрийские славяне должны рассчитывать только на свои силы. Поскольку большая часть славян монархии населяла не венгерскую ее часть, а австрийскую, т.е. находилась не под властью Будапешта, а Вены, то Добрянский поставил все на карту Вены, полагался на Австрию, а не на Венгрию. Тем более, что мадьяры в борьбе за свои права довели свой национальный и социальный шовинизм до такого уровня, что искать пути соглашения с ними не имело смысла.

Вена же демонстрировала какую-то форму либерализма, по крайней мере для внешнего мира. Тем не менее возникшее в Галицкой Руси движение в начале XIX века Вена без колебаний оставила на съедение полякам, имевшим старые счеты с Москвой и императорской Россией. Слепота Вены проявилась в том, что даже хилые права галичан, включая народные школы и печатание книг она передала в руки поляков. Граф Голуховский¹⁴ под патронатом Вены начал развивать «самостийное украинство», демонстративно поддерживая

¹³ А. Добрянский (1817–1901) — русинский политический деятель, автор первой русинской политической программы (1848–1849), комиссар венского императорского двора в штабе русских войск во время их интервенции против революционной Венгрии в 1849 г. Автор идеи федерализации Австрийской империи как единственного способа ее сохранения в качестве защитницы равноправных малых народов Центральной Европы.

¹⁴ Граф А. Голуховский — наместник австрийского императора в Галиции в 1849–1859, 1866–1868, 1871–1875 гг., министр внутренних дел Австрии в 1859–1860, сторонник федерализации Австрии.

украинские школы и литературу, указывая при этом, что Россия таких прав украинцам не дает. Однако значительная часть галицко-русского населения отвергала украинство, сохраняла родственные чувства с остальной Русью. На эту часть галицийского населения хотел опереться А. Добрянский, мечтая объединить его с движением возрождения руських (русин. — *И.П.*) в Венгрии.

Свою деятельность в Галиции Добрянский развернул в период после достижения соглашения между Веной и Будапештом (после 1867 г. — *И.П.*), она отрицала «самостийность», украинизацию и была направлена против полонизации Галиции. Дело дошло до судебного процесса против Ольги Грабарь, дочери Добрянского и «других» (львовский процесс против группы галицийских русофилов 1882 г. — *И.П.*). В действительности же этот процесс был организован против Добрянского. Судебный процесс был спровоцирован мадьярами (премьером К. Тисой. — *И.П.*), давними приятелями польских аристократов, денационализаторов галичан. Вена при этом делала вид, что не замечает, что происходит [во Львове], тем самым предав своего талантливый организатора и дипломата во время русского похода в 1849 г. После провала процесса Вена сделала широкий жест: предложила Добрянскому в «административном порядке» поселиться подальше (в Иннсбруке. — *И.П.*) от подкарпатских русин. Ему назначена была государственная пенсия, оставлены все награды и дворянский титул «фон Сачуров». Устранив энергичного организатора Добрянского, Вена не протестовала против дальнейшей денационализации Карпатской Руси, приобретавшей отчетливо антирусскую форму. А что предприняли русские власти? Да ничего. Это, мол, было «внутренним делом» Австро-Венгерской монархии, стабильность которой для русского царя и Победоносцева была важнее, чем какие-то права народов как Австрии, так и России. Судя по опубликованной переписке К.П. Победоносцева (т. 1 и 2) Добрянский с его идеями был для Победоносцева интересным информатором, а для Николая II «милым стариком», фантазером.

Интересовалась ли русская историческая наука Карпатской Русью? Изучение Западной Руси ограничивалось Белоруссией, включенной в состав России в результате раздела Польши. О Малороссии было сделано кое-что в сфере этнографии и фольклора, но на изучении истории Западной Украины было наложено какое-то табу. Все кончилось собиранием песен и тематикой украинского театра. Работа И. Аркаса по истории Украины по причине своей ограниченности не могла быть противоядием фантастическим измышлениям М. Грушевского. Костомаров, Коцюбинский, Драгоманов, Житецкий и другие по политическим соображениям не решались изучать проблемы Западной Украины, а Общество им. Т. Шевченко во Львове, развернув широкое исследование, развивало скорее сепаратизм. Из числа русских ученых русинской проблемой занимались Н.И. Надеждин, И.И. Срезневский, В.А. Францев и А.Л. Петров. Последний издал целый ряд исследований литературных памятников Подкарпатской Руси, но всегда высказывался весьма осторожно о социальной и политической ситуации карпатороссов. В период первой Чехословацкой республики я многократно с ним встречался и дискутировал [в Праге], однако он чаще всего избегал отвечать на конкретные вопросы, ссылаясь на свою скептически-позитивистскую позицию в науке вообще. Шутя он сравнивал себя с Фомой неверующим — «пока сам свой перст не вложу в рану, я не могу ни верить, ни утверждать что-либо о времени и причинах заселения Подкарпатской Руси». Однако вместе с тем он признавал все то, что было выгодно для Венгрии и немцев, т.е. признавал утверждения венгерского историка К. Мейсароша, австрийского историка и социолога Г. Бидермана

и венгерского слависта русинского происхождения А. Годинки [о позднем заселении Подкарпатья с востока].

В 1930 г. в Праге вышла его книга «Древнейшие грамоты по истории карпаторусской церкви и иерархии 1391–1498 гг.», в которой он наконец высказал свое мнение о заселении Подкарпатской Руси и ее этническом составе. Я был шокирован с какой легкостью он отрицал все летописные сообщения о западной Руси. По мнению Петрова летописи также следует «проверить», а русинский историк И. М. Контратович по его словам писал о древнейших русско-венгерских отношениях слишком «доверчиво». А. Л. Петров утверждал, игнорируя сообщения русских летописей, что русины появились в Подкарпатской Руси «около 14 в.», так что если эта «ничейная земля и была заселена, так только восточными славянами». Иными словами, прав был венгерский хронист Аноним, писавший, что русины за Карпаты пришли как «гости» венгерских правителей. То, что написал Аноним в 13 или 14 в. о первенстве поселения мадьяр за Карпатами и их «гостеприимстве» в отношении русин и словаков не вызывает удивления. Не удивляет и то, что эта «версия» стала основой венгерской политики по отношению к русинскому и словацкому народам в новейшее время. Однако эта версия противоречит многочисленным фактам. Аноним, описывая переход мадьяр от Волги до Карпат упоминает имена вождей гуннов, которые якобы шли вместе с вождем мадьяр Арпадом, но при этом не упоминает ни одного русского князя, противника мадьяр, хотя термин «русский» употребляет часто. Но если мадьяры переходили через Карпаты из Галиции через перевал «Руськие ворота» (ныне Верецкий перевал. — *И. П.*), то тем самым Аноним подтверждает наличие здесь русского населения. Но А. Л. Петрова эти противоречия почему-то не заинтересовали. У меня создалось такое впечатление, что А. Л. Петров, анализируя русинскую проблематику, по принципиальным вопросам старался избегать конфликтов с венгерскими историками, поступал по принципу «и нашим, и вашим», может быть потому, чтобы и в дальнейшем иметь возможность работать в венгерских архивах.

Д. Н. Вергун, ученый-фантазер, рассказывал мне, что в годы мировой войны в Петрограде была издана карта с обозначением национальностей на территории Австро-Венгрии с отчетливо провенгерским уклоном. Появление ее в таком виде он связывал с именем А. Л. Петрова как «знатока» в этой области. Во время одной из бесед с А. Л. Петровым я осторожно упомянул об этой карте, на что он ответил: «В то время можно было издать что угодно!» Таков был тот страстный исследователь истории Подкарпатской Руси. Ключевский в первом томе своего труда о восточных славянах восемь раз упоминает регион Карпат как прародину славян, однако никаких доказательств этого тезиса он не приводит.

Карпатороссы упорно и героически заявляли о себе как прямые потомки древней Руси. Вначале я воспринимал такое утверждение скептически, но позже пришел к выводу, что здесь в более поздних наслоениях сохранилось кое-что первичное от древней Руси. К сожалению, современное состояние моего здоровья не позволяет мне надеяться на написание хотя бы статьи на эту тему, поэтому попытаюсь изложить вкратце все то, к чему я пришел в процессе длительных размышлений.

В 1888 г. А. Добрянский опубликовал в журнале «Parlamentar» статью под названием «В день святого великомученика Димитрия» посвященную тысячелетию со дня смерти св. Мефодия (885 г.) и тысячелетию со дня изгнания его учеников из Моравии (886). Он обратил внимание на популярность

св. Дмитрия Солуньского на Подкарпатской Руси и связывал этот факт с деятельностью учеников солунских братьев. Русские ученые не интересовались работами А. Добрянского, поэтому статья о св. Дмитрие не получила никакого отклика. На эту статью обратил внимание только русский карпатовед Ф.Ф. Аристов. Даже С.В. Добош¹⁵ ее не упоминает. По всей вероятности из опасения реакции братиславских «гопаков»¹⁶.

Я решил установить широту популярности св. Дмитрия [в Подкарпатской Руси] и обратился к «шематизму» (перепись греко-католических приходов. — *И.П.*) 1875 г. и к большому своему удивлению не обнаружил в нем ни одной церкви, которая была бы посвящена этому святому. На месте, в греко-католических приходах, мне объясняли, что имя этого святого приписывается старым церквам, которые были посвящены неизвестно какому святому. В «шематизме» 1875 г. я нашел много таких «безымянных» церквей. После войны, когда вновь начался процесс восстановления православия в Подкарпатье и восточной Словакии, греко-католики в борьбе с ним вдруг вспомнили о солунских братьях, хотя до этого их заслуги всячески замалчивали, считали чуть ли не еретиками, основали в Михаловцах монастырь солунских братьев. Более того, в «шематизме» 1946 г. я обнаружил, что все ранее «безымянные» церкви были посвящены св. Димитрию Солуньскому. В самой только Подкарпатской Руси таких храмов насчитывается четыре десятка.

Получалось так, что и в греко-католической церкви это был самый популярный святой. Официальные же католические идеологи признавали влияние солунских братьев [на восток от Моравии] только в регионе Нитры. В настоящее время (см. введение к моей работе «Из уст народа») Ватикан расширил территорию такого влияния до Кошице. Собраны также кирилло-мефодиевские легенды, бытующие до сих пор в Словакии. Следует признать, что изгнанные в 886 г. из Великой Моравии ученики св. Мефодия ушли в восточную Словакию и Подкарпатье, где нашли благоприятную почву для распространения христианства среди восточных славян. Строили храмы, посвященные св. Димитрию Солуньскому, самому почитаемому их учителями, солунскими братьями. У русских тогда еще не было и не могло быть своих святых. Церкви посвящались греческим, византийским православным святым. Если бы мы согласились с мнением, что церкви [в Подкарпатской Руси] были посвящены св. Димитрию Солуньскому в более позднее время, а не в период [миссионерской] деятельности учеников св. Мефодия, то популярность здесь св. Димитрия не нашла бы объяснения. После официального принятия христианства св. Владимиром и распространения влияния христианского уже Киева, церкви посвящались уже св. Кириллу и Мефодию, а не их далекому предшественнику св. Димитрию. Из Киева принесены были также имена русских святых, которые впрочем на Подкарпатской Руси у древних церквей не находим.

В 1930 г. в г. Брно проходила выставка «Наша современность». При этом использованы были материалы из коллекции, собранной в начале 20-х гг. в Подкарпатской Руси под руководством С.К. Маковского и показанной в Праге в 1924 г. на выставке «Народное искусство в Подкарпатской Руси». Об этой коллекции я писал в 1924 г. в газете «Дни» (Берлин) поэтому меня не

¹⁵ С.В. Добош (1912–1978) — словацкий русист русинского происхождения, автор академической биографии А.И. Добрянского (1956).

¹⁶ «Гопак» — презрительная кличка украинофилов, русинских перебежчиков в Словакии, данная им русофилами.

удивило предложение К. Коханного-Горальчука¹⁷ «привести в порядок» старую коллекцию. Просматривая ее я заметил, что образцы вышивок, составленные по отдельным селам и округам, в некоторых случаях нарушают местное единство самым неожиданным образом. Например, среди образцов из Нижних Верецких (центральная Верховина, ныне Воловецкий р-н.— *И.П.*) попадают образцы гуцульской вышивки [из юго-восточной части Подкарпатской Руси] и т.д. С.К. Маковский как комиссар будущей выставки в ее подготовку не вмешивался и за такие подмены не отвечал. Мы объясняли [подобные подмены] тем, что молодой парень взял в жены гуцулку, которая придерживалась своих традиций и внесла диссонанс в местные вышивки. Проведен был тщательный контроль всех образцов вышивки, который показал, что мотивы и цвет нитей вышивок строго ограничены округами и отдельными селами, менялись и их названия («на звездочку», «на гвоздики» и т.д.). Я собрал большое количество таких названий, но в каталоге они были напечатаны в сокращенном виде. С.К. Маковский объяснение пестроты структуры вышивок искал во влиянии соседей [русин], но при этом поступал слишком свободно или склонялся к выводам Стасова. Я же искал связи с древними и современными русскими вышивками и пришел к выводу, что влияние соседей (словаков, мадьяр, румын) было сравнительно меньшим. В то же время были очевидными их связи с древней и современной структурой вышивок новгородских, белорусских, черниговских и т.д. Вышивка же, нынче называемая «типично украинской» с яркими цветочно-растительными мотивами, здесь совершенно отсутствует или встречается в образцах, возникших вследствие польского, словацкого или венгерского влияния.

Подобные мотивы характерны также для гуцульских вышивок. Гуцулы перешли Карпаты [с востока] не раньше 15 в. Следует указать, что села и округа инстинктивно отвергали чуждые им образцы, защищали «свое», унаследованное от предков. К тому же эти традиции удерживались прежде всего в горах, в их долинах, и [чужие] влияния их не касалась. Даже отдельные села, «за холмом», удерживали свои традиции. Нечто похожее можно отметить на Кавказе. Все здешние вышивки выдержаны в «славянской» цветовой гамме — на белом домотканном полотне узоры крестом, иногда гладью, вышиваются белыми, голубыми или красными нитями. Наличие нитей других цветов объясняется влиянием мадьяр (зеленая), румын (черная, оранжевая), или гуцулов.

Я различал 16 оригинальных районов (С.К. Маковский насчитывал 13), при том только в пределах Подкарпатской Руси, без районов восточной Словакии, населенными русинами. Кстати, в одежде русин этого региона и ее декорировании отчетливо просматривается западнославянское влияние. Вычленив отдельные районы по вышивкам, я начал искать и соответствующие языковые, диалектные различия. В этом мне помогал Г.Ю. Геровский¹⁸, исследователь довольно ленивый. На эту тему им написана была одна статья, нужно сказать обстоятельная, опубликованная в третьем томе чехословацкой краеведческой энциклопедии (*Československá vlastivěda. Jazyk Podkarpatské Rusi. Praha, 1934. Sv. III. S. 460–495*).

¹⁷ К. Коханый-Горальчук (1883–1974) — русский эмигрант в ЧСР, педагог, публицист, заведующий отделом внешкольного образования земского управления Подкарпатской Руси в 20–30-х годах XX ст.

¹⁸ Г.Ю. Геровский (1886–1959) — русский славист русинского происхождения, внук А.И. Добрянского, двоюродный брат русского художника И. Грабаря, автор первой научной классификации диалектов русинского языка.

На основании этих данных я сделал вывод, что восточные славяне шли из Карпат на север и восток, неся с собой и культурные традиции. Согласно венгерской теории, славяне в Подкарпатскую Русь пришли как «гости» из огромных восточноевропейских просторов. Однако мы не находим никаких следов такой миграции. Какое-то количество поселенцев с востока пришло с [литовским подольским князем] Кориатовичем (конец XIV в. — *И.П.*), однако вовсе не 40 000 крестьян, как об этом говорится в одной легенде. Такое количество переселенцев [из Подолии] в тот период было просто невозможно.

Лемки поселялись на Спише, гуцулы в районе Ясиня, какое-то количество челяди приходило также с княжнами, выходящими замуж за венгерских королей и магнатов. Пишу я сейчас об этом детально, потому как обстоятельная статья на эту тему (около 70 стр.) с использованием сравнительного материала (вышивки и диалекты) мною была написана накануне распада ЧСР, а после оккупации Подкарпатской Руси венгерскими войсками (15–18 марта 1939 г.) не могла быть опубликована. Во время моего ухода к партизанам (1944 г.) она погибла вместе с другими моими рукописными материалами. Это была моя «литературная смерть № 3»

Классифицированные мною вышивки находятся в Этнографическом музее в Праге. Я сомневаюсь, что в будущем найдется еще один «Дон Кихот», который бы повторил и дополнил сделанную мною работу. К тому же вследствие послевоенного прилива на Подкарпатскую Русь мигрантов с востока, жесткой украинизации и нивелизации всех старинных обычаев и обрядов местного населения, вряд ли это удастся сделать. В процессе работы над этим материалом я пришел к твердому убеждению, что славянское население Подкарпатской Руси есть исконно русское, не случайно оно на протяжении веков хранит свой исконный русско-русинский этноним [русины-руснаки].

В Подкарпатскую Русь я приехал в 1927 г. и обнаружил там три [национально-культурные и политические] течения, а именно: 1/ украинское, поддерживаемое социальными демократами, «волошиновцами»¹⁹ и [президентом] Масариком; 2/ «русинское», опирающееся на греко-католическую церковь и партию Автономный земледельческий союз, поддерживаемый Венгрией и никому не нужный. Тем не менее [его вожди] считали себя истинными хранителями русинских культурно-национальных традиций, что привлекало к ним местную патриотическую интеллигенцию; 3/ русское течение, не исключаящее [в языковой сфере] местные диалектные отличия.

Сначала я попытался официальным путем добиться дружественного сосуществования вышеуказанных течений, но их руководство и слышать не хотело о каком-то соглашении. Причиной такой позиции было то, что они получали финансовую поддержку из-за границы. Русины из Венгрии через греко-католического епископа, украинцы из Германии через родственные им организации в Польше (Галиции). Русское течение находилось на самофинансировании и только позже получало дотации от правительства ЧСР. Коммунисты, оттесненные аграрной партией, практически никакой культурной работы не вели, у них не было ни одной читальни. После 1935 г. я вел переговоры с О. Борканюком²⁰, чтобы в газетах коммунистов были русские «уголки». Борканюк не ответил ни да, ни нет, хотя признавал полезность такого шага.

¹⁹ «Волошиновцы» — подкарпатские украинофилы, возглавляемые монсиньором А. Волошиным.

²⁰ О. Борканюк (1901–1942) — лидер подкарпатских коммунистов, председатель краевой организации КПЧ.

Обещал узнать мнение [руководства КПЧ] относительно такого сосуществования, однако окончательного ответа я так и не дождался.

«Общество им. А. Духновича» отвергло идею русско-украинского сотрудничества, аргументируя свой отказ тем, что «украинство» на Подкарпатской Руси не имело никаких традиций. Привнесенное же извне, оно было пропитано сепаратизмом и ненавистью ко всему русскому, включая и прошлое. Я поддерживал публикации на диалекте (русинском языке. — *И.П.*) и его использование в театре. Несмотря на все это я оставался верен идее сосуществования всех трех языковых направлений (см. мою статью в сборнике «Подкарпатская Русь в годы 1919—1936», статьи в газете «Русский народный голос» (РНГ) о поэтах В. Грендже-Донском, Ю. Боршоше-Кумятском, Ф. Потушняке и др. В «Обществе им. А. Духновича» я работал с утра до вечера. Придя домой я читал, переводил [литературные произведения] с чешского языка, писал статьи для эмигрантских журналов. Руководство «Общества» больше занималось [проектерскими] рассуждениями, помощи от него не было никакой. С. Фенцик²¹ умел воздействовать на публику из числа учителей и крестьян, ему очень нравилось подписывать статьи, сообщения и другие материалы, подготовленные мною. Какую-то помощь мне оказывали С. Медьеши (бухгалтерия), А. Поливка (издательство), его племянник И. Араний (картотека, библиотека), П. Федор (связь с читальнями и учителями). Но вся эта помощь была разовая, от случая к случаю. Другой русский эмигрант И.К. Сысоев, судебный следователь, работал в канцелярии «Общества» с 6 до 9 часов вечера, писал официальные и частные письма для С. Фенцика, вел собственную переписку и делами «Общества» занимался мало.

В момент моего приезда в Ужгород, [в]1927 г., «Общество» на бумаге имело 71 читальню. На самом деле функционировали только 24, да и то регулярно только 16, в основном в Свалявском и Иршавском округах. Остальные были только для количества, чтобы «Общество» получало дотацию. «Общество» насчитывало около 2000 членов, но взносы (12 крон в год) платили только 131 из них. Секции при центральном правлении также существовали только на бумаге. Когда я после «испытательного» месяца работы представил отчет о деятельности «Общества», то члены руководства только горестно вздыхали. Отчет о работе «Общества», опубликованный в 1924 г., оказался вымыслом Фенцика и Сысоева. В октябре 1934 г. я прервал свое сотрудничество с «Обществом им. А. Духновича» в знак протеста против демонстрации Фенциком симпатий к фашизму [итальянского образца] и получением им финансовых средств от пресс-атташе польского посольства в Праге. Эти деньги к тому же польский дипломат передавал от венгерского центра пропаганды и его руководителя Еглички. С этого момента центральное руководство «Общества» издавало только календари.

Функционировавшие читальни работали сами по себе. Канцелярия «Общества» превратилась в личное бюро Фенцика, а газета «Карпаторусский голос» стала органом «вождя». Эта газета печаталась с мая 1932 до октября 1934 г. С февраля 1927 г. до 1934 г. количество читален «Общества» выросло до 300. В Прешове было создано отделение центрального правления по

²¹ С. Фенцик (1892—1946) — священник, юрист, педагог, публицист, амбициозный русинский политический деятель, идеалом которого был Муссолини. Депутат чехословацкого (1935—1938) и венгерского (1939—1944) парламентов. Осужден советским «народным судом» к смертной казни. По некоторым данным убит в камере ужгородской тюрьмы местным палачом Марусей-партизанкой (30. III. 1946). Реабилитирован в 1992 г.

просветительной работе в русинской среде восточной Словакии. С 1928 до 1930 г. я издавал ежемесячник «Карпатский свет», позже выходил нерегулярно до 1934 г. В 1935 г. один номер издал А.А. Фаринич, после этого журнал перестал выходить. При моем участии «Общество» издало свыше ста книг и брошюр. Об этом я писал в статье, опубликованной в сборнике «Подкарпатская Русь». В 1932–1934 гг. в редакции газеты «Карпаторусский голос» я ежедневно писал, редактировал и составлял вторую и третью газетных страницы, первую и четвертую составляли Н.А. Антипов и И.В. Крезе. Моя фамилия в газете не фигурировала. В ежемесячнике я опубликовал под своим именем статью о чешской поэзии, чтобы привлечь внимание чешской общественности. В издательстве «Общества им. А. Духновича» были изданы мои книги «Из чешской лирики» (переводы) и «Народные рассказы».

В 1928 г. мы решили с П. Федором ответить на полный лжи украинско-ультранационалистический учебник литературы для гимназий Володимира Бирчака «Литературни стремління Підкарпатської Русі». В качестве основы мы использовали краткий очерк Е. Сабова о карпаторусской литературе, изданный «Обществом им. А. Духновича», дополнили его материалом о литературе 18 и 19 столетий. П. Федор составил на основании моих заметок и брошюр А. Попова «Краткое введение», которое стало учебным пособием в гимназиях. В 1930 г., работая до полночи после рабочего дня, мне удалось составить собственный «Очерк карпаторусской литературы» (Введение в историю карпаторусской литературы), изданный совместно типографией «Школьная помощь» и Подкарпаторусским народным просветительным союзом.

Очень трудно было привлекать корреспондентов для журнала «Карпатский свет». Ценные материалы давал только др. Н.А. Бескид. Появились также молодые авторы. Я с радостью редактировал сборники «Избранные стихотворения» и «В лучах рассвета» А.В. Карабелеша. Это бесспорно талантливый поэт. Слухи о том, будто бы я «исправлял до неузнаваемости» его стихи являются ложью. Мое редактирование ограничивалось перестановкой слов для сохранения ритма, иногда я заменял определения (особенно часто повторяющееся «чудный»), но смысла стихотворений я никогда не менял, всячески стремился сохранить оригинал.

На страницах «Карпаторусского голоса» начали появляться имена молодых. Несмотря на трудности материального характера при журнале «Карпатский свет» я начал публиковать историко-литературное исследование Ф.Ф. Аристова «А.И. Добрянский», стихи Е.А. Фенцика (Владимира), собранные из галицких изданий др. Н.А. Бескидом, интересную серию воспоминаний Е.И. Сабова. Е. Сабов, по моему мнению, был намного выше своей среды. Это был благородный человек, не терпящий лжи. Колоритен был его язык, как устный, так и письменный, сочный, четкий, хранящий какую-то древность, значимость и красоту. Большую ценность имело бы издание его выступлений на заседаниях «Общества им. А. Духновича», дополненных воспоминаниями «Из моих записок».

После моего ухода от эксплуатации С. Фенцика в октябре 1934 г. мне и представителям старшего поколения карпаторусской интеллигенции, возмущенных превращением «Общества им. А. Духновича» в партийную канцелярию Фенцика, удалось получить в Праге небольшую дотацию для издания неполитической газеты «Русский народный голос». На средства обновленного «Общества» нам удалось организовать при редакции газеты издание двух серий «Народная библиотека» и «Содружество». В последней мы печатали исключительно произведения молодых талантов. В это время уже не было

недостатка литературных сотрудников редакции. В газетах я публиковал статьи под своей фамилией, политические статьи я подписывал псевдонимом «Партиот», фельетоны псевдонимом «Завейхвост», описание похоронных обычаев (игр), а также пьесу «Канцелярская сила» в календаре «Школьной помощи» на 1937 г. под псевдонимом «Фома Легунь» (см. мою книгу «Угро-русский театр», с. 105). В серии РНГ был издан мой перевод на русский язык поэмы К.Г. Махи «Май». «Круг друзей Подкарпатской Руси» в г. Брно, издававший ежемесячник «Podkarpatoruské revue» (ред. Я. Затлоукал), издал к юбилею Т.Г. Масарика мою работу «Т.Г. Масарик в подкарпаторусских песнях и поэзии». Часть из нее была напечатана по-русски в журнале «Центральная Европа». В 1930 г. были впервые изданы на русском языке «Избранные рассказы» Яна Неруды с моим введением. Эта книга мгновенно была распродана, только в Берлине было продано 200 экземпляров.

И тут наступил роковой 1938 г. В октябре (11.10.1938) родился анекдот с предоставлением Подкарпатской Руси «широкой автономии» на все более суживающемся пространстве ЧСР. Редактором РНГ был назначен И.Г. Шпак. Меня оставили как «почетного» редактора, поскольку Шпак был занят делами в кабинете премьера автономного правительства А. Бродия, в редакцию заглядывал редко и ее делами не интересовался. После ареста (26.10.1938) А. Бродия²² убрали и Шпака. Прежний состав редакции и сама газета с ее антифашистским профилем доживали последние дни. После Венского арбитража (2.11.1938) [Германии и Италии] Ужгород [и юго-западная часть Подкарпатской Руси] были присоединены к Венгрии, наша газета перестала существовать. Я переселился из Ужгорода в Доманинцы (ныне часть Ужгорода. — *И.П.*) и поселился в доме родителей жены. Член редакции Н.А. Антипов уехал в Прагу, Крезе вывез семью в село Среднее, сам оставался еще какое-то время в городе. В последний день перед вступлением венгерских войск в город «министр внутренних дел» автономного правительства др. Э. Бачинский объявил, что новой «столицей» Подкарпатской Руси будет Хуст и что газету будем издавать там. Я уехал в Хуст на последнем поезде из Ужгорода с пишущей машинкой, списком подписчиков и чемоданом в руке. Местечко Хуст было переполнено эвакуированными. С большими трудностями мне удалось выпустить шесть номеров РНГ в прочехословацком духе. 23 декабря «начальник полиции», бывший учитель народной школы, Белей со всей корректностью мне сообщил, что хозяином здесь уже считается Гитлер и что на мою газету и меня самого «обращают внимание» и рекомендовал мне подумать об этом. В тот же день в 2 часа после обеда в редакцию пришли представители тайной службы и сообщили мне, чтобы я рано утром 24 декабря покинул «столицу» и не задерживался на территории «Карпатской Украины». После установления новых границ единственно возможным путем ухода была траса Хуст — Перечин — Прешов. Из Прешова ездили еще поезда в Прагу. Прешов был переполнен эвакуированными из Кошице, также переданного по решению Венского арбитража Венгрии. Город жил уже представлениями о «независимой Словакии». Однако в виду известных многим моих «симпатий» к фашизму ехать в Прагу было равносильно смерти. В марте 1939 г. Венгрия оккупировала остальную часть Подкарпатской Руси и моя семья оказалась на территории Венгрии. Часть украинских

²² А. Бродий был арестован в Праге по обвинению в государственной измене, попытке оторвать Подкарпатскую Русь от ЧСР и присоединить ее к Венгрии. Обвинение подтверждено не было. Осенью 1944 г. арестован советской контрразведкой (СМЕРШ), судим «народным судом» в Ужгороде, приговорен к смертной казни, также убит в камере тюрьмы Марусей-партизанкой. Реабилитирован в 1992 г.

«самостийников», бежав из Хуста, по пути в Прагу под крыло немцев, задержалась в Прешове и решила расправиться со мной. Мой приятель, словацкий поэт Антон Придавок, предупредил меня о предстоящем аресте. Мои друзья обеспечили мне у какого-то венгерского чина «пропуск» на поездку к семье. С этой бумажкой я предстал на новой границе. Словацкие пограничники не имели ничего против моего выезда. Венгерские же получив от меня 3 доллара, которые я раздобыл в Прешове, также были «удовлетворены» и пропустили меня на свою территорию.

Я осел в Доманинцах, никуда не показывался, записывал свои впечатления и готовил очерк «Гитлер Украины» [о деятельности правительства «Карпатской Украины» А. Волошина]. Очерк я послал в редакцию журнала «Последние новости» и был уверен, что никто другой эту анекдотическую историю описывать не будет. Спустя почти год я получил письмо от секретаря редакции П. В. Вакара с испанской маркой на конверте, который мне писал, что для газеты этот очерк был слишком большим (120 машинописных страниц). Редакция по его словам бежала из Парижа перед приходом немцев. Сам он находился в лагере в Пиренеях и ждал разрешения на выезд в США. Сообщил мне также, что мою рукопись взял с собой как сенсационную и постарается опубликовать ее в США. Редакция нового «Русского слова» мой очерк не приняла, опять же ссылаясь на его объем и передала его издателю и книготорговцу в Нью-Йорке карпатороссу Сабову. В 1945 г. Вакар мне сообщил, что за прошедших пять лет многое изменилось. Сабов умер, его наследники издательство ликвидировали, а мою рукопись ему найти не удалось. Письмо я передал И. С. Шлепецкому, который оправил его вместе с другими материалами в США своему брату с просьбой, чтобы он попытался найти упомянутый очерк. Ответа из США не последовало.

Венгерская полиция меня не оставляла в покое, начались обыски и я передал на сохранение копию очерка в редакцию И. Керчи²³. Позже ее взял на хранение А. Бродий, в то время депутат венгерского парламента. Однако после его неудачного бегства [перед приходом в Ужгород Красной армии и ареста агентами СМЕРШ], копия рукописи исчезла. Это была моя «литературная смерть» № 4.

В 1940 г. школьный отдел администрации «Карпатской территории», как поименовали мадьяры Подкарпатскую Русь, объявил конкурс на составление «Истории литературы» для гимназий, при том в такой форме, чтобы к каждой главе карпаторусской литературы была добавлена характеристика основных произведений русской, украинской и венгерской литературы (преподавание венгерской литературы велось отдельно, поэтому нужен был особый учебник). Никто из местных авторов на конкурс заявления не подал. В результате в школьный отдел пригласили меня и предложили написать этот учебник. При этом было обещано, что мне будет обеспечена постоянная работа корректором в газете «Русское слово» А. Бродия. Не успел я приступить к работе, как меня тут же уволили. Оказалось, что о предоставлении мне работы узнал С. Фенцик и через подставное лицо, бывшего учителя Э. Малинича, подал на меня жалобу в суд в Дебрецене с обвинением в оскорблении венгерской нации, содержащемся будто бы в в книге «Введение в историю карпаторусской литературы» 1931 г. издания. Обвиненный в столь тяжком преступлении, я был выброшен из редакции, дома у меня был произведен обыск, во время которого

²³ И. Керча (1914–1951) – русинский поэт, журналист, советский администратор (1944–1951).

конфисковали часть моих материалов. На часть тиража «Введения...», находившегося в типографии издательства «Школьная помощь» был наложен запрет ее распространения. Судебное дело длилось больше года, я получал повестки в суд, но сам я, как говорится, не ударил палец о палец, ждал, как будут развиваться события. Обвинение было абсолютно глупое.

Тем временем я, как анонимный автор, закончил работу над учебником и передал рукопись в школьный отдел. Заведующий отдела в свою очередь передал его на рецензию и дополнение в главах по истории венгерской литературы иерею Юлию Бокшаю. Он держал рукопись довольно долго, но в конце концов передал ее в типографию без особых изменений, только кое-где добавил фразы о «благоденствии Святостефанской короны». Школьный отдел издал книгу под авторством Бокшая, однако тот протестовал против этого и в результате книга вышла из печати с черной полосой на обложке.

Позже я узнал, что на основании судебного решения книга была передана на экспертизу университетским профессорам, которые заявили, что никакого «оскорбления нации» они в ней не нашли, тем не менее их заключение было негативное: книга не может быть рекомендована для школ «короны св. Стефана», она должна быть исключена из учебных программ, тираж подлежит ликвидации. О личности автора ничего не говорилось, так как согласно закону наказывать следовало не автора, а издателя, а им было «Подкарпатское народное просветительное общество», председателем которого в 1930–1932 гг. был не кто иной как С. Фенцик.

Решение суда меня успокоило, но уже спустя две недели у меня опять был произведен обыск, после него последовал арест. Я оказался в подвале полицейского управления в Ужгороде, откуда меня препроводили в тюрьму для интернированных (toloncház) в Будапеште. У меня не было никаких сопроводительных документов, поэтому меня депортировали в концлагерь Киш Торчо недалеко от Будапешта, где находились задержанные коммунисты и фашисты. Бог знает, сколько времени я бы находился в концлагере, но тут началась война против СССР. По всей стране в большой спешке арестовывали русских эмигрантов и направляли их в toloncház или концлагерь Киш Торчо. За эмигрантов заступилась супруга бывшего премьера графа Телеки, из русской аристократической семьи. В результате правительство приняло решение об освобождении из-под ареста «ogosz emigrans» (русских эмигрантов), а поскольку я был также «ogosz emigrans», то и меня освободили из лагеря. После освобождения из лагеря я пришел на регистрацию в управление полиции в Ужгороде. Начальник полиции, бывший в плену в России, женатый на русской, увидел меня развел руками и, вздохнув, пожаловался, что не знает как ему поступать. Дело в том, что С. Фенцик обо мне не забыл и требовал, чтобы меня депортировали на оккупированную немцами территорию СССР. В конце концов мне разрешили остаться в Ужгороде (вернее в пригороде Доманинцах) под контролем жандармского управления. Два раза в месяц я приходил туда на регистрацию, а жандармы в свою очередь каждую неделю контролировали меня дома.

В то время единственным учреждением культуры на так называемой Карпатской территории²⁴ был «Угро-русский национальный театр» как продолжатель «Земского театра» периода ЧСР. Поскольку он был театром гастролирующим, то мы, связанные с ним [и оппозиционно настроенные к венгерским властям] позже (летом 1944 г. — И.П.) использовали его гастроли для сбора

²⁴ Карпатская территория — официальное название Подкарпатской Руси в период 1939–1944 гг.

информации военного характера. Директор театра М. Лугош и один из актеров установили прямую связь с «партизанским центром» (в действительности разведывательной группой Украинского штаба партизанского движения, действовавшей с весны 1944 в Карпатах. — *И.П.*) и передавали им собранные сведения.

Театр частично дотировали венгерские власти. Для обеспечения этой дотации и повышения авторитета театра М. Лугош и В. Грабар обратились ко мне с просьбой написать несколько статей о его работе. Позже решено было написать о театре книгу «Угро-русский театр», ее распространение обеспечивал театр. Книга мною была написана и издана, довольно быстро распродана. Спустя некоторое время А. Бродий сообщил мне, что С. Фенцик пожаловался будапештским властям, что он, А. Бродий, поддерживает издание такой книги, в которой восхваляется [пребывание Подкарпатской Руси] в составе ЧСР.

Регентский комиссар [«Карпатской территории»] М. Козма потребовал информировать его о моей деятельности и приказал цензору ничего не пропускать в печать под моим именем. В то же время для обеспечения мне средств к существованию решено было включить меня в состав редакции газеты А. Бродия «Русское слово» «для внутренней работы» (корректур, редактирование рукописей и т.д.) без авторского права. За меня поручился сам А. Бродий. С этого момента я публиковал свои материалы и произведения под псевдонимами И. Средин, Юрий Вир, А. Изворин, И. Говерла, И. Турий, С. Лошак, П. Ивашина. Вместе с И. Керчой мы развернули литературную и издательскую работу (см. список изданий в «Литературном альманахе»). Я печатал свои стихи и стихи молодых местных авторов в газетах и в альманахе «Накануне», стихи и прозу в «Литературном альманахе».

И. Керча был призван в армию и мне приходилось составлять литературные страницы в газете чаще всего самому. Кое-что удалось напечатать в журнале «Руська школа». Но самое интересное то, что «Подкарпатское общество наук» (ПОН)²⁵, в состав которого конечно я принят не был, опубликовало мои работы «Похоронные причитания в Подкарпатье» и «Сучасни руськи художники» в научном журнале «Зоря — Najnal». Директор ПОН И. Гарайда, мадьяризованный и полонизированный русин, бежавший из Кракова, преподававший в Краковском университете венгерский язык и литературу, человек высокой культуры, сам посетил меня в редакции газеты, признал правильными и правдивыми мои выводы. Его сотрудниками стали мои молодые друзья М. Лелекач и Ф. Потушняк. Это они помогли опубликовать мои работы на страницах «Зори» под псевдонимом (А. Изворин).

24.10.1944 поступило указание от партизанского штаба оставить Ужгород и Доманинцы. Я использовал тот факт, что рядом с домом, где я проживал, венгерские артиллеристы установили свою батарею и попросил дать мне официальное разрешение полиции на временное поселение в селе Нижнее Солотвино [недалеко от Ужгорода]. Полицейское управление само готовилось к эвакуации и дало мне разрешение на отъезд. Красная армия вступила в Ужгород 27.10.1944 г.

Спустя несколько дней я пешком добрался из Нижнего Солотвина в Доманинцы. В доме, где проживала моя семья, был устроен лазарет, все из дома было выброшено вон, в кухне на полу лежала куча разорванных книг и моих рукописей. Начальник лазарета, человек «культурный», как он себя сам

²⁵ «Подкарпатское общество наук» — в 1941–1944 гг. русинская Академия наук, созданная венгерскими властями.

представил, объяснил мне, что книги солдаты рвали на куски, поскольку они иначе не горели в печке. После отъезда лазарета я целый месяц пытался собрать и сохранить хотя бы часть драгоценных местных изданий и моих рукописей. Результат был плачевным, что же было делать, война есть война...

Советские военные относились ко мне с уважением. Я был избран членом городского «народного комитета», вошел в состав комиссии по расследованию зверств фашистов. Одновременно я работал в редакции газеты «Закарпатська правда». Конфликтная для меня ситуация возникла после приезда из Киева какой-то дамы (фамилию ее я забыл), резко напавшей на меня с обвинением, что я пропагандирую какую-то «гоголевскую Русь» и «традицию Тараса» (Бульбы), все направляю в русское русло и преследую украинцев. Я понял, что такие представители «матери городов русских» готовы обвинить меня в распространении идей «буржуазного национализма». С этим согласились и советские военные, стоявшие на моей стороне. Они предложили устроить меня преподавателем университета в Уфе. Затем пришли с идеей, чтобы я как участник партизанского движения, уехал вместе с ними в Чехию и по мере продвижения войск организовал на месте издание их прессы. Уехать в Уфу для меня означало отказ от моих достижений в области карпатоведения, чешской и словацкой культуры. По правде говоря, как позже мне стало известно, университет в Уфе мне был предложен не как место, удаленное от Украины, а как город, не пострадавший от военных действий, где можно было лучше устроиться, чем в университетских центрах Украины.

В предчувствии возможных преследований со стороны лиц, подобных той «мадам» в Ужгороде, я решил присоединиться к армии и идти с ней на запад, не оставляя ту культурную среду, в которой я обрел специализацию. Так я оказался вместе с армейскими работниками культуры в Кошице. Здесь я занялся организацией издания военной газеты. Однако линия фронта быстро продвигалась на запад и издавать газету не пришлось. Какое-то время я редактировал газету «Пряшевщина», но вскоре оттуда ушел, занявшись издательским делом. Одновременно я преподавал русский язык в Торговой академии и сотрудничал с редакцией местной радиостанции.

Меня приглашали в Прагу, где создавали русскоязычное издательство. Я решил, что в Праге мне удастся сделать больше, чем в Ужгороде, где меня уже включили в число беглых «националистов». Я подал прошение об оптации (выборе чехословацкого гражданства. — *И.П.*). В Праге два года преподавал русский язык в гимназии, готовил свои книги к изданию, затем перешел в издательскую секцию Пражского экзархата Московской патриархии. Здесь я редактировал в 1947–1958 гг. (как маловерующий) пять журналов на трех языках, издал 37 книг, из них часть на церковнославянском языке фототипическим способом. Это были уникальные издания, которые покупались заграничными книгохранилищами за валюту. В Прешове в первые годы после войны, пока еще не наступила массовая словакизация русинского населения как результат введения в русинских селах украинских школ, Культурный союз украинских трудящихся (КСУТ) издал мои переводы со вступительными к ним статьями: «Избранные рассказы Я. Неруды», «Избранные стихи Янко Есенского», «Из чешской лирики». В издательстве «Хутор» был издан с моим участием интересный альманах «Пряшевщина», который позже попал в индекс «вредных книг». Последней ласточкой был изданный в Прешове сборник русинских пословиц и поговорок «Из уст народа», приуроченный к юбилею присоединения Подкарпатя к Москве. Эта книга, одобренная Чешской академией наук,

государственной цензурой, была по чьему-то указанию снята с продажи. На письменные запросы не ответили ни ЧАН, ни издательство, ни КСУТ. Устно мне было сказано, что на стр.33 упоминается фамилия С. Фенцика, а некоторые цитаты признаны двусмысленными. На мой взгляд причина была в том, что боялись демонстрации истинного желания народа сохранить свой исторический этноним и свое прошлое, которые должны были исчезнуть навсегда. Положительным в этой истории было то, что обязательные экземпляры уже попали в научные библиотеки, а некоторое из них получили адресаты в СССР.

Такая же судьба постигла и мою биографию [русинского писателя XIX в.] И. Сильвая. В дальнейшем меня уже не печатали, я стал *persona non grata*! В письмах в Пряшев Зозуляку и руководству КСУТ я выступил на защиту шельмованного Карабелеша²⁶, вернее его творчества, поскольку он как личность превратился в алкоголика. Однако мое выступление было «гласом вопиющего в пустыне».

В 1952 г. у меня появились первые приступы бронхиальной астмы. В настоящее время нахожусь в ожидании смерти как избавления от страданий. Тем не менее меня и дальше влечет к работе, хотя фактически я уже слепой, хожу с белой палочкой. Пишу не видя текста, поэтому прошу простить мне стилистические прегрешения и грамматические ошибки. Очень жаль, что в моих книгах, изданных в Прешове, очень много типографских ошибок. Корректор был неряшливый, надеялся, что я все исправлю в процессе авторской корректуры. Господа редакторы, главный и технический, верили корректору, текст не читали, при этом лишили меня авторской корректуры. Они боялись, что я буду протестовать против искажений текста, сделанных ими без моего ведома и согласия. Увы, мой сохранившийся в последних жизненных перипетиях рукописный архив ничтожно мал и большого значения не имеет. Я надеялся, что после ухода на пенсию наведу порядок в своем архиве и восстановлю то, что утеряно, но осталось в памяти. Хотелось написать о судьбе Константина Матезонского²⁷, о заселении Подкарпатской Руси, которую я считаю прародиной восточных славян и Руси, о распространении христианства среди славян Подкарпатья в IX в. учениками св. Мефодия и другие. К сожалению, моя болезнь меня подкосила.

Это все, что я могу, как на исповеди, рассказать вам и пожелать Вам здоровья и сил в борьбе за предначертанное лучшее будущее. На склоне дней своих ценю как драгоценность дружественное отношение ко мне.

Евгений Недзельский.

Воспоминания Е.Л. Недзельского к печати подготовил И.И. Поп.

²⁶ А. Карабелеш (1906–1964) – русинский поэт русофильского направления. В кризисном 1956 г. выступил с критикой социалистической системы в Чехословакии. Коммунистические идеологи в Прешове и Ужгороде развернули острую «антикарабелешовскую» кампанию шельмования поэта.

²⁷ К. Матезонский (1794–1858) – русский музыкант, создатель первого многоголосного хора Ужгороде. Беженец, предположительно участник восстания декабристов 1825 г., скрывавшийся от царской полиции в Австрийской империи.

К 100-ЛЕТИЮ ИВАНА ИВАНОВИЧА КОСТЮШКО

© 2019 г. Л.П. Марней¹, Б.В. Носов^{2*}

¹Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН

²Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

*E-mail: bnossov@mail.ru

Статья посвящена творческому пути в науке выдающегося историка-слависта Ивана Ивановича Костюшко – специалиста по истории крестьянства и аграрного вопроса в странах Центральной Европы в XIX в., а также по истории Польши и российско-польских отношений XX в.

The article is devoted to the biography and scholarly achievements of one of the most outstanding historians specialized in Slavic studies, Ivan Ivanovich Kościuszko. He was a brilliant expert on the history of peasantry and on agriculture in the countries of the Central Europe in the nineteenth century, as well as on the history of the Russian-Polish relations in the twentieth century.

Ключевые слова: Россия, Польша, российско-польские отношения, крестьянские реформы в XIX в., журнал «Славяноведение».

Keywords: Russia, Poland, Russian-Polish relations, peasants' reforms of the nineteenth century, scholarly journal «Slavyanovedenie».

DOI: 10.31857/S0869544X0005437-3

31 июля 2019 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося советского и российского историка И.И. Костюшко (1919–2018). Его жизненный путь, научная специализация и исследовательские интересы были неразрывно связаны с историей народов России, Польши и Белоруссии. С 1949 г. на протяжении 60 лет И.И. Костюшко работал в Институте славяноведения РАН, с 1964 г. более 20 лет был первым главным редактором журнала «Советское славяноведение».

Родился Иван Иванович в Витебской области БССР в селе Околица Букорево, согласно скупым анкетным данным [1] в польской крестьянской семье. Отец его – Иван Викентиевич – после переезда семьи в Минск работал на заводе. Мать – Валерия Антоновна – домохозяйка. Иван Иванович был в семье вторым ребенком, кроме него были еще две сестры и младший брат. Согласно терминологии 1920–1930-х годов по социальному происхождению семья И.И. Костюшко прошла достаточно типичный путь, пополнив ряды рабочего класса.

Однако рабоче-крестьянское происхождение Ивана Ивановича с точки зрения практики советских времен было небезупречным, поскольку предки его принадлежали к известному еще в XVI в. литовско-русскому роду мелкой шляхты, дворянство которого было признано в России в 1840-е годы, что установил сам И.И. Костюшко, заинтересовавшись в последние годы жизни семейными генеалогическими разысканиями. Так уже в силу родовых корней и семейных традиций самой судьбой, казалось бы, было ему предначертано белорусское, польское и русское происхождение. В 1936 г. юный Костюшко окончил среднюю школу в Минске. Обстоятельства переезда крестьянской семьи на рубеже 1920–1930-х годов в столицу советской Белоруссии также остаются не вполне проясненными, как и характер «трудовой деятельности» абитуриента Костюшко в 1936–1938 гг. (согласно анкете в эти годы он работал участковым зубным врачом в Витебской области [1]), до того как поступил на первый курс Московского историко-архивного института. Эти вопросы естественно возникают, принимая во внимание, что в годы Великой Отечественной войны его специальностями были связист-радиотехник и военный фельдшер. Такие профессии он получил в конце 1930-х годов еще до поступления в институт.

В 1941 г., с началом войны, И.И. Костюшко ушел добровольцем на фронт. Его служба в качестве связиста и фельдшера военно-медицинской службы была не менее опасна и не менее тяжела, чем других солдат и офицеров на передовой. Персонал медсанбатов и военные связисты также несли большие потери и жертвовали жизнью во имя общей победы. Их судьбу в полной мере разделил и Иван Иванович, будучи несколько раз ранен, в том числе один раз тяжело. О проявленном Иваном Ивановичем мужестве в боях говорит и его награждение в 1943 г. медалью «За боевые заслуги». Тогда, в 1943 г., боевые награды раздавались не часто, и эта скромная, неброская медаль ценилась в армии высоко и свидетельствовала о многом.

На долю И.И. Костюшко выпали тяжелые бои и отступление 1941 г., оборона столицы СССР на Западном и Калининском фронтах. На фронте, там где верность присяге и долгу, преданность идеалам проверялись в бою с врагом, Иван Иванович в 1943 г. вступил в компартию [1]. Освобождая от гитлеровцев советскую Родину, он прошел с боями от границ Московской области до Белоруссии и Прибалтики, участвовал в освобождении Польши. Таким образом, судьбы русского, белорусского и польского народов символически оказались соединены не только в истории его рода и семьи, но и в его личной судьбе, когда И.И. Костюшко воевал на 2-м Прибалтийском и 1-м Белорусском фронтах, а также в составе Польской армии, сражавшейся вместе с Красной армией на советско-германском фронте. Его фронтовые заслуги были отмечены высокими правительственными наградами — орденами и медалями СССР и народной Польши. В архиве Института славяноведения РАН сохранилась памятная многим сотрудникам института фотография Ивана Ивановича в форме капитана Войска польского и в непреходящей фуражке-конфедератке.

Из армии И.И. Костюшко демобилизовался в 1946 г. и продолжил учебу в Историко-архивном институте, который закончил «с отличием» в 1947 г. Среди учебных заведений СССР, готовивших профессиональных историков, как по профессорско-преподавательскому составу, так и уровню подготовки выпускников, Историко-архивному институту принадлежало одно из ведущих мест, а в соревновании за первенство он, несомненно, был достойным соперником Исторического факультета Московского университета. Поэтому «красный диплом» И.И. Костюшко стал подтверждением его высокого

профессионального уровня как историка-исследователя и архивиста. Это стало одним из оснований его назначения сразу после окончания института на ответственную должность научного сотрудника Центрального государственного архива Октябрьской революции БССР (в Минске). В настоящее время это Национальный архив Республики Беларусь, в котором со времени основания архива хранились фонды государственных учреждений, политических и общественных организаций и иных объединений и институтов Белоруссии, начиная с февраля 1917 г.

В конце 1948 г. И.И. Костюшко поступил в аспирантуру Института славяноведения АН СССР. Сам он вспоминал, что эта перемена в его жизни произошла исключительно по его собственному желанию [2. С. 35]. Однако согласно тогдашним правилам, это не могло состояться без специального решения партийной организации и официально оформленного перевода молодого ученого с должности научного сотрудника государственного архива в аспирантуру института. Так определились не только формальная специализация Ивана Ивановича, но и в целом его путь в науке как историка-слависта, причем путь этот на протяжении более 60 лет был неразрывно связан с Институтом славяноведения.

Научным руководителем И.И. Костюшко в институте был утвержден Б.Д. Греков. Под его руководством в начале 1952 г. тот защитил кандидатскую диссертацию «Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (царство Польское 30—60-х гг. XIX в.)». Рекомендуя работу к защите и давая ей высокую оценку, Греков в отзыве научного руководителя в частности отметил, что диссертация станет «полезным вкладом в советскую историографию» и «несомненно, будет полезна и польской исторической науке» [2. С. 40]. Это мнение имеет особое значение, поскольку академик Греков был не только одним из наиболее авторитетных советских историков, но, будучи выпускником Варшавского университета, обладал глубокими знаниями в области польской историографии, лично знал многих польских коллег и пользовался заслуженным уважением среди польских историков. К этой высокой оценке, данной диссертации И.И. Костюшко, стоит добавить, что тот закончил аспирантуру, владея английским, немецким, чешским и польским языками, а также латинским языком. Знание иностранных языков было отнюдь немаловажным дополнением к высокой профессиональной квалификации молодого ученого, которому в 1952 г. исполнилось только 33 года.

И.И. Костюшко принадлежал к тем поколениям советских историков 1950—1970-х годов, жизнь которых, как говорили, была опалена войной. Старшие из них пришли в науку еще в 1930-е годы, другие, как Иван Иванович — после фронта, третьи, пережив в детстве военное лихолетье, учились в вузах вместе со вчерашними фронтовиками. Именно этими учеными была решена грандиозная задача: теоретического и конкретно-исторического обоснования марксистской концепции всемирно-исторического процесса в целом и, в частности, применительно к истории России, а также Польши и других стран Центральной и Восточной Европы.

В этом ряду ученых практически с самого начала работы как историка-исследователя Иван Иванович обратился к изучению аграрного и крестьянского вопросов в странах Центральной Европы в XIX в. В 1958 г. он вошел в состав рабочей группы Института истории Польской академии наук по изучению крестьянской реформы 1864 г. в Царстве Польском [2. С. 15]. Тогда же он начал систематически участвовать в Межреспубликанском симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы. Этот симпозиум сыграл выдающуюся

роль в изучении истории крестьянства и аграрной истории республик СССР и стран восточной Европы.

Итогом десятилетней напряженной работы И.И. Костюшко стали публикации монографии «Крестьянская реформа в царстве Польском (М., 1962) и защита в 1963 г. докторской диссертации. Рецензии на эту книгу были опубликованы в СССР, в частности на Украине, а также в США и Германии. В личной переписке с автором высокую оценку монографии дали академики Н.М. Дружинин и Генрик Яблоньский (Польша) [3. С. 27, 29]. Думается, что приведенных свидетельств достаточно, дабы утверждать, что книга Костюшко имела большое значение. Она до сегодняшнего дня остается единственным монографическим трудом по данной проблеме в отечественной историографии. В Польской народной республике, где изучению истории крестьянской реформы 1860-х годов придавалось исключительное значение, монография И.И. Костюшко также заняла достойное место в историографии, поскольку в ней особенно глубокую разработку получила деятельность государственного аппарата Российской империи и царской администрации царства Польского по подготовке и реализации наделения землей польского крестьянства.

Аграрная история стран Центральной и Восточной Европы в XIX – начале XX в. оставалась в центре внимания И.И. Костюшко практически на протяжении его 70-летнего труда в науке. Им были подготовлены и изданы монографии «Прусская аграрная реформа: к проблеме буржуазной аграрной эволюции прусского типа» (М., 1989), «Аграрная реформа 1848 г. в Австрии» (М., 1993), а также посвященные аграрно-крестьянской проблематике разделы и главы в ряде коллективных обобщающих трудов, публикаций исторических источников и многочисленных статей. Разумеется, объединяющим звеном исследований И.И. Костюшко по крестьянскому вопросу в Австрии, Пруссии и России были польские земли, входившие в состав трех империй после разделов в XVIII в. шляхетской Речи Посполитой. Однако значение его трудов определяется не только этим. Истории крестьянских реформ XIX в. в России, Германии и в монархии Габсбургов посвящено большое количество трудов, многие из которых вошли в золотой фонд национальных историографий. Однако все они были строго ограничены национальными рамками. С этой точки зрения, вклад Ивана Ивановича представляется уникальным. Только в его трудах, в отличие от всех его выдающихся предшественников, крестьянский вопрос во всех трех упомянутых многонациональных империях, включавших применительно к Австрии и Пруссии помимо собственно германских областей территории Польши, Чехии, Венгрии, Словакии, Словении, Хорватии и других славянских народов в период перехода от феодализма к капитализму, получил сравнительно-историческое освещение, в частности в монографии «Аграрные реформы в Австрии, Пруссии и России» (М., 1994).

История крестьянского вопроса и аграрных реформ в странах Центральной и Восточной Европы оставалась главной темой научного творчества И.И. Костюшко на протяжении всей его жизни, однако сфера его научных интересов этим отнюдь не ограничивалась. Иван Иванович немало внимания уделял разработке методологических проблем, в частности, изучению общих закономерностей и особенностей развития феодальных отношений. Интерес к этой проблематике, как писал сам Иван Иванович, был во многом связан с научными традициями, заложенными его учителем – Б.Д. Грековым. Посвященные этим вопросам работы Костюшко внесли существенный вклад в развитие международной дискуссии 1960 – начала 1970-х годов между немецкими, польскими

и советскими учеными о характере и значении аграрного рынка в странах Центральной и Восточной Европы XVI—XVIII вв., о месте «торгового капитала» в социальной и сословной структуре феодального общества и о включении дворянского поместья в систему товарно-денежных отношений и капиталистической эволюции помещичьих и крестьянских хозяйств.

Важным направлением в научной работе И.И. Костюшко было изучение истории борьбы советского и польского народов с гитлеровской Германией в годы Великой Отечественной войны, а также история становления и развития Польской народной республики (ПНР). История народной Польши стала второй центральной темой научных исследований Ивана Ивановича. Главная роль в этом принадлежала фундаментальной советско-польской публикации исторических источников, озаглавленной «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». История этого уникального советско-польского издания восходит к 1957 г., когда в ПНР была начата аналогичная, однако односторонне польская пятитомная публикация [4]. Тогда только недавно в Польше завершилась острая фаза политического кризиса 1956 г., когда к руководству страной возвратился В. Гомулка, провозгласивший курс на укрепление национального суверенитета и на следование «польским путем» социалистического строительства. В этих условиях изучение истории советско-польских отношений, начиная с восстановления в 1918 г. польского государства приобретало не только научное, но и существенное общественно-политическое значение. В рецензии [5] на упомянутое польское издание 1957 г. А.Я. Манусевич и И.А. Хренов (последний был в то время директором Института славяноведения), положительно оценивая польскую публикацию, вместе с тем отметили ее односторонность: во-первых, опору главным образом на польские документы и, во-вторых, недостаточное внимание к отражению многообразных общественных и культурных связей Польши и Советской России. Очевидно, что выраженное публично мнение на страницах официального советского исторического журнала отражало позицию советского руководства. В итоге в СССР и в ПНР было принято решение силами академий наук двух стран, параллельно в Советском Союзе и в Польше осуществить совместную публикацию. В СССР практическое решение этой задачи было возложено на Институт славяноведения, а ответственным редактором издания с советской стороны стал И.А. Хренов. История этого издания заслуживает отдельного исследования со всех точек зрения. Для нас же важно подчеркнуть, что на протяжении всего периода реализации названного проекта он сохранял важное не только научное, но и политическое значение, отразил на себе все сложности и подводные течения отношений СССР и народной Польши, вплоть до рокового для обеих стран перелома рубежа 1980—1990-х годов. В ходе работы над изданием в составе редколлегии и всего советско-польского научного коллектива постоянно проходили напряженные дискуссии по составу публикуемых документов и комментариям к ним, что отражало существенные различия в научных подходах к интерпретации и в политических оценках событий общей истории СССР и Польши XX в. Отметим при этом, что дискуссии имели большое позитивное значение для исторической науки обеих стран, обогащая наши знания и представления как в теоретических, так и в конкретно-исторических вопросах. А это в свою очередь свидетельствует, что названное издание и сегодня сохраняет свое фундаментальное научное значение.

И.И. Костюшко сотрудничал в этом издании еще с 1960-х годов, а после кончины И.А. Хренова возглавил в 1979 г. советскую часть редколлегии. Под его руководством в 1980—1986 гг. были изданы X—XII тома, охватывавшие период

1950—1965 гг. По сути дела в них нашла отражение переломная эпоха в отношениях двух стран — от так называемого апогея сталинизма — до хрущевской оттепели. Это был период наиболее интенсивного и плодотворного развития вширь и вглубь советско-польских отношений, период наиболее значительный с точки зрения опыта социалистического строительства как в ПНР, так и в СССР. Он также предшествовал началу на рубеже 1960—1970-х годов времени постепенного нарастания кризисных тенденций в странах социалистического лагеря и формированию в них первых проявлений антикоммунистической оппозиции. Все это обусловило немалые трудности, которые приходилось преодолевать Ивану Ивановичу во главе редколлегии. Думается, что успеху в этом во многом способствовали такие черты характера ответственного редактора как своего рода природная интеллигентность, оптимизм, доброжелательность и тактичность в отношениях с коллегами и сотрудниками (независимо от их должностного положения). Все эти качества были ему неизменно присущи, когда Ивану Ивановичу довелось руководить разными научными коллективами.

Многие годы И.И. Костюшко возглавлял Сектор истории межвоенного периода (1918—1939) Института славяноведения. О рабочей атмосфере в нем уже в 2000-е годы вспоминала Р.П. Гришина, назвав ее особо «доброжелательной», и добавила, «что преобладание спокойных коллег в секторе у Костюшко, проявлявших заинтересованность в сотрудничестве», способствовало общей работе [6. С. 121].

Однако, если говорить о работе И.И. Костюшко как руководителя и организатора науки, то, несомненно, главное место в этой области принадлежало журналу «Славяноведение» («Советское славяноведение»), редколлегию которого он возглавлял со времени основания журнала в 1965 г. (выхода в свет его первого номера) и до 1987 г.

В личном архиве И.И. Костюшко сохранились две аналитические записки о журнале 1967 и 1973 гг., подготовленные для доклада на бюро Отделения истории АН СССР. В Записке 1973 г. содержится ряд тезисов, которые позволяют составить представление о позиции главного редактора по отношению к направлению журнала и о критических замечаниях, высказанных по его адресу. «Профиль журнала, — говорилось в упомянутой записке И.И. Костюшко, — предусматривает освещение проблем истории, литературоведения, языкознания зарубежных славянских народов и межславянских связей — по меньшей мере трех весьма дифференцированных научных дисциплин. При таком положении он не может в достаточной степени удовлетворять запросы специалистов этих областей знания. Сравнительно мало уделялось в нем внимания проблемам социалистического строительства в зарубежных славянских странах, не получили на его страницах отражение некоторые важные вопросы исторического и культурного развития этих народов, публикации комплексного характера» [3. С. 42]. Опуская дальнейшее перечисление иных (частных) замечаний, отметим главное. Из них следовало, что главный редактор твердо отстаивал комплексный подход к славяноведению, стержнем которого, согласно его позиции, является изучение истории славянских народов в русле классического славяноведения в России. По мнению И.И. Костюшко, славяноведение не должно ограничиваться только новейшим временем. В этом он продолжал отстаивать позиции своего учителя Б.Д. Грекова. Наконец, упоминание в перечне замечаний тематики «социалистического строительства» отражало весьма существенную тенденцию в развитии Института славяноведения и журнала в 1970-е годы, когда со стороны партийного руководства и некоторых кругов

в Академии наук СССР проявилось намерение переориентировать институт на приоритетное изучение стран «социалистического содружества» и опыта социалистического строительства. Сознвая объективную важность этой тематики и ее, так сказать, директивную обусловленность, И.И. Костюшко твердо отстаивал научный подход к славяноведению, будучи убежден, что «партийность» науки не должна превращаться в свою субъективистскую противоположность. Он также считал принципиально важным объединить вокруг журнала историков-славистов и славяноведов широкого профиля и за пределами Академии наук из Москвы, Ленинграда, из союзных республик и из зарубежных стран. Решая принципиальные вопросы руководства журналом, прежде всего по определению тематики и портфеля публикаций, И.И. Костюшко практически не работал с авторами, доверяя эту работу членам редколлегии и редакторам. Однако перед сдачей в издательство каждого номера он, как вспоминают сотрудники, внимательнейшим образом прочитывал материал, выявляя пропущенные минимальные неточности и опечатки. При этом, по словам его коллег, главного редактора отличало безупречное владение русским языком, как грамматикой, так и стилистикой. Все это было еще одним доказательством его высочайшего профессионального уровня и завидного трудолюбия.

Среди многообразных сфер деятельности И.И. Костюшко видное место принадлежало заботам по поддержанию и развитию международных связей отечественного славяноведения. Так было в его работе в журнале, где важной задачей было привлечение видных зарубежных авторов. Так было и при издании совместно с польскими коллегами «Документов и материалов» советско-польских отношений. Однако этим отнюдь не ограничивались усилия Ивана Ивановича на поприще международного научного сотрудничества. Многие годы И.И. Костюшко был заместителем Б.А. Рыбакова во главе советской части Комиссии историков СССР и ПНР (ныне Комиссия историков России и Польши). При этом следует заметить, что академик Рыбаков, если пользоваться военно-морской терминологией, играл роль капитана корабля, отвечавшего за стратегический курс, то И.И. Костюшко был при нем старшим офицером, отвечавшим за безукоризненное состояние материальной части и за исправное несение службы личным составом. Таким образом, на долю заместителя председателя выпадала большая часть не менее трудной и ответственной работы. Работая в Комиссии, Иван Иванович проявил себя и как архивист. Именно благодаря его тщательности была сохранена значительная часть документов нынешнего архива российской части Комиссии историков России и Польши.

Неоднократно И.И. Костюшко участвовал в работе международных конгрессов исторических наук, начиная со знаменитого XIII конгресса 1970 г. в Москве, международных съездов славистов (1973, 1978, 1983 и 1988 годов). С 1973 г. он входил в состав Международной комиссии по историко-славистическим исследованиям (СІЕНС) [3. С. 72–73], неизменно выступая за традиционный для России подход к славяноведению как преимущественно исторической дисциплине [7–8], вопреки традиции западной славистики, в которой преобладают филологические и лингвистические подходы и исследования.

Мы уже отмечали, что историко-славистические исследования И.И. Костюшко не ограничивались исключительно Польшей. Среди исследуемых им славянских стран оказалась и Югославия. В 1976 г. распоряжением Президиума АН СССР он возглавил советскую часть редколлегии сборника документов о советско-югославских отношениях 1917–1941 гг. [3. С. 101] Эта работа потребовала от Ивана Ивановича немалых усилий. Разумеется, проблематика

международных отношений межвоенного периода была ему хорошо знакома, однако необходимо было войти в сложнейший круг этнополитических проблем Балканского полуострова, разобраться в хитросплетениях национальных историографий и непростых взаимоотношениях политиков и историков югославянских народов и государств. Стояли перед ответственным редактором также весьма сложные архивоведческие и археографические проблемы, а также технические сложности публикации. Завершалась работа над упомянутым сборником на рубеже 1980–1990-х годов в эпоху крушения Югославии и распада СССР [9], что, по понятным причинам только усложнило взаимоотношения между нашими странами и атмосферу научного сотрудничества между ними, особенно в области исторических наук. В вышедшем из печати в 1992 г. томе Иван Иванович не был даже упомянут в числе его редакторов.

Говоря о вкладе И.И. Костюшко в науку, нельзя не сказать о его научно-педагогической деятельности как профессора Московского университета, как научного руководителя аспирантов и соискателей, как члена диссертационных советов. Труды Ивана Ивановича в этой области получили высокую оценку, когда в 1980 г. ему было присвоено звание профессора, что в то время было непререкаемым свидетельством высокого авторитета в науке и подлинных научных заслуг.

Перестройка в СССР и нараставшие кризисные явления во всех без исключения странах социалистического лагеря существенно повлияли на развитие науки. Все это не могло не отразиться на ситуации в Институте славяноведения и балканистики АН СССР и на судьбе И.И. Костюшко. Вторая половина 1980-х годов в институте протекала в бурных научных дискуссиях и политических спорах. Признаком того времени стали многометровые стенные газеты, в которых эмоционально обсуждались как глобальные проблемы, так и многочисленные вопросы внутриинститутской жизни.

Иван Иванович, как и прежде, сторонился разного рода неформальных обсуждений, избегал публичных личных оценок политических проблем, не высказывался он и по поводу призывов кардинально пересмотреть сложившуюся систему научных представлений в исторической науке. Однако некоторые факты его научной биографии все же позволяют сделать выводы о его научной и общественной позиции. В 1984 г. коллектив составителей «Документов и материалов по истории советско-польских отношений» завершил работу над так и не опубликованным XIII томом издания (1966–1970) [3. С. 159–160]. Одновременно, вплоть до 1986 г. не был решен вопрос об издании предшествовавшего XII тома. Это побудило И.И. Костюшко (по праву члена партии) обратиться в ЦК КПСС с письмом, в котором содержались критические замечания в адрес советской политики в отношении ПНР, в частности по вопросу об отступлении от «принципа пролетарского интернационализма». В итоге XII том вышел из печати ничтожным для того времени тиражом в 950 экземпляров. На это Иван Иванович ответил, казалось бы, несвойственным для него шагом, написав в августе 1986 г. заявление директору института Д.Ф. Маркову, что он не может продолжать работу над изданием, поскольку публикация «этого тома таким тиражом компрометирует советскую сторону в политическом отношении» [3. С. 160]. Весной 1987 г. Иван Иванович оставил пост главного редактора журнала «Советское славяноведение». На очередном заседании редколлегии 6 апреля Д.Ф. Марков объявил о решении Президиума АН СССР освободить И.И. Костюшко от занимаемой должности. Информация об этом заседании редколлегии была опубликована на страницах журнала. В ней

говорилось, в частности, о высокой оценке, данной Ивану Ивановичу коллегами по редколлегии, об официальной благодарности, объявленной ему Отделением истории АН СССР и в приказе по институту. В той же информации сообщалось, что «главным редактором журнала назначен кандидат исторических наук А.К. Кавко», который выступил на заседании с докладом «в свете январского Пленума (1987 г.) ЦК КПСС» [3. С. 45]. Отставка И.И. Костюшко с поста главного редактора журнала прошла с соблюдением всех этических норм подлинного научного товарищества и уважения к его заслугам. Однако назначение новым главным редактором известного активиста белорусского национального движения и ссылка при этом на решения Пленума ЦК, на котором было провозглашено начало так называемой «политической реформы» в СССР, не могло расцениваться иначе, как проявление известной политической тенденции, которой Иван Иванович, по всей видимости, не вполне соответствовал. Вскоре, в марте 1988 года, он оставил и должность заведующего сектором межвоенного периода.

Наверное, уход в течение двух лет со всех ответственных постов не мог пройти для Ивана Ивановича безболезненно, однако это ни коим образом не изменило ни его отношения к институту, преданность которому он пронес через всю свою жизнь, ни к исторической науке, которой он по прежнему бескорыстно отдавал все свои силы, ни его отношения к коллегам по научной работе, для которых он был по-прежнему мудрым советчиком и доброжелательным старшим товарищем.

Освободившись от административных обязанностей, И.И. Костюшко получил возможность сосредоточиться на научной работе. В 1990-е годы вышли из печати его монографии, завершающие серию работ по истории крестьянского вопроса и аграрных реформ XIX в. в Центральной и Восточной Европе. Продолжил Иван Иванович и работы в области публикации архивных документов и иных исторических источников, тем более, что для исследователей открылись ранее недоступные архивные фонды. Это обстоятельство оказало влияние и на характер публикации таких материалов. Начиная с 1990-х годов они приняли монографический характер.

С участием И.И. Костюшко как составителя и комментатора вышли уникальные публикации исторических источников: в 1994 г. — двухтомник «Польско-советская война 1919–1920» (ныне библиографическая редкость); в 1997 г. — «Материалы “Особой папки” Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б)»; в 2004 г. — «Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг. Документы и материалы». Основным содержанием этих публикаций стали отношения возрожденного в 1918 г. Польского государства и Советской России, а также Советской Белоруссии и Советской Украины до 1920-х годов включительно. Однако Иван Иванович не ограничился публикаторской работой. По данной проблематике им были подготовлены монографии: «Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы)» (М., 2001) и «Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП (б)» (М., 2005). Совокупность этих работ стала основополагающей частью одного из важнейших направлений исторических исследований Института славяноведения РАН, которому, несомненно, принадлежит приоритет в этой области в российской историографии, не в последнюю очередь благодаря И.И. Костюшко. Международное значение этого направления исследований было особо подчеркнуто на прошедшей в 2018 г. в Варшаве Международной конференции Комиссии историков России и Польши «Год 1918 — конец старой и рождение новой

Европы. Возрожденное Польское государство и Советская Россия» (Варшава, 26–29 сентября 2018 г.) [10].

Многолетнюю работу в составе Комиссии историков России и Польши И.И. Костюшко продолжал до последних дней, оставаясь активным членом комиссии. Мы уже говорили о его вкладе в формирование архива комиссии, однако этим его роль отнюдь не ограничивалась. Он участвовал в конференциях комиссии, а также в проводимых впервые в 2001 г. «Днях польской науки в России» и в состоявшейся в рамках «Дней...» конференции Комиссии историков России и Польши [11].

Завершая очерк пути в науке Ивана Ивановича Костюшко, можно без тени сомнения утверждать, что он всю свою жизнь бескорыстно посвятил научному творчеству. Однако его портрет запечатлел не только его собственный вклад в науку, не только его индивидуальные достоинства как ученого и человека, но позволил хотя бы отчасти воссоздать коллективный образ уникального поколения советских ученых, которыми заслуженно гордится российская наука, а также, хотя бы в отдельных, частных чертах отразить эпоху, в которой им довелось трудиться и творить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Архив Комиссии историков России и Польши. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 178–179.
2. *Костюшко И.И.* В аспирантуре Института славяноведения (1949–1951 гг.) // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007.
3. К истории славяноведения (Из личного архива профессора И.И. Костюшко). М., 2009.
4. *Materiały archiwalne do historii stosunków polsko-radzieckich. Marzec 1917 – listopad 1918.* Warszawa, 1957. Т. 1.
5. *Манусевич А.Я., Хренов И.А.* «Архивные материалы из истории польско-советских отношений» // Вопросы истории. 1958. № 5.
6. *Гришина Р.П.* Кое-что о времени и о себе // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007.
7. Историко-славистические исследования в СССР (1971–1976) // Советское славяноведение. 1979. № 3.
8. *Les recherches d'histoire slave depuis 1945 Probleme et methods.* Paris, 1979.
9. Советско-югославские отношения 1917–1941 / Под ред. В.В. Зеленина, М. Аполоски, В.Д. Козлитина, Р.И. Парадизовой. М., 1992.
10. *Марней Л.П., Носов Б.В.* Дискуссия российских и польских историков о последствиях Первой мировой войны, о Великой российской революции и о восстановлении независимости Польши // Славяноведение. 2019. № 3.
11. *Костюшко И.И., Шапов Я.Н.* Письма академика Ю. Бардаха о работе Комиссии историков России и Польши // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В.К. Волков. М., 2003.

Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). В 2 кн. / авторы-составители А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. Белград, 2018. Кн. 1. 638 с. Кн. 2. 690 с.

Перефразируя известную фразу, можно сказать, что перед читателями предстала «энциклопедия русской жизни за рубежом». Авторы-составители – известные исследователи Русского зарубежья, можно сказать, собиратели его истории, прежде всего в балканском обличье.

Базой для настоящего труда послужили сведения из почти двух десятков отечественных и зарубежных архивов, равно из частных коллекций, различных книг, связанных с поставленной задачей, из различных периодических изданий (Сидней, Москва, Нью-Йорк, Буэнос-Айрес, Санта-Роза, Калифорния, Белград, Джорданвилль, Франкфурт-на-Майне, Сан-Франциско, Прага, Париж, Загреб). Исползованы аудиозаписи воспоминаний, документальные фильмы, основные электронные ресурсы.

Собранные воедино сведения и составляют вышедший двухтомник, информационная база которого поможет обогатить уже известные сведения, а равно раскрыть неизвестные страницы не только школьной жизни, но и обрисовать дальнейшие судьбы учителей и их воспитанников во времени, «богатом войнами», исходами, «бегом» из одной страны, континента в поисках нового пристанища.

Труд, проделанный авторами-составителями, громаден, требовалось найти, собрать, сравнить, обработать невероятное количество самых разнообразных по своему содержанию и происхождению материалов – от воспоминаний до автобиографий, от официальных сведений до «домашних» бумаг, от использования уже

опубликованного до скрытого в архивах, в человеческой памяти. Безусловно, определенное количество сведений уже накопилось в бумагах А.Б. Арсеньева, но задача превосходила собранное. И здесь, как подчеркивают сами авторы-составители, в создании труда приняла участие едва ли не сотня человек, деливших историями жизни родных, воспоминаниями, интересными сведениями, всем, что помогло увековечить память прошлого для нынешнего и будущих поколений.

Само разнообразие материалов, соответственно, усложняло структуру, или классификацию, информации. Перечислять все довольно скучно, да и не нужно – это настольная книга для всех историков русской эмиграции, которые могут найти сведения не только по русским белградцам, но и, по возможности, по всей их дальнейшей судьбе.

Тем не менее, чтобы мне не поставили в упрек «лирику», подчеркну, что в первой книге есть информация не только по самой структуре и жизнедеятельности гимназии (здесь я нарочно употребил слово «жизнедеятельность», так как гимназия представляла собою живой и достаточно сложный организм со своими правилами, обусловленными самой практикой гимназической жизни), но и около двух десятков жизнеописаний гимназистов, например, Н.И. Толстого, И.К. Ордовского-Танаевского, И.Н. Голенищева-Кутузова. Равным образом в текст тома включены размещенные почти на 200 страницах сведения (список, биографии) о выпускниках смешанной гимназии (1–9 выпуски).

Причем сами биографии (от нескольких строчек до нескольких страниц) порой могут послужить основой для драмы или авантюрного романа.

Вторая книга содержит сведения о выпускниках мужской гимназии (10–24-й выпуски), выпускницах женской гимназии (1930–1944 гг.). Сюда же добавлена информация о гимназистах и гимназистках, не прошедших полного курса обучения.

Завершает труд раздел, посвященный объединению рассеянных по миру бывших учеников первой русско-сербской гимназии в Белграде.

Конечно, имеется соответствующее послесловие. Составлен даже именной

указатель преподавателей и гимназистов, для которых авторами составлены расширенные биографии. В то же время отсутствие общего именного индекса несколько затрудняет поиск нужной информации.

В завершение своего краткого обзора подчеркну всю важность настоящего труда, который содействует обогащению исторического знания, точнее, нашей памяти, что представляет собою самое главное.

И благодарность авторам-составителям, всем тем, кто принимал участие в работе над этим трудом.

© 2019 г. *В.И. Косик*
kosikvictor@mail.ru

П.Н. БАЗАНОВ. «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб., 2018. 510 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0005436-2

Книги бывают разными – интересными и скучными пополам с зевотой. К последним никак нельзя причислить очередной труд моего давнего коллеги П.Н. Базанова, с которым меня свела судьба по исследованиям русской эмиграции.

О его герое Николае Ивановиче Ульянове я слышал давно и даже перелистывал его книги по украинскому сепаратизму. Меня нельзя отнести к горячим поклонникам его штудий, но та вера в свою правоту, подкрепленная исследовательской мыслью ученого, знавшего досконально все то, чем он занимался, внушает уважение и даже восхищение.

Собственно говоря, даже странно, что о нем не было ни одного крупного исследования. Сейчас этот пробел ликвидирован. Со страниц книги П.Н. Базанова предстает личность крупного ученого сквозь время, в котором он жил и о нем писал. Перед читателем разворачивается красочное полотно истории, где органически переплетались настоящее и минувшее, память и творческий поиск, биография человека и России/Советского Союза.

Писать о человеке во времени и о времени в судьбе человека очень трудно. Часто получается весьма основательно, но сухо. Не хватает ни самого чувства времени, ни сопереживания о превратностях судьбы. Базанов счастливо избежал этого вследствие блестящего знания всего, о чем пишет, что исследует. Подчеркну, автор почти двадцать лет занимался личностью историка, философа, литературоведа, писателя, публициста, представителя второй волны эмиграции Николая Ивановича Ульянова. Список

работ, которые были привлечены автором для разностороннего исследования, велик, разнообразен и, конечно, обусловлен самой яркостью талантов героя, его судьбоносными «виражами».

Если следовать обычной схеме, то книга состоит из двух глав и приложения. Имеются предисловие и заключение. Стандартный набор.

Это внешне.

Но сам авторский текст достоин своего героя. Поражает тщательность, с которой изучены стороны жизни Н.И. Ульянова, вернее, сама его жизнь.

В первой главе, посвященной собственно биографии, автор ведет свое исследование с *ab ovo*, т.е. с рождения в рабочей семье до преподавания в Йельском университете. Сюда вошли сцены театральной юности, студенчество, аспирантура, занятия наукой и преподавание и, как нередко бывало, арест, лагерь, война, фронт, котел под Вязьмой, плен, побег, отправка на работы в Германию и его оценка Великой Отечественной войны как массового нашествия «Запада на Россию с безумной маниакальной целью уничтожения русского народа и его культуры» (с. 164).

Здесь каждый «вираж» Ульянова представлен не только через его судьбу, но и характерными зарисовками тех, с кем сталкивала его жизнь. Здесь трудно что-либо выделить особо, пожалуй, только грозное послереволюционное время, давшее многим путь к строительству «новых небес», в науку, в просвещение, потом ставшее известным по арестам, лагерям, тюрьмам, казням, когда жизнь и судьба человека

зависела от доноса завистника, скрывавшегося под маской «бдительного товарища», от разнарядки сверху по количеству арестов, обычно перевыполняемой местной властью, и много другого, когда «стандарт времени» главенствовал в стране. Все это достаточно подробно представлено в книге Базанова. Само словосочетание «Петропольский Тацит» взято из стихотворения Ю. Милославского и связано с Соловецким лагерем, где Ульянов отбывал пятилетний срок по «контрреволюционному делу, шитому белыми нитками. Вот несколько строчек из него:

Прибыл с улыбкой детскою,

Храня ученый вид.

В обитель Соловецкую

Петропольский Тацит (с. 155)

Можно зачитываться, когда разбираешь строки, посвященные «дипийскому периоду» (D.P, displaced persons), истории с перемещенными лицами, их жизни и судьбе после окончания Второй мировой войны. Точнее — о России № 2. Обо всем этом написано достаточно много, вплоть до «повторений». Ульянов получил признание и известность многими своими трудами, прежде всего по разрешению национального вопроса в России, точнее, по так называемому украинскому вопросу. В своих публикациях Ульянов, как пишет автор книги, не устал дискутировать со сторонниками украинского сепаратизма. В статье «К национальному вопросу», напечатанной в эмигрантском «Социалистическом вестнике», он полемизировал «с идеями конфедеративного устройства освобожденной от большевиков России», а еще более с «правом наций на самоопределение вплоть до отделения» (с. 179). Для одних его страницы были неприемлемы, другие признавали его «независимость мысли. Георгий Иванов писал Роману Гулю: “Ульянов — проявление той самой великой России, о которой он тоскует и которую видит в Бунине”» (с. 169).

На очередном «вираже», уже находясь в Марокко, где, кстати сказать, отлично обрисована «рабоче-интеллигентная» и разномыслящая эмиграция, Ульянов обрисован в книге «ярким полемистом, с каким мало кто мог скрестить оружие». Так, в своем докладе, посвященном Дню русской культуры, произнесенном в Касабланке в 1949 г., Ульянов «в первый раз противопоставил русскую культуру этнографии: “После Достоевского и Толстого, Мусоргского и Чайковского не пристало

рядить русскую культуру в сарафаны и кокошники!”» (с. 187). В связи с этим провокационным утверждением Базанов не преминул подчеркнуть тот шум, возникший в эмиграции, когда консерваторы критически отнеслись к такому тезису, в то время как либералы «приветствовали его заявление» (с. 188). Сюда добавлю, что на страницах книги при обрисовке фигуры Н. Ульянова мелькает множество известных имен, таких, как В. Вейдле, М. Алданов, Г. Иванов, Р. Гуль, С. Мельгунов. Есть много информации о различных эмигрантских организациях, прежде всего о Союзе борьбе за свободу России (СБСР). В сущности, автор обрисовал всю или почти всю картину воззрений русской эмиграции на Россию. Свое законное место здесь занял и сюжет о работе Ульянова главным редактором на радиостанции «Освобождение» (известной как «Свобода»). В программном обращении, написанном Ульяновым, подчеркивалось: «В эмиграции представлены почти все народы Советского Союза. И вот мы хотим чтобы вы знали. Что, живя за границей в условиях свободы, мы не забыли о своем долге перед Родиной. Мы противопоставляем этому строю принцип последовательного народовластия [...] Мы — враги как реставрации абсолютизма, так и утверждения какой бы то ни было новой диктатуры на месте большевизма после окончательного его уничтожения. Мы — за полное предоставление свободы совести и права религиозного проповедования. Мы не только за ликвидацию эксплуатации человека человеком, мы за ликвидацию эксплуатации человека партией и государством» (с. 200). Все было, замечу иронически, прекрасно, но помешала рознь между русской редакцией и американскими советниками, связанными с ЦРУ. Первая выступала за передачи, выдержанные в духе антикоммунизма, в то время как «контролирующий орган», читай ЦРУ, требовал «сменить антикоммунизм на оголтелую русофобскую пропаганду, направленную на расчленение России». В этой ситуации Ульянов предпочел покинуть свой пост. Рисую этот сюжет, автор отмечает, что Ульянов выступал против «активизма», вбиравшего в себя и «террористическую борьбу с коммунистическим режимом»; отдавая приоритет деятельности эмиграции в «культурно-идеологическом развитии», Ульянов соглашался В. Ходасевичем, о котором он опубликовал статью в 1954 г., что

«эмигрантская литература является самым важным сейчас из возможных русских дел» (с. 205). Почему, встает вопрос? Ответ может дать сам герой Базанова: «Эмигрантская политика – это гниющие обломки разбитого российского корабля» (с. 207).

Последним «виражом» на долгом пути был переезд в 1953 г. в Соединенные штаты Америки. П.Н. Базанов увлекательно пишет на основании солидных источников о преподавательской деятельности своего героя в Йельском университете, где его лекции были связаны с историей, культурой его России, творчеством Николая Ивановича на писательской ниве. И опять на страницах книги рассыпаны известные и малознакомые имена, позволяющие получить нестандартное и богатое представление об американском периоде Ульянова, таких его коллегам, как Г.В. Вернадский.

В книге П.Н. Базанова представлен и «семейный портрет» главного ее персонажа. Многие строки текста рисуют Ульянова, этого жесткого полемиста, иным, в котором жили любовь, мягкий юмор, дружелюбие. Достаточно здесь упомянуть шуточное письмо Ульянова к Вернадскому, написанное в «старом стиле».

Органически в книгу вошли «картинки» о контактах Ульянова с советским научным миром, о проникновении его текстов в СССР, об отрицательном отношении к диссидентскому движению, что отнюдь не препятствовало ему оставаться на «антисоветских позициях».

Глава вторая и последняя посвящена исследованию и освещению основных направлений творческой и научной деятельности главного персонажа. Название, сразу замечу, скучное, стандартное, но зато содержание необычайно богатое, содействующее приращению знания о многосторонней, цветистой, трудной и талантливой жизни Ульянова. Сразу оговорюсь, что не стану останавливаться подробно на этих страницах уже потому, что пересказ не входит в мою задачу. Можно и должно отметить, что Базанов здесь представил объемный портрет Ульянова в публицистической, научной, литературной сферах. Обрисованы сведения об издательствах и типографиях, в которых печатал свои литературные «опыты» Ульянов. Это прежде всего издательство имени Чехова, в котором был напечатан вызвавший волну дискуссий в печати исторический роман «Атосса» из

«скифских и персидских времен», вбирающий в себя представления о стране скифов как предтече «бескрайней евразийской многонациональной империи – России» (с. 247). Не забыты и издательство В.П. Камкина, и знаменитые «Посев» и «Эрмитаж», и «Возрождение», и «Новый журнал», и «Новое русское слово», равно как и их знаменитые авторы. В сущности, здесь автор представил тот необходимый и богатый фон, на котором творил Ульянов.

Свыше сотни страниц отведено автором «философии истории», «национальному вопросу и феномену украинского сепаратизма в творчестве Н.И. Ульянова», «Интеллигенции в творчестве Н.И. Ульянова», «Культуре в творчестве Н.И. Ульянова». Темы громадные, требующие, кроме таланта, обширнейших знаний, способности прозревать в прошлом будущее, хлестко писать о настоящем. Само чтение этих штудий может и должно инициировать самостоятельное обращение к его творчеству.

В конце книги приведен библиографический указатель, включающий в себя 590 названий, связанных с Н.И. Ульяновым. Само громадное количество разнообразной литературы, проработанной автором, прямо свидетельствует о многогранности таланта и «виражах» «Петропольского Тацита».

Отличие от многих книг, повествующих о жизни и деятельности замечательных людей, текст П.Н. Базанова представляет собою своеобразное и увлекательное путешествие по «виражам» Ульянова. Богатейшая источниковедческая база позволяет автору впервые воссоздать новый портрет своего героя, в личности которого счастливо сочетались таланты и полемичность, живая мысль с непрестанным поиском истины, критика, бывало, довольно жесткая, с «политикой».

На обелиске Ульянову, ушедшему в 1985 г. из нашего бытийного мира, помещено четверостишие Георгия Иванова:

За пределами жизни и мира
Все равно не расстанусь с тобой,
И Россия как белая лира
Над засыпанной снегом судьбой...
(с. 238)

© 2019 г. В.И. Косик
kosikvictor@mail.ru

Седьмое заседание Комиссии историков России и Словакии. Международная научная конференция «Словакия и Россия в переломных моментах истории: люди, идеи, события»

Комиссия историков России и Словакии (КИРС) существует с 2004 г. За прошедшие годы заседания КИРС проходили параллельно с научными конференциями в Братиславе (2005, 2010), Москве (2007, 2012), Банска-Бистрице (2014) и Йошкар-Оле (2016). В сентябре 2018 г. эстафету проведения заседаний комиссии перенял восточнословацкий город Прешов.

12 сентября в Прешовском университете (ПУ) состоялось торжественное открытие конференции «Словакия и Россия в переломных моментах истории: люди, идеи, события». Организаторы приурочили ее сразу к нескольким «восьмеричным» юбилеям: 1918, 1938, 1948 и 1968 гг., на которые в истории Европы пришелся целый ряд судьбоносных перемен. С приветствиями к участникам и гостям обратились декан философского факультета (ФФ) ПУ *Васил Глухман*, директор Института истории ФФ ПУ *Патрик Дерфиняк*, председатель КИРС со словацкой стороны *Татьяна Ивантышыннова* (Исторический ин-т САН, г. Братислава) и глава российской делегации на конференции *Г.В. Рокина* (Марийский гос. Ун-т, г. Йошкар-Ола). Кроме этого было оглашено приветственное письмо, направленное участникам конференции председателем КИРС с российской стороны *Л.П. Репиной* (Ин-т всеобщей истории РАН).

Научную программу конференции открыл доклад *Мирослава Даниша* (ун-т им. Я.А. Коменского, г. Братислава) «Русское летописание в словацкой историографии XX столетия». Г.В. Рокина осталась на трактовке в современной историографии русско-словацких связей XIX в.

Сюжеты последующих докладов в основном касались исторических перипетий первой половины XX в. Так, *Е.П. Серапионова* (ИСЛ РАН) рассказала о проблемах, возникших при работе над новой документальной публикацией о чехословацких легионерах в России. *Радомир Влчек* (Исторический ин-т АН ЧР, филиал в г. Брно) поставил в своем докладе вопрос «28 октября 1918 г. – века чешского и словацкого русофильства?». *Михал Шмигель* (ун-т имени Матая Бела, г. Банска-Бистрица) осветил тему репатриации из Чехословакии российских военнопленных в 1919–1921 гг. Выступление *Эмила Ворачека* (Исторический ин-т АН ЧР, г. Прага) касалось репатриационных миссий Чехословакии в советской России и РСФСР в Чехословакии. *Юрай Бенко* (Исторический ин-т САН) представил доклад о коммунистическом движении в межвоенной Подкарпатской Руси после 1921 г. Ученый секретарь КИРС со словацкой стороны *Даниела Кодаёва* (Исторический ин-т САН) посвятила свое выступление известному словацкому деятелю *Владимиру Кривошу* (1865–1942), трагическая судьба которого тесно связана с Россией. Заместитель директора Исторического ин-та АН ЧР *Ян Немечек* проанализировал различные аспекты словацко-советских дипломатических контактов в 1939–1941 гг. О.С. Крылова (МарГУ) выступила с сообщением «История Словакии на страницах университетских изданий Поволжья». *Александр Рандин* (ун-та им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава) представил компаративный доклад, касающийся освещения заграничных походов гуситов в словацкой и российской историографии XX в. В конце первого дня конференции прозвучало литературоведческое выступление *Л.Ф. Широковой* (ИСЛ РАН) об отражении событий российской истории в словацкой прозе XX–XXI вв.

13 сентября конференция продолжила свою работу. В продолжение тематики, обсуждавшейся ранее, *Станислав Мичев* (Музей Словацкого национального восстания, г. Банска-Бистрица) представил собственный взгляд на словацко-советские отношения в 1939–1941 гг. Однако основное внимание докладчиков было сосредоточено на событиях 1968 г. Так, доклад *Марины Завацкой* (Исторический ин-т САН) был посвящен новой коллекции архивных документов, относящихся к этой

тематике. *Ян Джуйко* (Ин-т истории ПУ) в своем выступлении проанализировал реакцию словацкой прессы на вторжение войск Организации Варшавского договора. Ученый секретарь КИРС с российской стороны *М. Ю. Дронов* (Исл РАН) рассмотрел освещение американским изданием «Свободное слово Карпатской Руси» конфессиональной ситуации в Северо-Восточной Словакии в 1968 г. *Т. Ивантышынова* выступила с докладом по истории науки под названием «Институт истории европейских социалистических стран САН после августа 1968 г. и в период нормализации». Был зачитан доклад зам. председателя КИРС с российской стороны *Э. Г. Задорожнюк* (Исл РАН) «Дубчек и Гусак как чехословацкие политические акторы: сходства и различия судеб».

Следует отметить, что конференция сопровождалась оживленными дискуссиями.

В тот же день в помещении университетской библиотеки ПУ состоялась лекция директора Исл РАН *К. В. Никифорова* «Славяноведение в современной России». После ее окончания докладчик передал в дар библиотеке новейшие издания возглавляемого им института.

В заключение рабочего дня состоялось официальное заседание КИРС. Члены комиссии выразили особую благодарность зам. председателя КИРС со словацкой стороны *Л. Гарбулёвой* за прекрасную организацию прешовской конференции. Материалы прошедшей научной встречи будут опубликованы в 2019 г. (отв. ред. *Л. Гарбулёва* и *М. Даниш*). Также состоялась презентация изданных материалов банско-бистрицкой и йошкар-олинской конференций, проводившихся КИРС: двуязычной коллективной монографии «Россия и Словакия на общих перекрестках истории» (Банска-Бистрица, 2016. Ред. *В. Ковачова*) и ежегодника «Запад–Восток» (Йошкар-Ола, 2017. № 10. Гл. ред. *Г. В. Рокина*). Согласно решению КИРС, следующее заседание и сопутствующая ему научная конференция «Феномен границы в истории и исторической памяти» должны состояться в 2020 г. в Ставрополе или Пятигорске. Организаторами выступят Северо-Кавказский федеральный университет и Исл РАН.

Вечером 13 сентября участники конференции были официально приняты мэром г. Прешов *Андреей Турчановой*. Также организаторы подготовили для гостей города богатую культурную программу. В частности, 14 сентября все желающие российские и чешские ученые смогли принять участие в экскурсии по маршруту Прешов – Спишский град – Спишска капитула – Левоча – Прешов.

Подводя итоги прешовского заседания КИРС, хотелось бы отметить проявленный взаимный интерес ученых двух стран к работам друг друга, появление и обсуждение новых интересных идей для дальнейшего сотрудничества.

2019 г. *М. Ю. Дронов, Е. П. Серapiоновa*
mikhaildronov@rambler.ru; serapionovae@mail.ru

DOI: 10.31857/S0869544X0005431-7

К ЮБИЛЕЮ МИХАИЛА АНДРЕЕВИЧА РОБИНСОНА

Михаил Андреевич Робинсон, крупный специалист по истории отечественного славяноведения, доктор исторических наук, руководитель центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Славяноведение», вице-президент Международной комиссии по истории славистики Международного комитета славистов отметил 70-летний юбилей.

Он родился 9 мая 1949 г. в семье филологов Андрея Николаевича Робинсона (1917–1993) и ныне здравствующей Веры Александровны Робинсон-Плотниковой, одного из авторов «Русской грамматики» (М., 1980; Госпремия СССР 1982 г.). А.Н. Робинсон, доктор филологических наук, был признанным специалистом по истории средневековой русской литературы и сравнительно-историческому изучению средневековых европейских литератур, на протяжении многих лет возглавлял исследовательскую группу в ИМЛИ РАН, долгое время был ученым секретарем и заместителем председателя Советского комитета славистов. Унаследованный от родителей интерес к истории русского Средневековья проявился при выборе пути. По окончании школы М.А. Робинсон поступил в Московский государственный историко-архивный институт, где его педагогом был С.О. Шмидт, а в 1971 г. – в аспирантуру отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, где академик Д.С. Лихачев предложил молодому историку взять тему по истории русской славистической науки начала XX в., занявшись изучением жизни и творчества академика А.А. Шахматова (1864–1920), выдающегося филолога, текстолога, этнографа, блестящего знатока древнерусского летописания, словесности и фольклора. Выполненная под руководством Д.С. Лихачева кандидатская диссертация «Общественно-научные взгляды и деятельность академика А.А. Шахматова» была защищена в 1975 г. в ленинградском отделении Института истории АН СССР. С этих пор именно история науки (а конкретно история русского славяноведения) становится делом всей жизни М.А. Робинсона, при этом школа Д.С. Лихачева заложила основы его профессионализма как исследователя – все работы М.А. Робинсона базируются на глубоком изучении архивных документов, других первоисточников, демонстрируя также глубокое знание историографии, интерес к теоретическим проблемам, умение вписать историко-научную тему в широкий политико-идеологический контекст изучаемой эпохи.

С 1977 г. М.А. Робинсон работает в штате Института славяноведения и балканистики АН СССР (ныне Институт славяноведения РАН), где прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора Института (2010–2015). С 1988 г. по сегодняшний день он возглавляет в Институте славяноведения структурные подразделения, занимающиеся проблемами истории науки, общественной мысли, славянской книжности. Блестящая эрудиция, широкий кругозор и прирожденный такт позволили Михаилу Андреевичу стать замечательным научным редактором академических изданий. С 1992 г. он член редколлегии журнала «Славяноведение», с 1997 г. заместитель, затем и.о. главного редактора, с 2007 г. – главный редактор. В 1998–2009 гг. М.А. Робинсон был главным редактором «Славянского альманаха», во многом благодаря его усилиям завоевавшего высокий престиж и приобретшего свое неповторимое лицо среди отечественных академических историко-филологических изданий, этому изданию он продолжает и сегодня уделять немало внимания в качестве члена редколлегии. М.А. Робинсон – вдохновитель многих научных проектов, ответственный редактор и член редколлегии немалого количества трудов Института славяноведения РАН.

Итогом многолетнего изучения М.А. Робинсоном истории отечественного славяноведения в десятилетия кардинальных социально-политических перемен стала его фундаментальная монография «Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов)» (М., 2004). В ней представлены судьбы не только выдающихся ученых (филологов и историков), но и сформировавшихся задолго до 1917 г. научных институций в условиях острых политических катаклизмов, пережитых страной, причем развитие славистики поставлено в контекст коренных изменений всей государственной политики в области гуманитарной науки, связанных с усилением диктата господствующей коммунистической идеологии. Книга, основанная на глубокой проработке архивных документов (главным образом из архивов Санкт-Петербурга и Москвы), получила немалый отклик в академических кругах, была издана также в 2014 г. в переводе на польский язык. В 2006 г. М.А. Робинсон защитил в РГГУ докторскую диссертацию «Российское славяноведение: судьбы научной элиты и учреждений Академии наук (1917 – начало 1930-х годов)».

С начала 1990-х годов М.А. Робинсон успешно представляет Россию на многих научных форумах, в том числе на международных съездах славистов, принимает активное участие в деятельности Международной комиссии по истории мировой славистики. Труды М.А. Робинсона опубликованы во многих странах, он многократно выступал с лекциями перед зарубежными коллегами не только в славянских странах, но также в университетах Италии и Великобритании. Круг его научных интересов отнюдь не ограничивается судьбами отечественного славяноведения в первой трети XX в. Его перу принадлежат работы по истории русской общественной мысли конца XIX – первой половины XX вв. (в том числе в связи с развитием методологии гуманитарно-научного знания), культуре и гуманитарной науке русского зарубежья в XX в., историко-культурным проблемам русского Средневековья, внутренним связям между культурной традицией Средневековья и русской литературой Нового и Новейшего времени (часть работ подготовлена и опубликована им в соавторстве с супругой, известным специалистом по истории русской литературы и общественной мысли эпохи Средневековья и раннего Нового времени Л.И. Сазоновой). Свой юбилей М.А. Робинсон встречает в хорошей научной форме, каждый год достоянием читателя становятся его новые фундаментальные статьи.

Не только высокий профессионализм и глубокая эрудиция Михаила Андреевича Робинсона, но и его подлинная интеллигентность, глубокая порядочность и другие замечательные душевные качества по праву завоевали ему большой авторитет и уважение как в коллективе Института славяноведения, так и в более широком научном сообществе.

Дирекция Института славяноведения РАН, коллеги М.А. Робинсона и редколлегия журнала «Славяноведение» сердечно поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и новых творческих успехов.

Сотрудники редакции также присоединяются к поздравлениям главному редактору журнала. Спасибо Вам, дорогой Михаил Андреевич, даже не столько за способность быстро решить самые сложные административные вопросы (что делают многие руководители), сколько за человечность, интеллигентность, огромную эрудицию, что очень помогает в нашей работе, а также готовность помочь каждому словом и делом, за комфортные психологические условия нашей работы, что, безусловно, сказывается на качестве публикуемых в журнале материалов и делает его одним из авторитетных славистических изданий.

К ЮБИЛЕЮ СВЕТЛАНЫ ИВАНОВНЫ ДАНЧЕНКО

Как скоротечно время! Его бег особенно заметен, когда неожиданно подходят юбилейные даты коллег. 4 апреля отмечает такую дату Светлана Ивановна Данченко, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время.

Светлана Ивановна родилась и выросла в рабочей семье. Отец — Иван Ильич Бочкарев (1914—1983) — фронтовик-пехотинец, Великую Отечественную войну закончил в Будапеште. Вернувшись с фронта, до конца своих дней работал на Московском нефтеперерабатывающем заводе. Там же всю жизнь трудилась и мама — Мария Павловна (1920—1970). Пример родителей стал определяющим при складывании таких черт характера Светланы Ивановны, как целеустремленность, настойчивость в достижении намеченной цели и ответственность за порученное дело. И еще одно следует отметить: Светлана Ивановна принадлежит к поколению советских людей, воспитанных отцами-победителями, воинами, выстоявшими в смертельной схватке и одолевшими фашистскую Германию. И с этим настроем на победу она уверенно идет по жизни, что помогает ей справляться и со сложными научными заданиями, и с непростыми жизненными обстоятельствами.

Учеба в школе давалась легко. Результат не заставил себя долго ждать — золотая медаль! Ко времени окончания школы в 1966 г. Светлана Ивановна твердо решила поступать на истфак МГУ. Испытание предстояло трудное: летом 1964 г. было принято решение о возвращении с 1966/1967 учебного года к школе-десятилетке. Конкурс был огромный — 30 человек на место, поскольку сдавали экзамены вместе школьники, учившиеся по программе 11 классов, и выпускники, перешедшие на новую программу 10-классного обучения. Медаль давала право на зачисление в случае сдачи на отлично вступительного экзамена по истории СССР. Принимал его хорошо известный всем студентам истфака М.Е. Найденев (1918—2007), ветеран Великой Отечественной войны, потерявший зрение. Юная абитуриентка поразила преподавателя МГУ блестящим знанием работ К. Маркса и В.И. Ленина. Многоопытный профессор поинтересовался, откуда такое знание классиков. Оказалось, что школьная учительница истории требовала от своих учеников заучивания цитат и выдержек из сочинений основоположников марксизма-ленинизма. Великолепная память не подвела: волнения позади, а впереди увлекательная учеба, счастливые и радостные студенческие годы.

На истфаке Светлана также была отличницей и в 1968 г. за результаты в учебе и активную общественную работу получила именную стипендию имени К. Маркса. Выбор специализации по кафедре истории южных и западных славян, а также диплом с отличием определили дальнейшую судьбу выпускницы МГУ — 14 июня 1971 г. она была зачислена в Институт славяноведения АН СССР на должность старшего научно-технического сотрудника. Инслав стал для нее, как и для многих из нас, вторым домом, где шла не только интенсивная и интересная научная работа. Были еще и лыжные вылазки, шахматные турниры, праздники «красного календаря», непременно сопровождавшиеся прославленными институтскими «капустниками» и песнями под гитару. В кругу друзей и коллег даже регулярные походы на овощную базу в Очаково воспринимались не как нудная обязателька, а как возможность пообщаться в неформальной обстановке. Светлана легко влисалась в дружный коллектив. Коллеги по работе, уважая и любя ее за деловые качества, отзывчивость, добрый и веселый характер, ласково называли ее Светик. Светлане Ивановне можно позавидовать: ей посчастливилось работать с такими корифеями советской славистики, как Сергей Александрович Никитин, Ирина Степановна Достян, Юрий Алексеевич Писарев. Все они сыграли

важную роль в становлении молодой исследовательницы: нацеливали на высокий результат, консультировали, помогали советами.

Человек благодарный, Светлана Ивановна всегда помнила своих наставников, и, возглавив в 1987 г. аспирантуру Инслава, так же внимательно относилась к молодым исследователям. За 23 года пребывания на этой должности, до 2010 г., немало аспирантов и соискателей прошли через ее руки, почувствовали заботу и искренний интерес. Длительное время С.И. Данченко являлась ученым секретарем институтского Диссертационного совета по истории. Своим вниманием она не обходила молодых ученых и на этой стадии их профессионального «взрождения». В настоящее время С.И. Данченко руководит Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время и продолжает энергично помогать молодым ученым в процессе постижения профессиональных тонкостей и их роста как специалистов.

О вкладе Светланы Ивановны в отечественную и мировую историографию истории Сербии, изучение становления сербской государственности, русско-сербских политических, культурных и научных связей, ключевых проблем общественно-политического развития стран и народов Балканского полуострова следует сказать особо. Этим вопросам были посвящены диссертации на соискание ученых степеней кандидата и доктора исторических наук («Русско-сербские общественные связи (1878–1885 гг.)» и «Развитие сербской государственности и Россия, 1878–1903 гг.» соответственно). Свое дальнейшее развитие исследование указанных проблем получило в фундаментальных монографиях Светланы Ивановны – «Русско-сербские общественные связи (70–80-е гг. XIX в.)» (М., 1989) и «Развитие сербской государственности и Россия, 1878–1903 гг.» (М., 1996).

С.И. Данченко глубоко проанализировала такую актуальную для российской и сербской исторической науки проблему, как роль России в становлении государственности сербского народа (статья «Борьба за новую конституцию в Сербии и Россия (80-е годы XIX в.)», опубликованная в журнале «Советское славяноведение» (1985. № 2). Теоретические и практические аспекты проблемы развития сербской государственности всесторонне рассмотрены Светланой Ивановной в работе «Сербское государство в 1878–1903 гг.» (Балканы в конце XIX – начале XX века: Очерки становления национальных государств и политической структуры в Юго-Восточной Европе. М., 1991).

Другим важным направлением исследовательской деятельности С.И. Данченко является анализ историографии сербской истории, а также различных аспектов многофункциональной проблемы «Россия и Балканы». Ей посвящены многочисленные статьи, увидевшие свет в нашей стране и в Сербии. Особо отметим обзоры «Россия и Балканы. Конец XVIII в. – 1918 г. (Советская послевоенная историография)» (М., 1990) и др., а также историографический очерк «Освещение в советской и российской послевоенной историографии Восточного кризиса 20-х годов XIX века, русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского мира» в сборнике статей «Война, открывшая эпоху в истории Балкан» (М., 2009) и статью в сербском «Историческом журнале» «Русские ученые в Сербии в 1878–1885 гг.» («Историјски часопис». Белград, 1981. № 28).

Большое внимание Светлана Ивановна уделяет изучению жизни и деятельности видных русских славистов. Один из ее любимых героев – ученый и писатель Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913). Ему она посвятила несколько исследований, в том числе статьи «П.А. Кулаковский в белградской Великой школе» (Зборник Матице Српске за славистику. Нови Сад, 1979. № 16) и «Деятельность П.А. Кулаковского в Сербии» (Балканские исследования. М., 1980. Вып. 6).

Плодотворно работает С.И. Данченко в жанре биографических очерков о современных исследователях Балкан. В их числе очерки «Научный вклад В.Г. Карасева в отечественную славистику» (Югославянская история в Новое и новейшее время: Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения проф. В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002); «Сергей Александрович Никитин (1901–1979)» (Портреты историков: время и судьбы. М., 2004. Т. 4); «Ирина Степановна Достян. Портрет в “интерьере” Балкан» (В «интерьере» Балкан. Юбилейный сборник в честь Ирины Степановны Достян. М., 2010); «Неповторимый Акоп: ученый, гражданин, друг» (о А.А. Улуянне) (Россия и славяне. М., 2014); «Григорий Львович Арш и его балканские исследования» (Славяне и Россия. М., 2017). Биографические очерки, написанные С.И. Данченко, лишены сухости и официальности. Это не только серьезный историографический анализ научного наследия ученых, но и увлекательные рассказы о коллегах, которых Светлана Ивановна любила и уважала.

Не менее важным направлением научной работы Светланы Ивановны является публикаторская деятельность. Воспитанная в традициях классической исторической славистики она трепетно относится к историческому источнику, любит работу в архивах и знает в ней толк.

Поэтому с увлечением принимала активное участие в подготовке издания двух сборников документов из архива протоиерея М.Ф. Раевского, в том числе в рамках фундаментальной публикации «Зарубежные славяне и Россия: Документы архива М.Ф. Раевского, 40–80 гг. XIX в.» (М., 1975). А в 1989 г. сборник документов из архива М.Ф. Раевского вышел в Белграде.

Светлана Ивановна внимательно следит за современной историографической ситуацией, оперативно откликается на новые темы и повороты в исторических исследованиях по истории России, Сербии и Балкан, инициирует новые исследовательские проекты. Так, с ее легкой руки в Институте была основана монографическая серия «Славяне и Россия», бессменным ответственным редактором которой является Светлана Ивановна. Уже вышли в свет шесть выпусков и готовится седьмой. Одаренная удивительным талантом научного редактирования, она высоко держит планку научных исследований, издаваемых под грифом Института славяноведения РАН.

Так держать, дорогая Светлана Ивановна! Желаем Вам и впредь плодотворной творческой работы, здоровья и Многая Лета!

Коллеги и друзья

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают Светлане Ивановне здоровья и творческих успехов.

Slavyanovedenie № 4, 2019

ARTICLES

<i>Florya B.N.</i> (Moscow). The project of regulation of interconfessional relations in Rzeczpospolita in 1587.....	3
<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). « <i>Shibla slava... k Tornovu</i> »: concerning an orthographic argument for the earlier dating of the extensive edition of « <i>Zadonshchina</i> ».....	10
<i>Ivanyuk S.A.</i> (Volgograd). To the history of events in Ukraine in the spring of 1709.....	15
<i>Kovalev M.V.</i> (Moscow), <i>Seres A.</i> (Budapest). Hungarian archaeologist Nándor Fettich and his connections with Russian émigré scholars.....	24
<i>Gerchikova I.A.</i> (Moscow). Czechs and the «Czechness»: looking for national identity (1918–2018).....	37
<i>Adelgeim I.E.</i> (Moscow). Postmodernisation of literature, Polonisation of Postmodernism.....	45
<i>Starikova N.N.</i> (Moscow). Postmodern discourse and Slovenian literary practice.....	51
<i>Sheshken A.G.</i> (Moscow). Macedonian writers in the labyrinth of Postmodernism.....	60
<i>Efimova V.S.</i> (Moscow). Old Church Slavonic suffixation as a compensation of the Greek article.....	70
<i>Solomonovskaya A.L.</i> (Novosibirsk). Double translation in the Corpus Areopagiticum Slavicum: structure and functioning.....	80

ESSAYS

<i>Pop I.I.</i> (Heb). Memoires of the Russian emigrant in Czechoslovakia vegeni Nedzelski.....	90
---	----

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Marney L.P., Nosov B.V.</i> (Moscow). To the centennial anniversary of Ivan Ivanovich Kościuszko.....	116
--	-----

REVIEWS

<i>Kosik V.I.</i> Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). В 2-х кн.	126
<i>Kosik V.I.</i> П.Н. Базанов «Петропольский Тацит» в изгнании. Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова.....	128

SCHOLARLY LIFE

<i>Dronov M.Yu., Serapionova E.P.</i> The Seventh Meeting of the Commission of historians of Russia and Slovakia. International scholarly conference «Slovakia and Russia in the pathbreaking moments of history: people, ideas, and events».....	131
---	-----

JUBILEES

To the jubilee of Mikhail Andreevich Robinson.....	133
To the jubilee of Svetlana Ivanovna Danchenko.....	135